

СТО

П О Л Е Й

Юлия Латынина

Вейская империя

Юлия Латынина

Сто полей

«ЭКСМО»

1996

Латынина Ю. Л.

Сто полей / Ю. Л. Латынина — «Эксмо», 1996 — (Вейская империя)

Когда некогда единая империя вступает в эпоху перемен; когда в отколовшемся от нее королевстве в частной собственности оказываются армия, законы и налоги, а в самой империи по-прежнему считают, что в стране не должно быть ни богатых, склонных к независимости, ни бедных, склонных к бунтам; когда в королевстве сеньоры смотрят на жизнь, как на поединок, а в империи полагают, что свободный человек – это не раб, не серв, не крепостной, и вообще человек, который не зависит никаким образом от частного человека, а зависит непосредственно от государства; когда партии наследника и императрицы сцепились не на жизнь, а на смерть, – тогда пришелец со звезд Клайд Ванвейлен может слишком поздно обнаружить, что он – не игрок, а фигурка на доске, и что под словами «закон», «свобода» и «государство» он понимает кое-что совсем другое, чем его партнеры по Игре в Сто Полей.

© Латынина Ю. Л., 1996

© Эксмо, 1996

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Часть первая	7
ГЛАВА ПЕРВАЯ,	10
ГЛАВА ТРЕТЬЯ,	33
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,	52
ГЛАВА ПЯТАЯ,	68
ГЛАВА ШЕСТАЯ,	83
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Юлия Латынина

Сто полей

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Сто полей» я долго не переиздавала, потому что не понимала, что с ним делать. С одной стороны – это одна из самых важных для меня книг, а с другой стороны у нее есть мелкий недостаток – это не роман.

Это, скорее, историко-философский трактат в диалогах, а это, как выразился по другому поводу герой следующей книги, «Колдуны и министрвы», Киссур Белый Кречет, «как иштань, жаренные в масле – и съесть нельзя, и носить не хочется».

Книга плоха ровно тем, чем хороша: в ней самые важные вещи – это идеи, а не сюжет и не персонажи, и эти идеи нельзя никуда выкинуть, потому что приключения нескольких глобальных идей, – «государство», «собственность», «правосудие», – и составляют основу «Ста Полей».

Удивительное дело: наш мир стал плоским (по удачному выражению Томаса Фридмана), слова «глобализация» я не люблю, а история наша по – прежнему европоцентрична.

Мы по-прежнему похожи на французских энциклопедистов, которые не знали китайской истории и поэтому были уверены, что ее нет. Поэтому стандартный ответ на вопрос: «Почему техническая революция началась не в Китае» всегда предусматривает рассуждения о восточном деспотизме; такая маленькая историческая деталь, как тот факт, что китайская цивилизация была дважды – в XIII и XVII вв. сметена невежественными завоевателями, как-то обычно даже не приходит в голову отвечающему. Хотела бы я посмотреть на эпоху Просвещения, если бы за век до нее Лондон и Париж порубали в капусту маньчжуры.

На вопрос о месте рождения свободы мы по-прежнему уверенно отвечаем по Геродоту: свобода родилась в Европе, а в Азии всегда было рабство.

На самом деле, когда началось государство, – а государство, как известно из Стенли Крамера, началось в Шумере, – это были города – государства, похожие на многие греческие полисы. Другое дело, что эти города-государства – Ур, Урук, Лагаш, – привлекали дикие племена завоевателей, как свет фонаря привлекает бабочек, а завоеватели уничтожали городское самоуправление и основывали протяженные царства. Или же, в крайнем случае, для того, чтобы защититься от завоевателей, в городе появлялось единоначалие.

К моменту рождения Афин и Фив древние городские общины Шумера были погребены под волнами завоеваний. И греческие полисы последовали тем же путем. Они были завоеваны, и в конце концов свободная Греция стала рабленой Византией, как Урук стал частью деспотического Вавилона.

Произнося «демократия», мы чаще всего неосознанно отождествляем прямую демократию Афин и представительную, например, американскую. Между тем, по целому ряду параметров США похожи на персидское царство больше, чем на афинскую демократию. Несколько демагогически могу напомнить основные признаки, по которым Фукидид и Геродот утверждают, что персидские варвары «по природе своей рабы». Во-первых, варвары носят одежду, а не ходят голые, во-вторых, они платят налоги, чего не делают свободные граждане, в-третьих, у них по всей стране единая система мер и весов.

Один из самых циничных вопросов, который следует себе задать, это кто был богаче: греческие полисы, сохранившие свободу, или ионические города, вошедшие в состав царства Ахеменидов. Циничный ответ на циничный вопрос заключается в том, что свобода была, конечно, в Афинах, но вот экономическому благополучию эта свобода в условиях прямой демо-

кратии, где перед судом было «опаснее быть богатым, чем виновным», не способствовала: а свобода не может длиться долго, если она экономически менее выгодна, чем рабство.

Собственно, до американской революции режимы с народным самоуправлением возникали много раз, и так же много раз схлопывались, так что вплоть до XVIII века это было исторической аксиомой, что нигде в мире демократии не правили протяженными странами. (Именно из этого верного, но устаревшего с тех пор наблюдения льстецы Екатерины II вывели, что протяженной России надлежит быть самодержавной, а наши патриоты до сих пор пересказывают).

Одна из самых страшных штук, которые замечаешь в истории, это то, что я бы назвала конвергенцией государств. Государство, как газ, заполняет любой выделенный ему объем, и генезис этого государства при этом совершенно не важен.

Афины были демократическим полисом, но система добровольных пожертвований (литургий), заставлявшая богатых граждан за свой счет строить корабли и снаряжать посольства, то есть – инвестировать в любовь народную, а не в бизнес, – совершенно останавливала экономику и по разорительности порой не уступала худшим социалистическим образцам; Римское право принесло нам понятие частной собственности, но к IV в. Римская империя занималась в своих провинциях изъятиями зерна в масштабах, сравнимых с продразверсткой, а император Диоклетиан принял декрет о справедливых ценах. Венеция, начинавшая как торговая республика, один за другим принимала законы, которые превращали бывших торговцев в знать и препятствовали появлению торговцев новых.

«Во Флоренции богатый человек не может не заниматься политикой», – вздохнул когда-то Козимо Медичи, а кто бы ни занимался политикой – богатый человек, бедный человек или чиновник, он всегда понимает политику как право перераспределить в свою пользу.

Так вот: если избавиться от европоцентричности, и попытаться вычленив некую «главную последовательность» истории, подобную «главной последовательности», на которой светит 80 % видимых звезд, то мы увидим, что за 6 тыс. лет истории государства гигантские объемы пространства и времени колеблются между сильным государством, в котором власть, возникшая самыми разными путями, пытается регулировать все, в том числе и частную собственность, – и распавшимся государством, в котором частной собственностью тут же становятся самые лакомые его куски, а именно – армия, правосудие и право сбора налогов.

Единственное, что останавливает этот маятник навсегда – это прогресс науки и техники. История государства начинается в Шумере, а не Древней Греции. Где она заканчивается – не знает никто.

Так получилось, что «Сто полей» – практически первая книга, которую я написала, причем сначала вторую часть, а потом первую. Поэтому сейчас я первую часть почти не переделывала, а вот вторую переделала, довольно сильно. В общем, считайте это диалогами Платона, которые ведут персонажи братьев Стругацких. Не самые плохие образцы для подражания.

Часть первая

СТРАНА ЛОЖНЫХ ИМЕН

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

(сообразно иерархии земной и небесной):

Бог Шакуник (и его храмовые торговцы). Варварский бог, который предшествует действию и состоянию, субъекту и объекту, различает вещи и придает им смысл; нету в мире ничего, что было бы ему чуждо: наипаче же – золото, деньги и власть. Впрочем, поговаривают, что богу Шакунику чуждо различение добра и зла.

Бог Ятун (и его бродячие проповедники). Последний король из рода Ятунов догадался, что Бог – один, а все прочие боги – лишь Его Атрибуты и Свойства. Короля этого убили, род его истребили, храмы сожгли, а теперь шляются оборванцы, желающие убедить людей в том, в чем не смог убедить их сам король.

Бог Варайорт (и его свободные общинники). Бог-шельмец, обманщик и вор. Это по его милости земля в дырках и складках, а не ровная и круглая, как было задумано. И, надо сказать, если человек верит в Варайорта, то на нем никогда не будет греха, потому что нет греха в том, чтобы поступать как бог.

Варай Алом, тридцати трех лет. Король Горного Варнарайна, полагающий, что нет смысла завоевывать земли, чтобы раздавать потом их в ленное владение, и мечтающий о стране Великого Света, где в государевых парках бродят золотые павлины и где Небесный Свет прячется в облака.

Айлиль, восемнадцати лет. Младшая сестра короля, мечтающая лишь о Марбоде Белом Кречете, ибо он необычайно красив: и боевой его кафтан – красный с золотом, с золотыми кистями у швов, и кружева оплечий – как перья Белого Кречета, и дыхание коня его – как туман над полями.

Киссур Ятун, тридцати двух лет. Глава свергнутого королевского рода Ятунов; человек рассудительный. Все знают, что ему нелегко убить человека, особенно когда за убийство придется платить большую виру.

Марбод Ятун, он же Марбод Белый Кречет, он же Марбод Кукушонок, двадцати семи лет. Младший брат Киссура Ятуна, лучший меч королевства и удачливый рыцарь; а удачливый рыцарь – это не тот, кто умеет брать замки, а кто умеет узнавать у хозяев, куда они дели добро.

Белый Эльсил. Боевой друг Марбода Кукушонка, полагающий, что тот, кто во всем опирается на колдовство, а воевать не умеет, кончает плохо.

Арфарра, тридцати пяти лет. Королевский советник, монах-шакуник, чародей, беглец из страны Великого Света, бывший наместник Иниссы; говорит, что в хорошей стране богат спокоен за свое имущество, а бедняк – за свою жизнь, что богатство не должно быть для его владельца источником опасностей, а бедность не должна быть ни препятствием, ни преимуществом.

Клайд Ванвейлен, двадцати шести лет. Чужеземец и торговец, с легкой руки Арфарры – королевский советник.

Даттам, тридцати четырех лет. Побратим короля; бывший бунтовщик, перешедший, впрочем, на сторону императора. Вешал людей сотнями и вел восстание, как предприятие, где в графе расходов – десять миллионов человек, а в графе прибыли – императорская власть; проиграл, поскольку законы войны – не законы хозяйствования. На период повествования – монах-шакуник, торговец и предприниматель. Имеет все основания не верить ни одному слову Арфарры, которого ненавидит.

Сайлас Бредшо, двадцати трех лет. Друг Даттама, чужеземец и торговец.

Эконом Шавия. Монах-шакуник, шпион из страны Великого Света; впрочем, отменный стилист, всерьез полагающий, что в хорошей стране не должно быть ни богатых, склонных к независимости, ни бедных, склонных к бунтам.

Шодом Опоссум. Знатный человек, недовольный переменами, ибо за год от него в Ламассу сбежало двадцать семь человек. Король объявил, что всякая собака в стенах Ламассы свободна, – вот они и бегут. А теперь что – прикажете ехать в Ламассу и покупать у своего же шорника свое же добро.

Бургомистр города Ламассы, который, наоборот, считает несправедливым человеку владеть человеком, ибо справедливость – прежде всего. А как, например, сможет цех брать справедливую цену, когда рядом по дешевке трудятся рабы.

Обвинитель Ойвен, тридцати девяти лет. Обладает драгоценным для народного вождя качеством: не только увлекает людей за собой, но и сам увлекается, при этом действуя совершенно бескорыстно, если под бескорыстием разумеется забвение первоначальных интересов.

Сыщик Донь, тридцати семи лет. Бывший контрабандист и разбойник, полагающий, что вора может одолеть только вор и что сажать надо лишь тех, кто не платит отступного; а впрочем, человек чрезвычайно проницательный.

Неревен, девятнадцати лет. Послушник Арфарры, божией милостью художник и шпион. Варварских богов не боится, боится Парчового Старца Бужвы; различает два вида магии: одну знали с древности – порчу наслать, либо глаза отвести, а другую выдумали недавно в храме Шакуника.

Тодди Красноглазый. Несколько модернизировал проповеди ятунов. Как именно – трудно сказать, ибо, по мнению раскаявшегося разбойника Тодди, в распространении учения есть два периода: период сокрытия и период восстания. И в период сокрытия позволительно скрывать суть учения ото всех, даже от наиболее посвященных; а в период восстания посвященными должны стать все, – непосвященные же уничтожены, и имущество их разделено между посвященными.

Шадаур Кобчик. Кровник Марбода, начальник тайной дворцовой стражи, недавно учрежденной советником Арфаррой.

Красавица-Колдунья.

Лух Половинка. Морской вор и изобретатель.

Лосси Розовое Личико. Пройдоха.

Королевский шут.

Илькун – верный вассал Марбода.

Эльда – молодая вдова суконщика Худды.

Дружинники Марбода – из тех, что во время битвы помимо своей воли перекидываются волками и рысями.

Жители города Ламассы, называемые на разных наречиях по-разному: бюргеры, буржуа, горожане, граждане.

Народ, принимающий участие в Весеннем Совете, или, точнее, весеннем смотре войска; ибо на языке аломов понятия «свободный человек» и «вооруженный человек» тождественны, и фраза «все раздавал дружине» звучит так же, как слова «все раздавал народу».

Города, Дворцы, Мечи, Амулеты, Казенные Печати и прочие Священные Вещицы, являющиеся истинными действующими лицами Истории.

Привидения, лишенные собственного тела и являющиеся по мере надобности в чудесах; а также Рабы, Крепостные, Наемные Работники, лишенные возможности распоряжаться собственной волей, в нашем повествовании существенной роли не играют.

ГЛАВА ПЕРВАЯ, ***в которой не происходит ничего, кроме катастрофы***

Клайд Ванвейлен вовсе не собирался открывать новую планету.

Это вышло случайно. У Серого Пятна за его кораблем погнались двое пиратов с фальшивыми опознавательными знаками Порте-Кассино, даже не пиратов, если говорить честно, а отощавших обывателей Ньютоны. Планету недавно вышибли из Федерации за несоблюдение прав человека, отчего местный диктатор, конечно, не перестал расстреливать собственных болтунов, однако совсем перестал преследовать собственных бандитов.

Если бы у Ванвейлена был хороший корабль и надежный экипаж, он бы подождал эти катера и популярно, с помощью бортовых лазеров, разъяснил им международное право, – но у Ванвейлена был этакий грузовой бочонок с подтекавшими стабилизаторами, на котором он вез на Эрконе геофизическое оборудование и прилагаемого к оборудованию геофизика по имени Сайлас Бредшо, скромного молодого человека с застенчивыми манерами и глазами черными, как доньшко пусковой шахты. Бредшо, был нежен, тих, слюняв, и во время погрузки так хлопотал над запечатанными контейнерами, словно его буровые вышки были собраны из лепестков гортензии.

Ванвейлен подумал, что если его пассажир захочет и доложит в порту назначения о незарегистрированных средствах защиты на борту, то у Ванвейлена опять отберут лицензию и еще, пожалуй, конфискуют это старое корыто, и эта мысль ему не очень-то пришлась по душе.

Тут атакующие катера вздыбились и превратились в два широких синих плевка длиной, с точки зрения приборов, в семь тысяч километров, – Ванвейлен врезал по панели управления и ушел в подпространство, не утруждая компьютер координатами выхода.

Когда поле вновь собрало корабль в одном месте, на экранах сияла неведомая Ванвейлену россыпь звезд, а чуть справа по курсу, как одинокая елочная игрушка, висел серебристо-синий шар, важно подставлявший затянутый облаками бок небольшому желтому солнцу. Даже невооруженным глазом можно было заподозрить, что атмосфера на важном шаре – земного типа, и это было редкой удачей. Весь экипаж, в количестве шести человек, сбегался в рубку, и пассажир Бредшо, подсакивая от восторга, потребовал подойти к планете.

Через полчаса грузовик вынырнул из гиперпространства в трехстах пятидесяти километрах от поверхности планеты. Внизу был океан с шельфовой нефтью, потом горы, магнитная аномалия, потом облака и в разрыве – вечерняя степь с антилопами. Корабль вошел в ночную тень над затянутым облаками материком.

– А это что? – спросил Бредшо, вдруг ткнув пальцем в синюю линию на экране. Ванвейлен изумленно на него оглянулся. «А геофизик-то мой ничего не смыслит в геофизике!» – вдруг пронеслось в его голове.

И тут корабль словно сгребло клешней и потянуло вниз, к темным и жирным, как свиной фарш, облакам.

– Какого черта, – выругался Ванвейлен.

Из облаков выскочила нехорошая тень, слева распустился серебристый цветок и тут же превратился в гиганскую круглую воронку всех цветов радуги.

– Это нападение! – закричал в соседнем кресле Нишанов.

Корабль въехал носом в одну из воронок и стал кувыркаться. Глаза индикаторов пучились и лезли из орбит. Клод Ванвейлен бегал пальцами по пульту управления – клавиши вдавливались с бесчувственным резиновым звуком.

– Сбрасывайтесь, – заорал не своим голосом Бредшо.

Ванвейлен на мгновение оглянулся: геофизик сидел весь зеленый, и глаза у него от ужаса были большие, как дисковые антенны.

– Сиди смирно, – зашипел Ванвейлен.

Корабль тряхнуло еще раз, радужные зайчики запрыгали по стенам и приборам, изображение грузовых отсеков на экране вдруг полыхнуло красным, – и до Ванвейлена дошло, что он вез.

– Бросайте груз, – опять заверещал Бредшо.

Что Ванвейлен и сделал.

Корабль стал делиться, как созревшая амеба. Грузовые отсеки уходили вниз, ракетоплан с аварийным запасом топлива – на запад. Радужные воронки теперь вспыхивали далеко сзади, и издали казалось, что кто-то пытается поймать в разноцветный гигантский сачок стальную бабочку в пять тысяч тонн весом. На ракетоплан этот кто-то не обращал внимания.

Ванвейлен рвал пломбы с системы аварийного управления. Капсула слушалась с трудом. Выскочил и лопнул парашют, за ним другой. Берег материка, размытый инфракрасным светом, пропал на востоке. Капсула шла над морем, теряя высоту быстрее, чем скорость: четыре тысячи метров, две тысячи метров, полторы тысячи метров...

Далеко впереди вновь возник берег, изрядный остров, горные леса, обрывавшиеся у ледников. Восемьсот метров. Рули высоты как под наркозом. Топливный индикатор помаргивал, когда ракетоплан попадал в воздушные ямы. Берег был уже внизу. Ванвейлен с трудом разворачивал машину. Датчики визжали, как побитая собака, что-то радостно пело в системе подачи топлива. Ракетоплан развернулся и пошел нырять над ночным берегом, обросшим лесом и изжеванным когда-то ледниками.

Пятьсот метров. Под крылом ракетоплана мелькнул и пропал ночной город. Паучьи ножки улиц сбегались к пристани и площади. «Экий космодром для народных собраний», – подумал Ванвейлен.

В темном лесу мелькнула одна плешь, другая. Ракетоплан цеплялся брюхом за деревья. «Сейчас или никогда», – подумал Ванвейлен, аккуратно управляясь с приборами.

Дрожь прошла по кораблю, датчики нехорошо проорали и смолкли. Что-то ухало и ворочалось в системе охлаждения, едкий дым пополз было из-под панелей, но сгинул в вентиляционных шахтах.

Капсула сидела посреди проплешины в темном лесу и тихо шипела.

Ванвейлен повернулся к Бредшо и тоном, не предвещавшим ничего хорошего, осведомился:

– Ну, что у вас там было? Плазменные гранаты?

Бредшо виновато мигал.

– Ясное дело, – сказал кто-то из экипажа, – гремучка у него в контейнерах, вот он и испугался.

– Геофизики, – процедил Ванвейлен, – чтоб вас с вашей борьбой за демократию... Всю галактику засморкали.

– А вас это не касается, – огрызнулся Бредшо, – вас нагрузили, вы и везите.

– Меня это очень касается, – возразил Ванвейлен, – потому что импорт бурового оборудования стоит одну цену, а импорт демократии стоит совсем другую цену.

– А они экономят, – сказал кто-то. – Им Совет Федерации снизил ассигнования на зарубежную демократию.

Бредшо, из-за кожуха накопителя, виновато блестел глазами.

– Это была ракетная атака, – сказал он, – боеголовки типа «Фавилла». Если бы они попали в корабль, от нас бы даже соплей не осталось.

Ванвейлен изумился. Это же надо, – спутать искровые боеголовки с радужными воронками мезонных бомб! Ну и слюнявых же специалистов готовят они на наши налоги!

– Не попали же, – сказал Ванвейлен, и ткнул пальцем в оранжевый индикатор слева от бокового экрана. Индикатор, указывавший на состояние грузовых отсеков, мирно помаргивал, как бы удивляясь: «И чего вы меня оставили?»

– Точно не попали?

– Точно, – рассердился Ванвейлен, – и теперь, пожалуйста, корабль там, а мы тут. Две тысячи километров, и еще триста.

– Можно добраться, – неуверенно сказал Бредшо.

– Ага. Вот только местной валюты нет, заказать билеты на ближайший авиарейс.

– Это была не ракетная атака, – сказал Нишанов, – это была магнитная ловушка. Я однажды возил контрабанду на Геру и попал в точно такую, – если корабль не имеет опознавательного сигнала, его тащит вниз...

– Ребята, вы что, взбесились, – сказал бортинженер. – Это был лазер. Экран же был весь серебряный.

Ванвейлен почувствовал некоторую дрожь в руках. Радужные воронки еще стояли у него в глазах. Радужные воронки бывают только у мезонных ракет, взрывающихся в атмосфере, типа «агаты», под которую он попался под «Вегой-20».

– Есть еще мнения? – осведомился Ванвейлен. – Вы что видели, Стас?

У Стаса Стависки глаза были виноватые и странные.

– Я, – откашлялся он, – знаете, я вчера фильм смотрел, по СВ, с танками, – и вот мне показалось, что что на нас едет такой серый танк с броней высшей защиты.

– Так, – сказал Ванвейлен, – значит, на нас в стратосфере наехал танк. Вероятно, архангелы проводили тактические учения. Василиска, дракона, и упыря с минометом никто не видел?

Но василиска не видел никто. Может быть, потому, что по СВ в последнее время не показывали фильмов с василиском в качестве центрального персонажа.

Тогда Ванвейлен переключил компьютер на воспроизведение и затребовал данные получасовой давности. Экран осветился нежным зеленым светом, и Ванвейлен несколько прибалдел. Судя по данным компьютера, их вообще никто не атаковал. Судя по данным компьютера, корабль сам пошел вниз, а потом закувыркался в стратосфере, подчиняясь довольно дурацким, но все же выполнимым приказам центрального блока... «Ого-го, – заплесало в голове Ванвейлена, – это что же? Это значит, кто-то на том материке взял управление кораблем на себя, разобрался за пару мгновений и взял? Хотя постойте, а головы наши? Управление нашими головами он тоже взял на себя? Ведь каждый видел, черт побери, разное! Это ведь привидения можно видеть по-разному, а принять мезонную ракету за магнитную ловушку... Лучше бы я долбанул этих пиратов... Скверное это дело – быть подбитым мезонной ракетой, но быть подбитым призраком мезонной ракеты – нет уж, увольте от знакомства с такой цивилизацией...»

В этот миг что-то клюнуло в прозрачную оболочку. Ванвейлен включил наружное освещение и увидел, что из черных кустов в корабль сыплются раздвоенные стрелы с белыми перышками. У местного населения, судя по всему, неизвестных противоракетных систем не было.

На рассвете выяснилось: корабль сел на огород с бататами. Совладельцы огорода скрылись в лесу, оставив у столба в круглом поселке обильную снедь, пальмовое вино и привязанную девушку.

– Всегда мечтал спасти принцессу, предназначенную в жертву дракону, – сказал Ванвейлен, разрезая веревки. Принцесса впиалась ему в руку, звякнула ножными браслетами, схватила калекбасу с вином и убежала.

Ванвейлен ошарашенно жмурился, пытаясь понять, как согласуются атака в верхних слоях атмосферы с девушкой, привязанной у столба. И было что-то еще: ах да! Прибрежный город, горбатенький, темный и какой-то средневековый...

Никто не спешил посылать свои военно-воздушные силы на розыски ракетоплана. Казалось невероятным, чтобы высокоразвитая цивилизация ограничилась одним материком.

На следующий день жители деревни вернулись.

Деревня была устроена незамысловато, поле – тоже: лес был вырублен, выжжен и засеян. Таких вырубок было очень много: ливни быстро вымывали почву, люди переходили на другое место, а вырубка зарастала, видимо, лет двести-триста. Сил по-настоящему навредить природе у людей не хватало, и они жили с ней в полной гармонии. Ванвейлен благословил в душе здешний метод сельского хозяйства: если бы не вырубки, ракетоплан распоролся бы о деревья.

В деревне в правильном порядке стояли круглые хижины с деревянными подпорками и заплетенными окнами. Подпорки все были одинаковой длины, чтобы, в случае чего, отдать подпорку из хижины покойника – соседу, но огород у каждого был совершенно свой. Большой Короб – так, примерно, кажется, звали человека, приставленного деревней к небесным гостям, – с гордостью провел Ванвейлена по лощинам и террасам, указывая на свой огород, свою пальму, свой таро и ямс.

Большой Короб, видимо, безошибочно угадал в Ванвейлене Большого Человека из летающей деревни и свел его Больш Человеком из деревни наземной. Тот объяснил Ванвейлену с помощью знаков, что девушки и еда у столба были товаром для обмена с богами. Ванвейлен не понял, что требовалось от богов взамен: железная чешуя, возмещение за потраву или хорошая погода. На всякий случай он объяснил, что девушка в качестве товара им не подходит. Тот вздохнул, развернул пальмовые листья в принесенной с собой корзине и вытащил оттуда два полукилограммовых бруска золота. На брусках были иероглифы, похожие на головастиков, и клеймо: множество людей на городской площади. Ванвейлен погладил брусок и подумал, что, вероятно, с жителями этого мира можно будет все-таки найти общий язык.

В деревне поспешно солили, коптили, кололи, сушили, – Большой Человек деревни, Белый Батат, гонял людей, как мух. Ванвейлен понял, что идут какие-то грандиозные приготовления к торговой экспедиции по обмену с прибрежным городом, а может, и дальше.

Дикари быстро освоились с богами и стали воровать с корабля все, что попадалось им под руку. Бредшо сказал, что это потому, что у них другие представления о собственности, но Клайд Ванвейлен подстрелил парочку дикарей, и с этих пор представления дикарей о собственности не очень отличались от представлений Ванвейлена.

Ванвейлен так и не вытряс из Бредшо признания, на какую из многочисленных спецслужб Федерации тот работает, но про себя решил, что речь идет о Комиссии по соблюдению межконституционных ограничений, – говорят, именно там обитали вот такие парни, – непременно с двумя дипломами, очками на носу, печальным взглядом и сравнительно слабыми кулаками.

С самого начала Ванвейлен подумал, что неплохо бы иметь что-то, чем можно торговать с дикарями. Но, поскольку местные автоматы для размена денег не принимали кредитные карточки, пришлось поступить по-другому. Бредшо нашел в горах подходящий песочек, – все-таки, видимо, что-то в геологии он понимал. Из подручного материала и остатков двигателя соорудили печку и наделали для дикарей всяких бус, – красных, розовых и синих. Эти бусы так понравились туземцам, что они меняли на них свиней, коз, и квадратные золотые слитки.

Бредшо сказал, что менять десяток пестрых бусинок на золотой слиток – это значит обирать аборигенов, Ванвейлен сказал, что еще одно такое заявление со стороны Бредшо, – и он скормит Бредшо аборигенам на завтрак.

Ванвейлену очень хотелось собрать побольше золота. Ванвейлен стал расспрашивать, скорее знаками, чем словами, где они берут слитки, и разузнал, что на юге, ближе к стране мертвых, есть города, сделанные людьми, приплывшими из-за моря, и что эти люди, вероятно, родственники Ванвейлена, поскольку плавать по морю, наверное, труднее, чем летать по воздуху.

Ванвейлен собрал экипаж и сказал, что если они собираются всю жизнь есть бататы и сливаться с nepотревоженной природой, то лучшего места в галактике им не найти. Он же, Ванвейлен, намерен добраться до прибрежных городов, нанять там корабль, переплыть море, добраться до корабля и улететь с планеты.

Некоторое время обсуждался проект строительства самого неуклюжего вездехода в мире, который должен был потреблять в качестве горючего местный бататовый самогон. Но двигатель разлетелся при первом же испытании. Самогон, заготовленный в невиданных на острове количествах, раздали населению, и, надо сказать, это дело стало впоследствии у туземцев ежегодным праздником.

На празднике Ванвейлен объяснил, что ему нужны носильщики. Дикари из деревни отказались сами идти к побережью, но, соблазненные красивыми бусами, напали на соседнюю деревню. Половину пленников они продали Ванвейлену, за сорок бус штуку, а половину усыновили, чтобы потом съесть.

Бредшо вел себя смиренно и водворять демократию не порывался. Возможно, это было связано с тем, что в племени и так господствовала демократия, столь полная, что она не нуждалась даже в спецслужбах для охраны демократии. Он только сказал, что Ванвейлен оправдывает свою репутацию.

Да, была у двадцатисемилетнего Ванвейлена репутация, была с тех самых пор, когда Ванвейлен возглавил маленькую экспедицию «Интерспейса», – компании время от времени посылали в космос хлюпкие разведывательные ракеты, потому что эти деньги списывались им с налогов. Никто не хотел тогда идти под начальство молодого голодного капитана, сына нью-тайваньских эмигрантов, и Ванвейлен набрал людей со всяческими прорехами в биографии. За Вегой-20 это отребье отказалось лететь дальше, и капитану пришлось продырявить пару горячих голов, чтобы охладить остальные. Экспедиция завершилась довольно удачно, но по возвращении Ванвейлена из компании вышибли.

Так вот появилась у Ванвейлена репутация, а заодно и файл в федеральном компьютере. Ха-ароший файл, увлекательный, кабы не этот файл, и не выбрал бы господин Бредшо себе такого капитана для импорта геофизической демократии...

Когда у землян стало шестьдесят рабов, Ванвейлен снял с корабля все оборудование, какое хотел, навьючил рабов копченым мясом, саговой мукой и разобранным ракетным двигателем, запасся хорошей водой и двинулся к побережью.

Дорогу в город дикари и в самом деле знали отлично. Через десять дней земляне увидели с вершины холма городские здания. Тут рабы сложили поклажу, сели под пальму, зажарили курицу, скатили косточки к Городу вниз, собрали свои корзины и объяснили Ванвейлену, что он может их, конечно, съесть, но в город они не пойдут.

Ванвейлен не стал их есть, и земляне спустились в Город одни.

Маленький город с большим космодромом для народных собраний был пуст лет триста. Время и отчасти землетрясение потрудились над ним, но преуспели мало, ибо люди им не помогли.

Люди пропали, а душа города осталась на месте: виноградные прессы и земляные печи для меди и золота, фрески на стенах, дома и очаги, боги и оборотни-предки, спустившиеся с гор в виде животных. В городских цистернах плескалась дождевая вода, но изощренная система подземных каналов, пронизывавшая горные террасы, была безнадежно разрушена. В доках рассыхались корабли со звериными мордами, за стенами городских садов дичали яблони и пчелы, в храмах на голодных богах истлела одежда, в золотых рудниках на склонах гор обрушилась деревянная крепь: «Люди вынесли из гор золото и потеряли интерес к этой земле», – подумал Ванвейлен.

В храмах стояли яшмовые ларцы, в ларцах – сандаловые валики, на которые когда-то были навиты шелковые свитки. Слова истлели. Из-за обилия рисунков и подписей город сам был как большая книга, но Ванвейлен не умел читать и только разглядывал картинки.

На картинках текла обычная жизнь людей, вещей и исчадий фантазии. Стучали по наковальне кузнецы, лавочники расхваливали товар, умирали и воскресали боги, и над рудниками, похожими на преисподнюю, росли золотые деревья с говорящими яблоками. Люди были маленькие и с паучьими ножками, – те, кто рисовал картинки-комиксы, знали, что главные действующие лица нарисованных историй – не люди, а вещи более непреходящие: Города, Сады, Священные Вещицы.

Но самое невероятное было – клады. Круглые монеты, квадратные монеты, монеты со звериными головами и головами человеческими, монеты с дырочкой посередине и сверху, но чаще всего: рубленные слитки с номером и печатью, изображавшей множество людей на площади. Детекторы обнаруживали заветные кубышки в пересохших колодцах, в кладках печей, в самых бедных домах, и почти во всех: золото, золото, золото.

Конечно, не одно золото. Были там вазы, драгоценные камни, мечи, полуистлевшие ткани. Вещи продолжали жить: на рукоятках мечей пели райские птицы, на клинках тявкали собачки, кувшины дремали, стоя на маленьких лапах, сложив ручки на животе. И главное – в потайных местах Ванвейлен нашел несколько морских карт, вырезанных на черепаховых пластинках и на нефрите. Карты указывали рельеф берега, направления течений и ветров, и кружки городов на том берегу.

А через несколько дней Бредшо набрел на еще одну карту. Эта была очень красивая карта, выложенная плоскими камешками на внутренней стене какого-то храма. Центр карты был не на полюсе и не на экваторе, а немного к югу от середины восточного материка, и в центре этом была выложена ониксом черепаха. Восемь ног черепахи переходили в восемь главных меридианов. Карта была выполнена в ортогональной проекции, искажения нарастали по мере удаления от центра, и заморский берег был мало на себя похож.

Эту карту никто не прятал в сундук от воров и властей, и на ней была нарисована совсем другая картина мира, нежели та, что местные моряки когда-то прятали в сундук.

Город был, однако, покинут не совсем: не то снова приезжали переселенцы, не то навесывались пираты. Длинный шпиль у храма на городской площади был починен недавно, и на стапелях в доке сидел новый корабль с одинокой мачтой и пустыми уключинами для весел. Киль его, восемнадцати метров длиной, был вытесан из одного куска дерева, и с обоих его концов удивленно посматривали на землян два резных длинношеих дракона.

Ванвейлен осмотрел корабль и сказал:

– Вот на этот корабль мы погрузим вон то золото, и доплывем на нем до материка.

Накануне отплытия, когда круглый корабль качался в бухточке, к Ванвейлену, скорчившемуся у костра, подошел Бредшо. Ванвейлен, сев на корточки, выгребал из углей завернутую в пальмовые листья дикую курицу, – рецепт, подсмотренный у местного населения.

– Неужели вы действительно думаете дотащить все это золото до «Ориона»?

– Да.

– Глупо. А знаете ли вы, во сколько раз грамм золота дешевле грамма рения?

– Жаль, что горожане забыли спрятать свой рений в тайники.

– Глупо. Нас убьют за это золото.

– Нас убьют и без него. А вы что, боитесь, что мы потонем в море?

– Просто я не люблю деньги.

– Сайлас, если человек говорит, что он не любит деньги, это значит, что деньги его не любят.

Бредшо пожал плечами, и они некоторое время в молчании ели курицу. Курица была божественная. Аромат ее возносился над опустевшим городом, и местные голодные боги свесились с облаков на запах и жадно глотали слюнки.

– Кстати, – полюбопытствовал Бредшо, – откуда на вашем корабле бортовые лазеры? И почему вы не стали стрелять в пиратов?

– Вас побоялся, – сказал Ванвейлен, – думаю, сидит невинный геофизик, испугается, донесет.

– Да, – сказал Бредшо, – испугался помидор помидора.

Помолчал и прибавил:

– Странная все-таки история приключилась с кораблем. Как вы думаете, что нас ждет на том берегу? Мне так ужасно интересно, куда мы попадем?

Ванвейлен ничего не думал о том, что его ждет на том берегу. Он привык думать только о тех вещах, про которые можно надумать что-то толковое, и тут он думал до конца. О вещах, о которых думать бесполезно, а можно только гадать, он никогда не думал.

– Да, – сказал Ванвейлен, – очень интересно.

– А?

– Очень интересно, куда мы попадем. Вдруг у них там сейчас гражданская война, и они распотрошили наш корабль, – и лупят сейчас друг друга вашим... геофизическим оборудованием.

На следующий день корабль со звериной мордой отплывал из пустого города. Неудачно развернутый травяной парус хлопнул и сбил Ванвейлена с ног, и бывший капитан «Ориона» долго воевал с новым своим движителем и ругался, что всякая катастрофа – великий шанс для примитивных устройств.

Окончив свое занятие, он подошел к поварам: Нишанов готовил обед, а Бредшо стоял рядом и, вместо того, чтобы чистить батат, чесал языком.

– О чем спор? – осведомился Ванвейлен.

– Да вот, Клайд, – сказал Бредшо, – мы спорим о политическом устройстве земель за материком. Согласитесь, что от их уровня развития и образа правления во многом зависит, сумеем ли мы добраться до корабля. Вот Нишанов полагает, что мы столкнемся с целым рядом таких же э... э... городских республик, как этот покинутый город. А мне кажется, что горожане вовсе не были самостоятельным государством. Они были частью какой-то очень дисциплинированной империи, которая приказала им переселиться отсюда, – вот они и переселились. И согласитесь, что если на том берегу нас ожидает централизованное государство со шпионами и доносчиками, то про корабль наш давно донесли по начальству и прибрали к рукам, и договориться с таким правительством будет нелегко.

– Я на стороне правительства, – сказал Ванвейлен. – Им на голову сваливается пять сотен тонн плазменных гранат, управляемые ракеты и прочее, а потом являются хозяева всего этого барахла и заявляют, что они мирные люди и поклонники свободы. Кстати, для кого вы везли мой груз?

Бредшо надулся.

– Не скажу.

– Подумаешь, теорема Ферма, – фыркнул Ванвейлен. – Если учесть, что на Эрконе всего две воюющие стороны, и если учесть, что наши доблестные спецслужбы вряд ли будут поставлять оружие этому уголовнику-президенту, то, стало быть, оружие предназначалось будущим демократам.

Бредшо молчал. Хранитель государственных тайн.

– Так вот, учтите – сказал Ванвейлен. – Я, конечно, не знаю, что там на том берегу, раб-
владение или еще какое хитрое слово, но я полагаю, что по сравнению с режимом на том берегу

даже президент Эркона может получить медаль за прогресс и демократию. И если вы там тоже попытаетесь нести в массы огонь свободы, то я вас придушу раньше, чем это сделают массы. Никакой самодеятельности, ясно? Наше дело – дотащить это золото до корабля и улететь. Мы – торговцы. Торговцы не спасают прекрасных принцесс, не убивают драконов и не вступаются за права угнетаемого населения. Понятно?

Бредшо сказал, что ему понятно.

* * *

Прошла неделя. Люди из горной деревни спустились на праздник в Город. В городе они увидели, что нелюди, прилетевшие с неба, уехали по морю на погребальном корабле, который строят раз в четыре года и пускают по воде со всеми отходами жизни. Староста сказал, что вряд ли такой поступок принесет нелюдям удачу, если только они не большие колдуны. А колдовство этих людей было слабее деревенского. Ведь они прилетели с неба в большой тыкве, а деревенские колдуны летали на небо безо всяких тыкв, и это было гораздо сложнее.

А люди очистили Большой Дом и площадку перед ним, после чего Белый Батат устроил на площадке обещанный праздник. Пришли со всех деревень. Раскрасили тела, сообразуясь с фресками и надели на ноги лучшие браслеты, сообразуясь с браслетами, которые надевали боги на их предков, но несколько хуже, потому что браслеты предков были из железа, а браслеты нынешние – из перьев и лака. Пришлось немало потрудиться, чтобы съесть за неделю всех свиней и овощи, потому что Белый Батат запасал и менял все для праздника один год и еще один год и еще четверть года. В конце прошел слух, что Белый Батат что-то оставил себе: люди пришли с камнями и пристыдили его, что в следующий раз не будут на него работать. Он выменял откуда-то свиней и раздал еще.

У Большого Короба был родственник, Малый Короб. Вместе им причиталась целая свинья. Большой Короб был человеком уважаемым, и ему причиталась почти вся свинья, а Малому Коробу – только левая задняя нога. У Малого Короба явилась хорошая мысль, и на празднике он спросил:

– А нельзя ли нам получить свинью живой?

Белому Батату было, конечно, все равно, и он обещал им свинью живой. А вскоре Малый Короб пошел к Большому Коробу и сказал:

– Я, пожалуй, передумал. Отрублю-ка я лучше свою ногу и съем.

Большой Короб испугался, потому что трехногая свинья никуда не годилась, и стал его уговаривать. Наконец тот уступил, выпросив себе вторую заднюю ногу.

Через неделю Малый Короб опять пришел к Большому и сказал:

– Я, пожалуй, передумал: съем-ка я эти задние ноги.

Большой Короб испугался и посулил Малому Коробу третью ногу. «Ну, так и быть», – сказал тот и ушел.

А через неделю он вернулся снова и сказал:

– Гляжу я на нашу свинью, и так мне хочется съесть свою долю.

Тут Большой Короб плюнул и сказал:

– И зачем я с тобой связался! Забирай свинью целиком и уходи. Отчего, однако, если ты такой хитрый, ты не можешь нажать свиньи сам?

После этого Большой Короб взял мотыгу и пошел копать ямс на огороде Дикого Кота, чтобы Дикий Кот прополос кукурузу на огороде Рябушки, а Рябушка за это подарил Большому Коробу поросеночка от своей свиньи.

Если бы Большой Короб умел считать, он бы посчитал, что у него почти сто полей, огородов и деревьев. Однако Свои поля, как известно, имеют затем, что это очень почетно, и затем, чтобы знать, на чьем Чужом ты работаешь.

А Малый Короб через три дня свинью зарезал и съел.

И больше мы не будем упоминать об этом острове, пусть их живут и наживают добро, а станем рассказывать о том, что происходило на восточном берегу, на материке.

В эту пору в Горном Варнарайне, в усадьбе Золотой Улей жил человек по имени Шодом Опоссум. Он был один из самых рассудительных людей в округе, и многие обращались к нему за советом и поддержкой. Этой весной пришла пора выдавать замуж его младшую дочь. Шодом решил добыть побольше мехов перед приходом храмовых торговцев, снарядил три больших лодки и поехал грабить деревню Лисий-Нос, принадлежавшую Коротконосому Махуду, его давнему врагу. Все вышло как нельзя лучше, а еще Шодом навестил храм матери зверей, стены сжег, а украшения и прочее взял себе.

На обратном пути Шодом остановился в усадьбе Птичий Лог, и хозяйка сказала ему, что рыбаки, ездившие к Темному острову за черепахами, видели там на мели разбитый корабль, точь-в-точь как корабли предков, которые рисуют на скалах.

– Кто там был, люди или покойники, неизвестно, – сказала хозяйка, – но их было не больше семи и держались они смирно.

Дружинник Шодома, Арнут Песчанка, сказал ему:

– Если это покойники, какой смысл с ними драться? Все равно навье золото, если его взять силой, обернется углем и грязью.

– Можешь остаться, – говорит Шодом Опоссум.

– Я не останусь, – говорит Арнут Песчанка, – однако я вижу, что поездка эта добра не принесет.

Через некоторое время Шодом вышел по малой нужде и оставил в сенях секиру. Возвращается – а с секиры капает кровь. Шодом стал ее вытирать, а железо течет, течет, словно женщина в месячные. Тогда Шодом пихнул секиру под лавку, чтобы никто не заметил, и вернулся на свое место.

Хозяйка, однако, увидела, что он стал рассеян, усмехнулась и сказала:

– Вряд ли тебе, Шодом Опоссум, этот корабль по зубам, потому что три дня назад здесь проехал Марбод Кукушонок. А теперь он стоит у Песчаного Вала, и ходят слухи, что он решил с этим кораблем не связываться.

Тогда Шодом Опоссум сказал:

– Марбод Кукушонок своей храбростью торгует за деньги, вот она у него и кончилась.

И наутро выехал к Темному острову.

А женщина проводила его и вернулась во двор. Слышит – собаки подняли страшный лай. Вот она входит во двор, и видит, что это лают не ее собаки, а посреди двора бьются пернатый Вей и рыцарь Алом, и собаки лают и визжат с пластины на панцире Алома, а с лезвия его секиры клочечет кречет. Но тут Вей взмахнул плащом из птичьих перьев, в точности таким, в какой одеты люди Великого Света на скалах, – перья посыпались с плаща, превратились в голубые мечи и оранжевые цепи, бросились на собак и стали их мять и трепать, так что кишки разлетелись от угла до угла. Рыцарь взмахнул рогатым копьем и затрубил в рог: наваждение сгинуло, голубые мечи полетели на землю простыми листьями с золотыми кистями, собаки стали рвать бумагу...

Тут, однако, Пернатый Вей взмахнул рукой, кинул в землю семена: из земли – копыя в виде колосьев, новые воины.

Женщина убежала к себе бочком, в ужасе, села прясть: глядь, а на прялку вместо кудели накручены собачьи кишки...

Она рассказала все служанке, и та говорит:

– Не к добру это. Потому что, несомненно, тот морской корабль из Страны Великого Света, и люди с него – из рода Пернатого Вея.

А женщина подумала и добавила:

– Сдается мне, однако, что не про Шодома Опоссума это видение, хоть он и уважаемый человек, а в Варнарайне скоро настанут страшные времена...

* * *

А с Марбодом Кукушонок было следующее. Услышав про корабль, он не подал виду, а велел плыть к соседнему островку, где была рыбацья деревушка. Жители попрятались, но Кукушонок не велел ничего трогать.

Ночь была с двойной луной, по воде плавали льдинки.

Вечером Марбод подвязал штаны и куртку, надел на пальцы рук и ног кожаные перепонки, чтобы лучше плавать, взял с собой в мешке лук, стрелы и меч. За два часа переплыл пролив, а еще до рассвета перешел на другую сторону Темного острова, где видели корабль.

Корабль был, действительно, точь-в-точь как корабль предков, и весь светился белым светом. Когда рассвело, стало видно, что он лежит на мели, и мачта у него сломана. Люди на корабле совсем не береглись: двое прошли мимо кустов, где сидел Марбод, взявшись за руки, так что тот мог бы без труда изловить обоих.

К вечеру на берег выбежал медведь. Один из людей махнул рукой: налетел вихрь, задрожали листья на деревьях, в воздухе замелькали голубые мечи и оранжевые цепи: мишка упал и умер.

Марбод решил, что увидел достаточно, убрался и стал ждать.

* * *

Когда Шодом Опоссум подъехал к острову, над морем стоял туман. Шодом, однако, был человек осмотрительный и боялся, что у острова тумана не будет. Чтоб люди с корабля не успели перестрелять лошадей из луков, он велел заранее спустить коней в воду и привязать их за кормой, а когда те почувствуют под ногами дно, – садиться и скакать.

Тумана над островом, действительно, не было, а люди с корабля спали на берегу. Дружинники Шодома подкрались к ним и задавили их щитами, так что те не успели проснуться, как их скрутили, как циновку.

Шодом Опоссум положил в мешок того чужеземца, который казался главнее, – впоследствии стало известно, что его звали Ванвэйлен, погрузил мешок в лодку и поплыл к кораблю.

Тут из-за мыска выехали еще лодки, и с них закричали:

– Сдается мне, что бой здесь неравный!

Шодом Опоссум увидел, что это Марбод Кукушонок, и что людей у него в три раза меньше.

Лодка Кукушонка сошлась с его лодкой. Кукушонок стоял на носу. На нем был пятицветный боевой кафтан, украшенный облаками и птицами, панцирь был скреплен роговыми застежками, на голове у него был шлем, увенчанный перьями белого кречета, а за спиной – колчан с бамбуковыми стрелами, отороченными белым пером и меч Остролист. Рукоять меча была увита золотой нитью.

А поверх всего на Марбоде Кукушонке был длинный малиновый плащ королевских посланцев, с жемчужным оплечьем и печатью у пояса, такой плейчатый, что даже меча не видно в складках, и расшитый по подолу золотыми лапами и листьями, и плащи эти давно видали лишь у предков на скалах. А королевских посланцев в стране вот уже век как не рассылали, потому что никто их все равно не слушался.

Марбод закричал:

– Именем короля – прекрати разбой!

Дружинник Шодома Опоссума поглядел на плащ Кукушонка и сказал:

– Что за старье ты напялил на себя, Марбод! Я, пожалуй, буду рад подарить твой плащ своей наложнице, но будь я проклят, если заплачу за него больше одного удара!

А Шодом Опоссум засмеялся и крикнул Марбоду:

– Сними тряпку – мешает драться!

Марбод Кукушонок отвечал:

– Сдается мне, Шодом Опоссум, что твоей голове не место на твоих плечах, раз ты говоришь такие слова.

Тут одна лодка зацепилась за другую, люди Марбода выскочили на палубу и начали биться, и не все люди у Шодома сражались так храбро, как обещали.

Марбод сбросил плащ и кинулся на Шодома. Шодом нанес ему удар под названием «клюющая перепелка», но Марбод подставил щит, и меч вонзился в щит с такой силой, что застрял в нем. Марбод отвел щит и выворотил меч у Шодома из рук.

Тут Шодом схватил секиру, завертел ею и отступил за мачту, а щит его остался перед спускной балкой. Марбод бросил швырковый топор, – тот порхнул и пригвоздил шодомов щит к балке.

А затем Марбод нанес Шодому удар «кошачья лапа бьет справа», так, что у того соскочил подшлемник и шлем слетел с головы. Марбод сбил его с ног, занес меч и сказал:

– Признайся, что ты напрасно оскорбил меня, и нечестно было грабить чужеземцев.

Шодом был человек рассудительный, он вздохнул и ответил:

– Многие бы предпочли смерть такому унижению. Однако я думаю, что нет позора быть побежденным лучшим мечом королевства и человеком из рода Кречетов.

И Шодом Опоссум закричал людям, чтоб перестали драться.

Однако у Марбода было несколько дружинников из тех, что во время битвы, помимо желания, превращаются в рысей и волков, так что прежде чем все успокоилось, многие еще получили отметины на память, а от некоторых на воде остались лишь пузыри, а потом и пузыри пропали.

После этого Марбод подошел к чужеземцу, который во время драки выбрался из мешка, и помог ему встать на ноги.

Марбод Кукушонок, однако, ничего не взял из принадлежащего Шодому. Все считали, что оба вели себя очень благородно, – ведь лари на лодках Опоссума были забиты мехами. А чужеземцы вели себя довольно-таки гнусно, потому что когда началось сражение, их как бы отпустили, и старший даже выполз из мешка, а они сидели и смотрели, словно их это не касалось.

Друг Марбода, Белый Эльсил, сказал ему:

– Ты сегодня сделал две глупости: отпустил живым Шодома и не взял добра у чужеземцев. Будет время, и ты раскаешься в этом. Потому что чужеземцы, видно, и вправду колдуны, однако те, кто во всем полагается на колдовство, а воевать не умеет, кончает плохо.

– Молчи, – сказал Марбод. – Если они помогут мне в том, что я задумал, мне не придется жалеть ни о чем.

Марбод Кукушонок и Шодом Опоссум перегрузили вещи из корабля на свои лодки, и это были в основном золотые слитки. После этого корабль сняли с мели и отвели в Золотой Улей, поместье Шодома Опоссума.

Чужеземцы почти не говорили ни на языке богов, ни на языке людей, однако поняли, что Кукушонок дрался за их жизнь и добро, были ему очень благодарны и подарили много золота.

Они хотели также подарить кое-что Шодому Опоссуму, но тот не хотел брать от таких трусливых людей ничего иначе, чем за деньги.

Тогда Марбод Кукушонок сказал:

– Сдается мне, Шодом, что ты питаешь дурные мысли в отношении этих людей, а мне надо уезжать, и я не хотел бы, вернувшись, найти их мертвыми.

Тогда Шодом Опоссум взял от чужеземцев столько золота, сколько они хотели, и зарыл это золото в беличьем болоте. Все поняли, что не будет удачи тому, кто этот клад выроет.

Перед отъездом Шодом сказал Кукушонку:

– Я хочу, чтоб ты знал, что моя жизнь и мои земли – все это теперь твое, и ты вправе просить у меня все, что пожелаешь.

Кукушонок ответил:

– Я о многом попрошу тебя, а сейчас мне бы хотелось одного, чтобы ты помирился с Махудом Коротконосым, потому что наступают странные времена и покойников в королевстве, действительно, чересчур много.

Марбод Кукушонок как всегда, был удачлив, потому что сделал все, что хотел, и даже больше того, раз Шодом стал его другом.

Марбод оставил чужеземцев в Золотом Улье чинить корабль и обещался вернуться через месяц.

– Правда ли, – сказал Марбод Кукушонок, прощаясь, – что в Золотом Улье есть подземный храм Ятуна?

Шодом Опоссум побледнел, а собаки на ножнах его меча насторожились.

– Это я так спрашиваю, – сказал Марбод Кукушонок. – Прошлого не должно стоять между нами. Разве я плохо воевал для короля этой зимой?

* * *

Карта с морскими течениями и торговыми городами соврала, и карта с империей-черепахой соврала тоже. Не было на Западном Берегу ни городов, ни империи. Были замки над морем, усадьбы за каменными стенами и деревни за сосновым тыном.

Хуже всего, однако, было то, что и кораблей, подобных кораблю землян, нигде не было, – только их подобыя были высечены на «скалах предков». Были этикие плоские лодки без киля, на которых было удобно заходить в реки и грабить прибрежные деревушки, а на торговые корабли с глубокой осадкой спроса не было. Заморский корабль с золотом торчал как бельмо на глазу. Впрочем, без золота он торчал бы еще больше, – здрасьте, приперлись, – а зачем, спрашивается? Со своим золотом – значит, торговать, а без золота – значит, грабить.

Ванвейлен ломал себе голову: кто же построил корабль на том берегу?

Все считали их оборотнями, но мало ли оборотней на свете? Ванвейлен думал, что Марбод Кукушонок спас их корабль, приняв его за корабль из страны Великого Света, в точности как изображенные на скалах. Ракетоплан, вероятно, не произвел бы на него такого впечатления.

Поместье Шодома Опоссума сохраняло от городка, на месте которого оно располагалось, лишь одно, но самое существенное – имя. Золотой Улей. Поместье было как поместье, со всеми его составляющими: усадьбой за крепостными стенами, дворовыми службами, деревней, лесами, лугами, дружинниками, рабами, богами и предками.

Ванвейлен и Бредшо поселились в усадьбе на горе, остальные – в деревне у моря, поближе к кораблю.

Люди в усадьбе и люди в деревне жили в одном поместье, но в разных мирах. Мир людей из усадьбы создал Белый Кречет, разрубив в поединке у мирового древа чудовище Вея. Мир людей из деревни создал государь Великого Света, старый Вей, который взошел по мировому древу к подземным пряхам и принес оттуда ячмень, просо и искусство свадебных церемоний. Люди из деревни и люди в усадьбе были, однако, согласны в том, что Мировое Древо – та самая желтая катальпа, что растет на бывшей площади разрушенного города.

Люди из деревни и люди из усадьбы глубоко чувствовали сопричастность всему живому. Поэтому человек из деревни, убив куницу, относил ее к скале закона, и вся деревня собиралась на суд. Там кунице доказывали, что убил ее не человек, а дротик. Дротик пороли и выкидывали. Это было тем проще, что его сланцевый наконечник был одноразового пользования. Человек и куница были равны, и поэтому человек из деревни считал, что убить куницу – не легче, чем убить человека, а человек из усадьбы полагал, что убить другого человека – не страшнее, чем убить куницу.

Мир деревни был грубым и плоским, и делился, как крестьянский дом, на три части: в одной хранились плоды земные и морские, в другой жил скот, а в третьей помещались люди. Мир усадьбы был вертикальным, с башней в середине. В подклетьях и пристройках жили рабы и дворовые, в горницах, на втором этаже – дружинники и господа, в верхних покоях жили женщины, а в левой угловой башне жил предок рода, Большой Опоссум, и при нем – Старая Женщина, тетка нынешнего графа.

Люди из деревни и люди из усадьбы жили в разных мирах, потому что говорили на разных языках. В усадьбе называли свой язык аломским, в деревне называли свой язык вейским. География и история земли за Голубыми Горами, земли, куда должен был упасть «Орион», на аломском и на вейском языках описывались по-разному.

Мир аломов был миром свободных людей и укрепленных поместий. Он стал таковым много лет назад, когда братья Ятун и Амар завоевали страну Великого Света. Братья алкали славы, а не имущества. Когда Амар зарубил в поединке последнего доблестного государя страны, он не позарился на его дворцы и сады; дворец он сжег вместе с покойником, а золото и земли раздал дружине. Почтение к убитым противникам и щедрость к дружинникам были отличительной чертой предков. Песни настоятельно советовали и впредь не зариться на золото, а раздавать его сотрапезникам, особенно певцам, и напоминали, что Страна Великого Света погибла из-за жадности ее жителей и их страсти к приобретению.

Люди из деревни, напротив, отлично знали, что Страна Великого Света за Голубыми Горами существует до сих пор, и в минуту свободомыслия называли себя ее подданными. Устройство ее было известно во всех подробностях и описывалось так: посреди страны Великого Света – Город, в Городе дворец, во Дворце – Океан больше нашего моря, в Океане остров, на острове – гранат, каждый плод – тысяча зернышек, каждое зернышко больше горы. Сорвешь плод – не портится, приставишь к ветке – опять растет. Под корнями граната ходит золотая черепаха Шушу, из корней текут четыре источника: молоком, изобилием, просяной бузой и справедливостью. Нет там ни зноя, ни холода, нету горных господ и гор тоже нет, нет ни бедных, ни богатых, ни торговцев, ни воров, сами жители золотые, руки у них серебряные, а едят они сытный жемчуг.

По агентурным сведениям, от взгляда ее справедливого государя Харсомы изо рта змеи вместо яда течет сладкое молоко, а орел по его приказанию таскает корм воробью.

Впрочем, точное местоположение страны Великого Света вызывало в деревне некоторые разногласия. Местный знахарь утверждал, что обыкновенному человеку, чтобы дойти до Небесного Города, нужно истоптать три пары железных башмаков. Сам он, будучи человеком необыкновенным, частенько летал туда по ночам. Монах-побродяжка, ржаной королек, которого Шодом Опоссум собаками вытравил из дочкиной горницы, уверял, что далеко ходить не надо, Небесный Город с его орлами и воробьями – внутри нас, да мы сами – снаружи. Так что каждый может видеть его образ, но при жизни ничего, кроме образа, не увидит.

* * *

Свободу в обоих мирах ценили чрезвычайно, однако понимали ее по-разному. В замковой трапезной свободным считался тот, кому король, при условии несения военной службы,

пожаловал поместье. В замковой кухне свободным считался тот, кто имел право сам выбирать себе господина. В деревне свободным считался тот, кто крепок земле, а не господину. Так что если господин продает землю, то не может сковырнуть с нее человека, а должен продавать его вместе с землей. И только управляющий поместьем не уставал подчеркивать, что он – верный раб хозяина, и что даже свободные люди должны уповать на графское милосердие и страшиться неумолимости верного раба.

Человек внимательный мог, однако, заметить, что в аломском языке очень много вейских слов, а в вейском – много аломских.

Так или иначе – люди из деревни говорили по-вейски, люди из усадьбы – по-аломски, а друг с другом они объяснялись на языке Богов, – или языке Закона.

В почитании закона сходились все. Люди из усадьбы почитали закон баранами и благовоениями, люди из деревни приносили ему в жертву черепашьи лапки и просяные зерна. Было бы преуменьшением сказать, что законы незыблемы, как скалы, ибо они и были скалами. Скалы были иссечены изображениями предков и взаимными обязательствами между ними и людьми, и было это сделано еще до прихода аломов, когда людей не было, а на земле жили одни предки. Обитатели поместья чтит изображения, и расходились лишь в толковании подписей. Аломы считали, что Большой Человек на скале именуется «владельцем поместья», в вейцы переводили надпись как «чиновник при общине».

Относительно взаимных обязательств каменного человека и живых крестьян, сомнений, однако, не было. Незыблемый закон обязал каменного человека ссужать деревни солнцем, теплом, безопасностью и справедливостью. Взамен Большой Человек или его представители получали от каждого жителя деревни в год четырнадцать яиц, кувшин конопляного масла, курицу, десять дней полевых работ и еще кое-какую мелочь за лесную и морскую охоту.

Страна Великого Света на скалах была вечна, неуничтожима и беспредельна. Ее государи судили сильных и защищали слабых, разговаривали с богами и советовались с народом, они сами пахали поля золотым плугом и поучали, как пахать, крестьян. Они правили по ту сторону гор и по эту сторону гор, по ту сторону океана и по эту сторону океана, и среди их владений числились заморские города, а среди их атрибутов – резные деревянные корабли, точь-в-точь похожие на тот, в котором приплыли чужеземцы.

Бредшо вылечил дочку графского управляющего, она спросила:

– Правда, что ты из Страны Великого Света, – и Бредшо поглядел вокруг и ответил:

– Да.

Ванвейлен не знал языка, на котором говорили в маленьком городе на другом берегу моря, однако за морем писали иероглифами, а в беспредельной стране с одинаковыми законами писали буквами. Ванвейлен видел: когда в том городе художник рисовал льва, он прорисовывал во льве скелет, печенку, и сердце, словно полагая, что главное в звере – не видимость, а суть. А на скалах Золотого Улья звери были нарисованы, как сумма своих частей. Художник полагал, что от перемены мест слагаемых эта сумма не меняется, и если ему не хватало места для львиных ушей, он рисовал эти уши на животе, а рентгеновских снимков, как на Западе, не рисовал никогда.

Стало быть, с каким-то из атрибутов империи – либо с одинаковостью, либо с беспредельностью, – дела с самого начала обстояли неважно. И куда бы ни простиралась империя два века назад, – ее города превратились в поместья, ее государи умерли и не воскресли, Золотой Улей опустел, дикие пчелы жили в дупле.

Крестьяне почитали страну Великого Света. Крестьяне расписывали горшки теми же словами, которые употреблялись на скалах для докладов древним богам. Они не изменили ни буквы: однако, увы, изменилась грамматика, и то, что было настоящим временем, превратилось в сослагательное наклонение. Отчет о процветании стал молитвой о куске хлеба.

Был и еще один простой и общепринятый язык – язык оружия. Понять его было так же несложно, как выучить дорожные знаки, но научиться разговаривать сложнее, чем научиться водить машину. Ванвейлен, однако, рьяно взялся за дело.

Из дневника Ванвейлена

Сегодня граф показывал мне свои сокровище: стоит кладовая, темная, как местное население, а посередине сундуки. На стенке череп с вделанной в него жемчужиной. Я стал рыться в сундуке и вытащил книгу с серебряным павлином вместо обложки (за павлина она и попала в сокровищницу), и исписанную только с одной стороны. Я облизнулся, и граф тут же подарил мне книгу. Пока босс хвастался сундуками, мальчишка-раб все время норовил ткнуть факелом в соломенную стреху. Я не выдержал и спросил, не боится ли босс пожара? Босс надулся и спросил, что я хочу этим сказать, – каждую неделю он ходит любоваться своим добром, и еще ни разу стреху не подожгли. Я разозлился и сказал, что сегодня не подожгли, так завтра подожгут. Граф возразил, что это может случиться только от дурного глаза, и вообще, чего это я пророчу дурные вещи? Ну вот, – толкуй тут противопожарную безопасность. Теперь, если что, меня же и назовут колдуном.

Я утащил книгу и решил писать на обратной стороне дневник. Что с той стороны – никто не знает. Неровные строчки – должно быть, божьи гимны. Бедная старая книга! Сначала ее держали в сундуке из-за серебряного павлина, а теперь варвар со звезд употребляет оборот на путевые заметки.

Когда мы шли обратно, мне все время казалось, что граф думает: а не спихнуть ли меня в одну из каменных дырок в полу? Он, наверно, и сейчас думает.

Мальчишку, который держал факел, послали на псарню пороть.

Время они считают приливами. Утренний прилив, дневной, вечерний и полночный. Еще говорят: «в час, когда женщины замешивают тесто».

Я спрашивал у графа о земле за Голубыми Горами, куда свалился бедняжка «Орион». Граф позвал певца, и тот спел мне песню. О чем песня, я не понял из-за крайней скудости своего словарного запаса. В конце все страшно возбудились и стали плясать. Сломали половицу.

Сегодня мне песню спели второй раз. Там было про двух братьев, которые завоевали земли империи до Голубых Гор и, не дожидаясь полной победы над империей, решили честно ее поделить. Дележка проистекала довольно остроумным образом. Один брат сказал: давай я поделю землю на две части, а ты выберешь, какая из них твоя. А если не хочешь, ты дели землю на две части, а я выберу, какая из них моя. Завоеватели были слабо сведущи в географии, и не знали, что земля за Голубыми Горами в пятьдесят раз больше, чем земля перед Голубыми Горами.

Думаю, при империи местному народу жилось лучше, потому что хуже, чем сейчас, ему жить не может.

Я кажется, начинаю понимать книгу. Это стихи и язык не очень изменился.

Сегодня на пиру слышал песню про страну Великого Света и прибывшего из нее путешественника. Навострил уши в ожидании географических сведений и услышал, как герой плыл через четыре моря и три острова, и там был остров, покрытый бесами, кричащими так, что один в великом шуме не слышал другого, и магнитный остров, который повывернул все гвозди

из обшивки корабля, и птичка, которая схватила корабль в когти и унесла его на гору из драгоценных камней, и я уже совсем перестал слушать, как вдруг подошел певец и потребовал от меня золота, потому что песня эта была сложена о моем путешествии!

Не могу сказать, что я страдаю от отсутствия информации об империи, но все это информация, видимо, того же рода, что информация о моем путешествии.

Позавчера вернулся Марбод: с ним было сорок дружинников и целая куча всякого добра. Они разделили добро и устроили пьянку почище, чем я видел однажды в Джерсийском космопорту. Теперь я понимаю, что значит «и благородные рыцари начали пировать». Марбод предложил мне ехать завтра с ним. Бредшо сказал, чтобы я этого не делал. Я послал Бредшо к черту.

У меня такое впечатление, что это совершенно статичная система. В ней ничего не может измениться. Главное, что придает ей стабильность – абсолютное военное превосходство знати над крестьянами и столь же абсолютное ее невежество.

Я отправился с Марбодом.

Мы плыли целый день и приплыли к какому-то городку. Жители городка залезли на стены и стали швырять в нас всякой утварью для убийства. Я решил, что нам конец. Марбод подогнал один из кораблей под самые стены, перекинул через поперечный брус у мачты канаты и вздернул на этих канатах лодку: в лодке сидели лучники. Они осыпали жителей стрелами, а потом перескочили на стены. Марбод был первым.

В жизни не думал, что шестьдесят человек могут взять город (без мезонных ракет). Марбод согнал все население на главную площадь и потребовал от них тысячу «ишевиков» выкупа. Население со слезами на глазах благодарило Марбода. Ишевики были принесены. Пятерым из тех, кто ловчее других швырялся в нас утварью для убийства, Марбод предложил быть его дружинниками. Пятеро исполнили танец восторга.

На оборотной странице моего дневника – стихи о белых гусях. Престарелый поэт империи вышел в сад и решил, что опять выпал запоздалый снег, присмотрелся, – а это прилетели весенние гуси.

Любовались на весенних гусей и долюбовались до Марбода Кукушонка.

Вчера приплыли к островку, оставили лодки и поехали по лесу (на лошадях, их возят с собой в лодках). Вдруг навстречу нам – молодец с вооруженной свитой. Молодец выехал вперед и Марбод выехал вперед. Молодец вытащил свой меч и Марбод вытащил свой меч. Молодец сказал, что его меч – лучше. Марбод выразил сомнение. Молодец сказал, что его меч лучше, и поэтому он хочет подарить этот меч Марбоду. Марбод сказал, что в таком случае он готов подарить свой меч молодцу.

Они поменялись мечами, и молодец присоединился к нам. Зовут молодца Лух Медведь.

Поехали на другой конец острова и разграбили там деревеньку. Над деревенькой торчит замок, хозяин которого отлучился по уважительной причине, – грабит другую деревеньку. Опять мы взяли посад с помощью лодок, поднятых на мачту. Я спросил у Марбода, часто ли так делают, и он сказал, что он это первый придумал неделю назад.

Однако!

Опять была дикая пьянка.

На мою долю досталось много всякого добра.

Мы едем встречать торговцев из храма Шакуника, которые недавно повадились ходить в здешние края за черепахами, янтарем и мехами. Эти люди приходят с Востока, из-за Голубых Гор, то есть из страны Великого Света. Марбод сказал, что у торговцев я могу обменять

доставшуюся мне добычу на множество удивительных вещей, которые производят в империи и которые нельзя добыть с помощью грабежа. Я ответил, что я сам хочу идти за Голубые Горы и обменять там меха и золото с большей прибылью.

Во взаимоотношениях Марбод и торговцев есть какая-то тонкость – я не понял, в чем дело, по безъязыкости.

Оказывается, Марбод знает стихи про белых гусей и невыпавший снег. У меня челюсть отвалилась от удивления так, что Лух сунул мне в рот дикую грушу. Я вынул грушу и стукнул ей Луха по уху. Меч Луха лежал далеко, и когда все кончилось, у меня была расцарапана рожа, а у Луха штаны обгорели в костре. Марбод ограничился замечанием, что мы проявили неуважение к древним стихам.

Марбод обнаглел, и кончилось это, как и должно было кончиться – плохо.

Мы явились к довольно большой усадьбе. Стены были деревянные, но стояли на таком большом насыпном холме, что их нельзя было поджечь. У прапрадедушки владельца усадьбы и прапрадедушки Марбода, кажется, были какие-то свои счета по поводу какой-то местной русалки, которую один взял в жены, а другой – изнасиловал.

Вечером явился местный изменник и сказал, что знает старый подземный канал, по которому вода шла в усадьбу, когда на ее месте был город. Марбод спросил у изменника, нет ли при замке старой подземной пещеры с храмом, и тот ответил, что есть. Мы полезли в канал. Изменник был липовый. Нас поймали: Марбода, меня, и еще троих, которые были сразу за нами.

Нас привели в большой зал и там привязали к столбу. Нас обыскали. Из меня вытрясли несколько золотых монет и лазерный пистолет, выкрашенный для маскировки желтой краской и разрисованной картинками по мотивам различных преданий. Монеты были тут же розданы присутствующим, пистолет был выброшен в очаг, как чужеземный талисман, видимо не принесший никакой пользы своему владельцу.

Марбод напомнил, что он, между прочим, королевский уполномоченный. Хозяин спросил, а что такое король, и тут между ними последовал диалог, в котором непонятные мне политические намеки были перемешаны с понятными, но совершенно непечатными словами. Потом хозяин показал на меня и спросил, с каких это пор Марбод таскает с собой колдуна? Я спросил, отчего это я колдун, и хозяин сказал: человек таскается за воинами, а дерется плохо, кто же он, как не колдун? После этого они стали обсуждать, что делать с нами, и слушать это было довольно-таки противно.

Потом хозяин велел отвести нас в подвал, потому что на нем, оказывается, есть зарок – не пытаться людей в ночные часы. Нас троих отвели вниз, прикрепили цепью к обитому медью брусу, а потом вздернули брус к своду, и мы повисли, не касаясь земли, хотя никакой невесомости вокруг не было. Мы висели во внешней башни, и было слышно, как под стенами замка люди Марбода воют, как осиротевшие кошки.

Когда тюремщики ушли, Марбод раскачался, забрался ногами на балку и выдернул из гнезда цепь, за которую был привешен. Через час в камеру опрометчиво заглянул желавший полюбоваться на нас охранник. Марбод удушил его цепью, забрал ключи, спустил брус, на котором мы висели и выпустил нас. Мы втащили часового внутрь и заперлись. Марбод выломал прутья из окошка. Мы разодрали все, что на нас было, на длинные полосы и связали этими полосами цепи: получилась довольно длинная веревка. Мы спустились во двор и прошли к воротам. Марбод придушил часового и выпустил меня через такую форточку в воротах, величиной с аварийный люк. Я спросил, не хватит ли на него сегодня, и он ответил, что не хочет, чтобы в Ламассе рассказывали, как Марбод Кукушонок голым утекал из замка кровника. Он сказал, чтобы я шел к лагерю и привел обратно воинов, если меня не придушат по ошибке.

Когда мы пришли к воротам, они были открыты: человек двадцать из числа вражеских дружинников налезало на Эльсила, защищавшего ворота, а еще чуть поодаль человек шесть шуровало на лесенке в центральную залу. Мы покончили с ними. Когда мы вошли в залу, то увидели, что посередине залы, на столе, сидит голый Марбод и ест с меча утку. В зале было шестнадцать трупов, включая хозяина замка, и кишки висели на стенах. Люди Марбода присоединились к нему. Я отошел в сторонку и тихонько блевал себе там, пока меня не засмеяли.

Марбод сказал, что он, как королевский уполномоченный, забирает замок от его прежнего владельца за неблагодарность и передает его Луху Медведю. Все захохотали.

Марбод везде очень настойчиво справляется о подземных пещерах и заколдованных храмах, провалившихся под землю. Справляется – значит пытается.

Я стал доискиваться, в каких отношениях Марбод с королем, и вышло, что этой зимой Марбод был в наилучших отношениях с королем, а недавно они наговорили друг другу крупных слов. Причиной этому некая черная кобыла с белым пятном на задуге, принадлежавшая королю, и человек по имени Арфарра-советник. Этот Арфарра, желая рассорить Марбода с королем, сказал Марбоду, что король на него сердит и что Марбод может в этом сам убедиться, попросив у короля черную кобылу, – король ему непременно откажет. Королю же Арфарра сказал, что Марбод совсем обнаглел и везде похвастается, что король отдаст ему любимую черную кобылу. Король пришел в ярость. Марбод, с подачи Арфарры, попросил кобылу, король, с подачи Арфарры, послал Марбода туда, куда не может довести не только кобыла, но и транс-солнечный звездолет класса ««А-плюс»».

Марбод страшно сердит на Арфарру, и я не хотел бы быть на месте человека, на которого Марбод сердит. Этот Арфарра – родом из-за Голубых гор и сбежал от тамошних властей. Меня страшно занимает любое известие о людях из-за Голубых гор, – ведь именно туда упал наш корабль.

Марбод сказал про Арфарру:

– Это страшный колдун, и он хочет забрать себе всю власть в королевстве. У него самого души нет, но с ним бегают такая белая мангуста, – это и есть его душа.

Я не вытерпел:

– Слушайте, Марбод, вы тоже везде таскаетесь с кречетом на плече, вы же ведь не скажете, что это ваша душа?

– Почему же, – сказал Марбод, – это моя душа.

Вытащил из ножен меч и прибавил:

– И это моя душа. У человека много душ. А у вас в чем душа?

Гм... В чем у меня душа?

Мы встретились с нашими подопечными из храма Шакуника. Отец Адрамет, глава каравана, – сволочь страшная. Натравил Марбода на деревеньку, цены в которой его не устраивали. Марбод забрал у жителей меха и янтарь, но вместо того, чтобы продать их Адрамету, в припадке хвастовства сжег все на лужайке. Адрамет бегал вокруг костра и вопил, как радиационная сирена.

Вернулись обратно. Бредшо оглядел меня с головы до ног и спросил, понимаю ли я, что участвовал в разбойничьем походе. Я ответил, что мне было интересно. Мы поругались.

Бредшо сказал, что под старым городом есть пещера. По-видимому, это тот самый подземный храм, который ищет Марбод. Наверное, он полагает, что в этом храме добра будет побольше, чем во всех ограбленных нами деревеньках, вместе взятых.

* * *

Итак, в начале весны храмовые торговцы, сопровождаемые дружиной Марбода Кукушонка, явились в поместье, где жили остальные земляне, и начался торг.

Товарообмен был не так уж велик. Крестьяне чтити древний закон на скалах, по которому каждый маленький человек не имел права убивать более десяти черепах в год. Господа чтити закон, по которому большой человек получал от маленького не более трети добытых «мехов и костей».

Поэтому-то крестьяне, будучи людьми мирными и законопослушными, и судились с каждой лишней куницей. А дружинники, будучи людьми воинственными, но тоже законопослушными, добывали меха и кости в соседних деревнях.

Приехал с торговцами и сын хозяина, на пир и охоту собрались окрестные сеньоры. Младший Опоссум, только что пожалованный землей в королевском городе Ламассе, привез с собой в патриархальную глушь культуру двора: отец одобрил черноволосых рабов, доставшихся Младшему Опоссуму в зимнем походе, рубленные серебряные слитки и переливчатые ткани, но покачал головой при виде острозадых амфор с вином. В нем боролись инстинкты рачительного хозяина и расточительного сеньора.

– Отцы наши не глупей нас были, – сказал он, глядя на вино. – Разве просяная буза хуже?

Младший Опоссум возразил, что мир не стоит на месте, а движется вперед.

Марбоду Белому Кречету было три раза по восемь лет. Он был человек совсем иного покроя, нежели Шодом Опоссум не глава поместья, а главарь дружинников, не домосед, а путешественник и приобретатель: alias странствующий рыцарь.

Он был младшим сыном в древнем роду Белых Кречетов и раздавал дружинникам не земли, а золото и коней. Воины обожали его и требовали подарков, как крестьяне – дождя от идола.

На женщин Марбод производил такое же впечатление, как на воинов. В горнице дочь хозяина, Идрис, сказала служанке:

– Ах, как он красив. Боевой кафтан – красный с золотом, и с золотой кистью у шва, рукоять меча перевита камнями, кружева оплечья – как перья белого кречета, а поверх кафтана – ферязь с соболиной опушкой!

В трапезной певец сравнил Марбода с древними героями, зачатыми в горне и рожденными в булатной чешуе, которые считали позором добыть трудом то, что можно добыть разбоем, и бесчестьем – не раздать или не проиграть добытого. И рассказал следующую историю:

– У такого человека, как Марбод, много врагов живых и мертвых.

Двадцать три Луны тому назад Марбод ехал морем в Ламассу. Видит: у скалы стоит человек на железном коне и просит его подвезти. Дружина умоляет не связываться: смекнули, что это из древних императоров, когда были железные кони и бронзовые гуси. Марбод, однако, велел причалить. У Золотой Горы лодка села на мель.

– Спасибо, что подвезли, – говорит человек и норовит удрать в гору.

Марбод хват за повод:

– А нам лодку одним стаскивать?

Ладно. Железный конь только один раз пихнулся: лодка сошла с мели.

– Ну, если ты такой храбрый, – говорит человек, – может, со мной пойдешь?

Марбод помолчал, а сам подумал: не отказываться же на глазах у дружины. Оправил меч и пошел. И трое дружинников – в отдаленье. Человек в ущелье и Марбод в ущелье, человек к обрыву и Марбод к обрыву... Наконец стемнело, оборотень принял настоящую силу: раздался вшестеро, глаза – как медные площадки, тело в слизи и могилой пахнет. И кожа-то осталась на месте, а кости и мясо внутри кожи стали быстро-быстро вертеться. Марбод стал его рубить: меч

проходит насквозь, и налипают на него одни черви из спины... Марбод отбросил меч, схватил эту тварь за шею, руки ушли в червей по локоть... Катались, пока не упали со скалы, а скала ростом десять сосен.

Дружинники подбежали, глядят: оборотень был тяжелее, упал первым, расшибся и растеся слизью, а Марбод упал в эту слизь, как в подушку. Ему кинули веревку, а он:

– Ну уж нет. Уж если я забрался в Золотую Гору, так я и Золотого Государя поищу...

– Дурак, – кричат ему, – ты Золотого Государя, может, и убил.

Он, однако, ни в какую. Кинули ему мешок с едой, огонь. Так и ушел. Вернулся через девять лун, уверял, однако, что ходил на два прилива и никого не встретил.

Два прилива было полдня. А всего приливов было четыре.

– Это я к тому говорю, – прибавил рассказчик, глядя на Ванвейлена, – чтобы некоторые оборотни не очень задирались.

А дружинник Духа Медведя сказал:

– Вздор. Что-то помнится, зимой эту историю рассказывали о Ферле Зимородке.

Рассказчик махнул рукой, словно пальцы стряхивал: жест удивленного отрицания.

– Просто тогда Марбод зарубил Ферла Зимородка и забрал его имя себе, пока не надоело.

Ванвейлену Марбод нравился: ибо был высок, строен, голубоглаз и дьявольски красив. «Притом же без него нас бы передушили, как цыплят...»

Особенно, однако, нравилось то, что прошли времена предков, и славный рыцарь охранял торговый караван, а на шее, вместо зубов убитого противника, носил яшмовое ожерелье из страны Великого Света, и каждый камень был символом, а не частью покойника.

Как-то за вечерней трапезой Ванвейлен полюбопытствовал: неужели слава, да имена убитых – единственное имущество Марбода?

Третий Опоссум вздохнул.

– Женское проклятие, – сказал он. – Два года назад его сестра опозорила род. Он убил на поединке любовника, а потом зарубил и ее саму.

Бредню услышал и раскричался так, что его одернули:

– Слушай, это твоя сестра или сестра Кукушонка?

Хозяйский сын, однако, сказал:

– Чужестранец прав. Марбод поступил очень плохо. Потому что тот, кто зарубит мечом женщину, оскверняет железо и отдает его во власть покойнице. Та и наколдовала перед смертью: быть этому мечу как бочке в аду, брать, да не наполняться.

Монах-шакуник слушал разговор, улыбаясь одними глазами. Для него сродство меча и адской бочки явно не требовало для подтверждения акта колдовства.

– Марбод Кукушонок, – сказал он, – был бы весьма богат, если бы не тратил все, что стяжал мечом, на судебные штрафы. Последний вергельд за него заплатил храм: триста ишевиков за Ферла Зимородка.

– Шестьсот ишевиков, – удивился один из соседей. – Ферл был королевским конюшим. И зарубил его Марбод прямо на глазах короля.

– Шестьсот, – согласился монах. – Храм заплатил триста, и еще Марбод Кукушонок отдал одного из своих белых кречетов.

* * *

Храмовые торговцы продавали не вещи, а узоры. Люди в деревне покупали узоры на стеклянных бусах и лаковых браслетах. Люди в замке покупали узоры на мечах, швырковых топорах, щитовых бляхах, коврах и шелковых тканях.

Ванвейлен не мог не признать, что его умозаключения об упадке ремесел и искусств по ту сторону Голубых Гор были несколько преувеличены. Никто в поместье не плел таких кружев

и не ткал таких ковров. Камни торговцев-шакуников были огранены много искусней, а клинки были прочней и надежней, нежели в покинутом заморском городе.

Как и подобает представителям культуры более развитой, монахи-шакуники не только скупали меха и черепаший щитки, но несли в массы передовое представление о мироздании.

Ванвейлен сошел на широкий двор под родовой дуб, где глава каравана, отец Адрамет, объяснял дружинникам, что на том свете человек не так живет, как на этом, как то раньше считали глупые воины. Вовсе нет. На том свете от человека остается только душа, а от вещей – изображение.

Из этого следовало, что раньше, например, чтобы человек имел на том свете коня, надо было коня положить в могилу. Теперь же было достаточно положить изображение коня – одно, два, три, тысячу – и иметь на том свете табун крылатых лошадей.

Новые времена – времена головокружительного, хотя и посмертного, обогащения! Дружинники кивали и раскупали пластины с крылатыми конями и костяные жертвенные деньги.

Отец Адрамет и другие смело входили в крестьянские дома. В домах над очагами сушились шкуры. Шкуры дубились оленьим пометом и порченной рыбьей икрой, но отца Адрамета, в господском кафтане или шелковом зеленоватом паллии, затканном по подолу ветвями и травами, материальная обстановка смущала так же мало, как оборванных проповедников ржаного королька.

Отец Адрамет объяснял молодому охотнику-крестьянину:

– Три часа ловишь куницу, два часа наказываешь дротик за то, что он ее поймал, чтобы душа куницы не подумала на тебя плохого. А теперь, – продолжал монах, – возьми этот железный наконечник: на нем с самого начала признано: «Это я тебя поймал», и двух часов на оправдание не нужно.

Крестьянский сын глядел на дротик, как на невесту, мать его неодобрительно вздыхала: хитрый монах достал дротик после того, как было выменено все необходимое для дочкиной свадьбы. Получалось, что дротик надо менять в счет будущего лета. И уже не раз так бывало с этими монахами, что влезешь в долги из-за бус и дротики, а потом надо продавать, чтобы расплатиться, сына или дочь.

– Железо – господская вещь, – сказала женщина.

– Да, господская, – с вызовом заявил сын. – Такой дротик купить, все равно что найти хорошего господина: ни по каким кунным судам таскаться не нужно, береги время и наживай добро.

И выменял три штуки.

Ванвейлен, присутствовавший при этой сцене, осклабился и смолчал: он не бог, всех не выкупишь.

Да впрочем, глава каравана, отец Адрамет, и с богами умел поспорить. Что ему законы на скалах: у него и на законы была управа в виде комментариев. Ему-то, истинному жителю страны Великого Света, был известен тайный смысл имен, он доказывал: законы на скале ограничивают не число добытых панцирей, а число убитых черепах. И очень умно делают. Потому что в древности панцирь над огнем снимали не с убитой, а с живой черепахи. Потом черепаху отпускали наращивать второй панцирь, – и закон был соблюден, и равновесие в природе не нарушено.

Через три дня отец Адрамет навестил корабль в сопровождении Марбода Кукушонка. При виде золота глаза его засветились страшным волчьим блеском. Он оглядел хозяйственную утварь на стенах и равнодушно сказал:

– С тех пор, как государь отвратил свой взор от заморских краев, там немногому научились.

– А это что? – вдруг удивился он. – Обряд какой?

Ванвейлен осклабился:

– Нет, это черепаха. Я ее третьего дня поймал для проверки и снял, с живой, панцирь. И она, представьте, нового не нарастила, а сдохла...

Марбод Кукушонок расхохотался и хлопнул Ванвейлена по плечу.

Монах продал заморским торговцам несколько восхитивших их безделушек и объяснил, как проехать морем в королевский город Ламассу.

– Я слышал, – сказал Ванвейлен, – там через два месяца будет весенняя ярмарка. Много ли я выручу на ней за шкуры?

Ванвейлену досталась довольно большая добыча, причитавшаяся участнику Марбодова похода.

Монах удивился.

– Какая ярмарка? Ярмарка – это для простонародья. Есть еще в Ламассе купеческий цех, – но они чужого торговца со свету сживут, если у него нет покровителей. Есть еще знатные люди. Но знать норовит чужакам не платить. Торговля ведь выгода бесчестная, не то что выгода от похода или от игры в кости... Я вам дам письмо в храм Шакуника. Бог у вас все купит по самой справедливой цене, и шкуры, и золото, и продаст все, что вам надо. Храм Шакуника много значит теперь в стране. Наш монах, господин Арфарра, главный королевский чародей и советник. Это он строит Ламассу заново.

«Арфарра, Арфарра, – завертелось в голове Ванвейлена, – а, это та сволочь, которая поссорила Марбода с королем».

– Я, – сказал Ванвейлен, – не собираюсь ничего покупать в Ламассе. Я хочу ехать в империю. Там ваши шелка выйдут мне дешевле.

– Это очень трудно, – попасть в империю.

– Да-да, она окружена стеклянными горами и огненными реками. Однако Западные Острова тоже, согласно местной географии, окружены огненными реками, и, как видите, я сюда прибыл.

Колючие глазки монаха так и возникли в дикаря с Западных Островов. О-го-го, любопытный нынче пошел дикарь, вольнодумный...

– О нет, – сказал, помолчав, монах, – империя окружена не огненными реками, а всего лишь таможнями. И, к слову сказать, наш храм и лично господин Даттам имеют монополию на ввоз в нее золота.

– Мо-но-по-лия, – весело изумился Ванвейлен, – да что вы мне голову морочите? Здесь у кого меч в руках – у того и монополия...

Монах усмехнулся.

– Здесь – да. В империи совсем другие условия, чем здесь. Или вы не слышали песен в замках и рассказов в селах?

Ванвейлен молча поигрывал кошельком, – шитым подарком монаха. Кошелек изображал страну Великого Света: шелковые ветви, золотая черепаха, мед праведности и Серединный Океан. Витиеватая надпись напоминала надписи на скалах и уверяла, что одинаковые золотые обитатели кошелька будут усердно трудиться для хозяина улья. Пожелание одинаковости было явно нелишним. Здешные монеты редко бывали одного веса: их нещадно портили и опиляли. Полновесные – зарывали в землю.

Ишь ты консалтинговый агент! Много тут охотников меня просвещать за мои же деньги!

– Ах совсем другие условия? – сказал Ванвейлен. – Вы не можете мне объяснить, как в стране, завоеванной теми же, что и здесь, аломами, образовались совершенно другие условия? Сдается мне, что эти условия придумал ваш язык, чтобы заработать, не сходя с места, большую комиссию на моем золоте.

Тут Ванвейлен случайно глянул на Марбода Кукушонка и вздрогнул. Тот разглядывал улей-кошелек в руках заморского торговца, и на красивом его лице на миг мелькнуло такое

выражение, что, будь Кукушонок колдуном, все молоко в округе, несомненно, в этот миг бы скисло.

– Страна Великого Света непохожа на здешние места, – надменно сказал торговец, – законы ее вечны и нерушимы, и по приказу нашего государя распускаются цветы и птицы начинают нести яйца...

– И золотые пчелы живут в хрустальном дереве?

– Яшмовом дереве, – поправил монах.

– И нет в ней ни бедных, ни богатых, ни воров, ни торговцев?

Храмовый торговец кивнул еще раз.

Вернувшись с корабля, отец Адрамет долго и неторопливо размышлял. Как и все торговцы храма, он совмещал обязанности купца и шпиона. Ничего не укрывалось от его глаза: ни растущее недовольство здешней дикой знати политикой далекого короля, ни рост разбоев на дорогах, ни бродячие проповедники, ни... ни вот этот странный варвар Ванвейлен: какой это дикарь не верит в Страну Великого Света? а потом, что это за шуточки с черепахой? Он что, варвар или ученый из Храма, чтобы проверять сказанное на опыте? И отец Адрамет сел за письмо господину Даттаму.

* * *

Когда монах ушел, Марбод и Ванвейлен сошли на землю, нашли хороший лужок, и там Марбод стал показывать Ванвейлену прием под названием «сойка стоит на хвосте» и множество иных, столь же полезных. Кукушонок очень обхаживал заморского гостя.

– А кто такой этот Даттам, без которого нельзя ввозить в империю золото? – спросил Ванвейлен.

– Королевский побратим, – сказал Кукушонок, – он и его дядя долго воевали с императором Великого Света, и в конце концов император сделал его дядю наместником.

Сбросил короткий, шитый малиновым шелком плащ, и добавил:

– Две свиньи на наши желуди, – Даттам и Арфарра, один торговец, а другой и вовсе колдун.

И завертел мечом, не допуская дальнейших разговоров.

* * *

Следующим утром Ванвейлен поехал к скале закона полюбоваться на каменных Больших Людей. Подъехал: у скалы во внеурочный час стояла фигурка в плаще, шитом облаками и листьями: Марбод Кукушонок мерялся с каменными предками. «А что, – подумал Ванвейлен, – у Больших Людей та же жизнь, – едят, справляют обряды, охотятся, развлекаются...»

Ванвейлен поглядел туда, куда глядел Марбод, и увидел, что тот смотрит на место, где два больших человека сидят за игровым столиком из ста полей с прихотливыми фигурками. Этой игры, среди игр в охоты и пиры, в кости и карты, он в замке не видел. И сердце Ванвейлена, – а он был хорошим шахматистом, – заныло.

Ванвейлен справился у Кукушонка об игре и правилах.

– Я правил не знаю, – мрачно ответил Кукушонок, – а вот советник Арфарра при королевском дворе страшный охотник до «ста полей».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, **в которой повествуется о родословной** **Белых Кречетов и о зимних походах короля**

То, чего не мог добиться Марбод с помощью пыток, Ванвейлен достиг тщательным обследованием городских развалин, расположенных в миле от замка. Разрушенные дома поросли павиликой и уже вековыми деревьями, и место напоминало сказочный город, превращенный волшебником в лес.

Гравидетектор распознал у западной стены большую карстовую пещеру, и Ванвейлену, слишком хорошо помнившему дотошность, с которой плетка Марбода допрашивала относительно «стеклянной горы» всех, кто под эту плетку попадался, сразу нарисовалась дивная картина подземного храма, где жители осажденного города спрятали два века назад свое имущество. Ванвейлен облазил скалы и сверху и снизу и убедился, что никакого прохода в пещеру нет, за исключением, – сколько можно было судить по неровной картинке на экране, – узкой рубленой шахты, терявшейся наверху скалы среди раскрошенных людьми и корнями развалин. Вероятно, это были развалины того самого храма, который «ушел под землю».

Бредшо уговаривал его не жадничать, – слишком много любопытных глаз было вокруг, и самые любопытные, бесспорно, принадлежали храмовому торговцу Адрамету. Если большинство местных считало людей с корабля колдунами, то отец Адрамет сам был колдуном и шарлатаном, и, в качестве такового, ни в какое колдовство не верил.

Ванвейлен согласился с ним. В тот же день вечером, запершись в горнице, Ванвейлен распотрошил пару патронов из минного пистолета и преобразовал их в безоболочное взрывное устройство в 500 грамм тротилового эквивалента. Вместо взрывателя Ванвейлен воспользовался сушеной веревкой из местных водорослей, пропитанной гусиным жиром, – необыкновенные характеристики этой веревки Ванвейлен успел отметить на деревенском празднике, где с помощью веревки заставляли «бегать огонь по земле». Все это хозяйство он сложил в самую обыкновенную долбленную тыкву и вечером зарыл в развалинах храма, вывесив наружу хвостик, рассчитанный на три часа горения.

Лавины в горах весной случаются часто, и поэтому никто во время ночного пира не обратил внимание на взрыв: только Бредшо укоризненно посмотрел на Ванвейлена, да Белый Эльсил заметил, что, кажется, старая Мирг опять вздумала топтать ногами, и что ничего хорошего не бывает после того, как старая Мирг топнет ногой.

А вечером, после пира, Белый Эльсил отозвал Марбода в сторону и сказал:

– Сдается мне, Марбод, что этот Ванвейлен нашел стеклянную гору под самыми нашими ногами, потому что вчера он искал в замке веревку и лопату. И еще думается мне, что он умеет видеть в темноте, потому что он искал лопату, а факелов не искал.

Утром Ванвейлен дождался, пока гости и хозяева уедут на охоту, подхватил мешок с заготовленным снаряжением, и пошел к старому городу.

* * *

Это утро было то самое утро, когда весна, в облике оленя, гуляет среди почек и ростков. Марбод Кукушонок, Лух Медведь и еще некоторые отправились на соколиную охоту встречать весну. По дороге всадникам встретила кучка крестьян: те замахали шапками и попадали на колени перед Кукушонком, называя его Ятуном, но на своем языке.

Лух Медведь обратил на это внимание благородных господ. Кукушонок побледнел, но промолчал. Лух Медведь был первым силачом округа и женихом дочери хозяина, прекрасной

Идрис. Накануне он опять проиграл Марбоду игру в кольцо, и невеста на его глазах распорол шелковый копейный значок, который вышивала два месяца.

Съехались к старому городу, где в дуплах развалин было много птиц. Весеннее солнце, лед на лужицах, боевые веера, крики дам, льдинки на земле, как пластины панцирей, и панцири поверх кафтанов, как драконья чешуя. Пух перепелов летел как перья Великого Вея, заклеванного противником, – скоро прорастет просом.

Всех удачливей были две птицы: сизый, с темными усами по бокам сапсан, принадлежащий Луху Медведю, и великолепный белый кречет Марбода Кукушонка, подарок герцога Нахии. Марбод получил от герцога трех птиц. Одного оставил себе, другого отдал за убийство Ферла Зимородка, а третий сдох месяц назад, и Марбод тогда два дня пролежал, накрывшись с головой одеялом.

Боевой друг Марбода, Белый Эльсил, высмотрел на тропке следы лошади, и сказал:

– Никак это отпечатки Жемчужной Пяди, той, которую ты, Марбод, подарил чужеземцу. Сдается мне, что он поперся в стеклянную гору, и как бы он не сломал свою шею.

Марбод возразил, что этот человек колдун, и шею ему сломать трудно.

– Я же не говорю, что он сломает шею в горе, – отвечал Эльсил, – а я говорю, что он свалится с коня, потому что на коне он ездит хуже хомяка.

– Да, – сказала задумчиво прекрасная Идрис, глядя сизого ястреба-перепелятника, – живой человек в стеклянный дворец не полезет. Мой дед полез, но сошел с ума.

– Рассказывают, Марбод Кречет в Золотую Гору лазил.

Лух Медведь сказал преувеличенно громко:

– Так то рассказывают.

Через некоторое время Кукушонок незаметно исчез.

– Сдается мне, – сказал один из людей Луха хозяину, – что Кукушонок принял близко к сердцу ваши слова.

Лух подумал: «Не мне жалеть, если он пропадет в стеклянной горе, да и басни все это, нету тут никакой дырки на небо».

Охотники, однако, поскакали к старой катальпе.

* * *

Ванвейлен закрепил веревку за ствол ближайшего эвкалипта, осторожно съехал в дыру и посветил фонариком. Как он и предполагал, взрыв пробил каменный свод пещеры, – далеко вниз уходила черная лестница, засыпанная горами сверкающих кристаллов.

Вдруг веревка закачалась и отошла от стены.

– В стеклянный дворец хотите?

Ванвейлен ошеломленно поднял голову.

Наверху стоял Марбод Кукушонок и правой рукой держал веревку, на которой качался Ванвейлен. За спиной колчан, в колчане стрелы с белой соколиной опушкой торчком над белокурой головой, и посреди стрел – живой кречет. Птица топорщила крылья, гулькала. Ванвейлену не очень-то понравилось висеть на веревке в руках Марбода.

Марбод поднатужился и выдернул его наверх.

– А раньше тут этой дырки не было.

– Не было, – буркнул Ванвейлен – так стало.

Марбод улыбнулся. Он знал, что колдун найдет заколдованный храм. Он за этим и рассказывал о храме колдуну. Как только чужеземный колдун увидит, как Марбод ищет заколдованный храм, он обязательно заинтересуется этим делом.

– Я с вами, – сообщил Марбод.

– Не боитесь оборотня? – сказал Ванвейлен.

– Сроду того не было, – ответил Марбод, – чтобы оборотень съел кого-то днем.

– Тогда принесите факелы, – сказал Ванвейлен.

Глаза Марбода задумчиво сощурились.

Все колдуны очень непоследовательные люди. Сегодня они садятся на облако и летят к богам, а завтра, если им надо идти из одного сельца в другое, месят ногами грязь... Марбод, например, сам видел, как Ванвейлен сшиб мишку карманной молнией, а потом в замке Лахнер Ванвейлен висел на бревне, как окорок, хотя дело шло о его жизни. Говорят, что колдовская сила в колдуне то спит, то бодрствует. Вот и сейчас: пока не появился Марбод, колдун намеревался лезть в пещеру без света, полагаясь на колдовской глаз, – а между тем Марбод доподлинно знал, что Ванвейлен видел в темноте хуже цыпленка.

Между тем подъехали другие всадники. Принесли веревки, изготовили факелы.

Отец Адрамет протянул Ванвейлену круглый, как тыква, фонарь, закрытый со всех сторон, и промолвил:

– Я немножко понимаю в горах, господин Ванвейлен. Я не возражаю, чтобы вас считали колдуном. Но вот слышали ли вы взрыв вчера вечером и видите ли эту дырку? Этот взрыв был вызван совершенно естественной причиной, – скоплением горячего воздуха, который иногда бывает в пещерах. Мой вам совет – не ходить в пещере с открытым огнем и не совать лицо к полу, ибо этот воздух стелется по низу и может взорваться опять.

Ванвейлен с охотой взял фонарь и съехал по веревке вниз. Марбод опять замотал веревку за сук и спустился вслед за Ванвейленом.

С первого же взгляда Ванвейлену стало ясно, что отец Адрамет все-таки мало понимал в геологии, ибо карстовая пещера вся обросла горным хрусталем, и принадлежала к тому типу, что называют «хрустальный погреб». Горячего газа в таких пещерах не бывает. Раскрошенные взрывом друзы и грозья кристаллов заплесали в фонаре, и, едва Ванвейлен прошел несколько шагов, он заметил, что подземный храм был создан людьми, стоявшими на очень высокой степени цивилизации, и прекрасно знавшими законы оптики. Редкие неповрежденные кристаллы складывались в несомненно имевшую – до взрыва – смысл систему зеркал, и сравнительно короткая лестница, ведущая к полуистлевшим дверям, была превращена в почти бесконечную посредством простого оптического трюка: тоннель постепенно и равномерно сужался, и выход был гораздо ниже и уже входа.

Они сошли вниз степенно и осторожно, и распахнули двери.

* * *

Когда Марбод вошел в главный зал, он увидел, что хрустальный трон посередине был пуст, а цветы и животные вокруг окаменели. За троном – нефритовые ворота в святилище, за воротами верхушки сада, величиной с целое королевство: листва была золотая, груши на деревьях из агата, померанцы из яхонта. И так хитроумно устроил Ятун этот сад, подобный небу, что множество украшенных колонн вставало там, где, казалось, ничего нет, чудились стены там, где их не было, распускались пионы там, где была лишь тьма, плыла черепица в облачных пеленах. Мир был украшен наилучшим образом и являл собой воплощение удачи. Марбод знал, как себя вести: не рвать очарованных яблок, и, что бы над тобой ни делалось, стоять смирно.

Марбод растворил двери в сад:

– Озеро!

Но озеро мелькнуло и пропало. Прокатилась в хлопьях синего тумана яшмовая колесница, распустились и опали хрустальные орхидеи, из углов полезли красномордые твари, глаза как кубышки.

Чужеземец в ужасе схватил Марбод за руку, а потом вдруг сказал непонятное:
– Анаморфные изображения! Многомерные зеркала.

Точно колдун – назвал имена красномордых, и волшебство для него пропало.

Марбод поднял факел повыше:

Головоглазы сгнули, мелькнул лотосовый затон, опять из воды полезло, извиваясь...

– Да. Незаколдованного озера здесь нет, – сказал Кукушонок и вышел.

* * *

Они долго ходили по хрустальной пещере, которую древние зодчие превратили во храм: жемчужина, на которую глядишь изнутри, плетенье цветов и огней, гора как висячий сад. Тысяча Ванвейленов, тысяча Кукушонок, две тысячи факелов: мир, замкнутый снаружи, а изнутри безграничный, как человеческое «я».

Все это было очень красиво, и Ванвейлен полагал, что фокусы хрустальной пещеры, превращенной в святилище, могли бы собирать богатый урожай с ротозеев галактики, но никакого золота и алмазов Ванвейлен не видел. Храм был ограблен – или эвакуирован – много веков назад, и в нем не было ничего, кроме горного хрусталя и очень занятных миражей, обличавших в конструкторах храма великих умельцев по части световых фокусов. Те, кто делали храм из хрустальной пещеры, знали законы оптики и архитектуры не в пример лучше обитателей поместья, где у челяди в центре мира была кухня, а у господ – трапезная, и по полу в центре мира разбрасывали для тепла солому.

Оставались тайники. Но если Ванвейлен хотел что-нибудь отыскать в этой пещере, ему надо было как-нибудь избавиться от своего спутника. Репутация колдуна была здешним эквивалентом дипломатической неприкосновенности, но он не собирался ее укреплять, демонстрируя перед Марбодом новейшие достижения научно-технической революции.

Они прошли немного и вошли в новый зал: тот постепенно повышался пятью ступенями, в которых Ванвейлен после некоторого колебания опознал ступеньки, хотя каждая ступенька была шириной со взлетную полосу. Над ступеньками стоял пустой трон, и под троном валялся череп хомячка.

Марбод взбежал по ступенькам и вспрыгнул на трон.

Ванвейлен бочком двинулся в сторону.

– Осторожней!

Одна из каменных половиц под Ванвейленом закрипела и начала переворачиваться. Ванвейлен взмахнул руками. Куртка его нанизалась на каменный шип, торчащий сбоку. Несколько мгновений Ванвейлену казалось, что куртка удержит его на месте, но потом дрянная здешняя ткань треснула и разорвалась, и Ванвейлен полетел вниз.

– Эй, вы живы? – закричал Марбод, подходя к дырке.

– Спустите фонарь, – узнаю.

Марбод спустил фонарь. Ванвейлен огляделся и хмыкнул. Ступенька, видимо, была предназначена специально для дураков и проворачивалась на шарнирах. Под ней начиналась глубокая яма, в дно которой были вбиты заостренные колья с железными колпачками. Но за много веков в подземелье проникла вода, колья сгнили, и теперь Ванвейлен плюхнулся в затхлый суп из деревянных хлопьев. Ванвейлен пошарил под задницей и выудил оттуда парочку заржавленных наконечников.

Марбод свесился вниз.

– Ну и ну, – спросил он, – это они сами сгнили или это вы их заколдовали?

– Сами сгнили, – отозвался Ванвейлен.

Марбод кинул ему веревку и вытащил наверх.

Через полчаса нашли нефритовые полки с книгами: не истлевшие свитки, не доклады небу. Ванвейлен раскрыл кожаный том: в руках негромко хлопнуло, вспучилось серым. Кукушонок был куда проворней Ванвейлена: выбил книгу из рук и подхватил ее в мешок. И тут же – во второй. Мешок пошел прыгать, загудел. Что-то больно впилося в лоб, потом в щеку. Ванвейлен глянул: пчела с полосатым брюшком.

Поднес факел пониже к полу: целая россыпь костей.

– Господи, – сказал Ванвейлен, – сколько покойников.

Марбод Кукушонок решил, что под покойниками Ванвейлен имеет в виду не кости, а пчел, и кивнул. У аломов была такая легенда, что последние защитники города превратились в золотистых пчел. И точно: пчелы в этих местах были необычайно злые, нападали на человека без повода, а уж если какая затесается под доспехи...

– Хорошо еще, что весна, – сообщил Марбод. – Летом они бы успели нас заесть до смерти.

– И что нам с этим делать? – спросил Ванвейлен про колыхающийся мешок.

Марбод усмехнулся:

– Сидели бы в осажденной крепости – сбросили бы со стены. А так – выкурим и мед съедим. К весне, однако, мало осталось.

– И часто они живут в старых книгах?

Марбод осторожно поднес факел: на всех томах замерцали дырочки.

– Так уж их, сволочей, заклиали, – сказал Марбод, – Книгочеями были, книгочеями и остались.

– А что вы ищете в этой пещере?

– Я с Медведем поспорил, что меня не сожрут.

Ванвейлену не понравилось, что Марбод врет колдуну.

– Неправда, – сказал он. – Вы ищете заколдованное озеро. А чего вы при этом хотите от меня?

Марбод внимательно поглядел на собеседника. Вдруг лицо его нахмурилось, и он спросил:

– Это еще что за штука?

Ванвейлен глянул вниз и остолбенел. Уходя с Марбодом, он отдал мешок со снаряжением прибежавшему к горе Бредшо, во избежание неприятностей. И только небольшой лазерный пистолет, сунутый им в карман куртки, остался на месте. Каменный шип порвал куртку, ствол высунулся из прорехи, предательски помаргивая линзой.

– Дайте-ка это сюда, – сказал Марбод.

Ванвейлен мертвой рукой вынул пистолет, впрочем, расписанный для конспирации зеленым и белым. К тому же в лазере имелся датчик, а на руке Ванвейлена – толстый браслет, подававший датчику сигналы. Благодаря этому из лазера мог выстрелить только Ванвейлен.

Марбод подвертел в руках странную штуку, попробовал на зуб и принялся. Штука пахла Ванвейленом. Глаза Марбода как-то странно зажглись. Несмотря на то, что ствол был не из металла, а из пластика, несмотря на то, что ни одно оружие в мире Марбода не имело такого кургузого вида и линзочки на конце, Марбод, казалось, чутье профессионала уловил в этой штуке что-то родное.

Вдруг Марбод оставил пистолет в покое и сказал:

– Где-то в горе есть дворец, во дворце озеро или река, в реке – меч последнего Белого Кречета.

– Последнего Белого Кречета? Но ведь вы тоже Белый Кречет?

– Последнего короля из рода Белых Кречетов, – уточнил Марбод.

– Марбод, строители этого храма знали гораздо больше, чем ваш народ. Золотой Улей разрушили, когда ваши предки завоевали империю. Здесь не может быть мечей ваших королей.

Марбод усмехнулся сразу тысячью отражений.

– Город разрушили век назад.

– Но песни...

– Певец в замке поет то, за что платит хозяин замка. Мы сожгли много городов, но Золотой Улей остался цел, а губернатор его поклялся в верности Ятуну Кречету и положил начало роду Мохнатого Синко. После гибели последнего из королей-Кречетов его младший сын бежал сюда, к своему верному вассалу, и сидел здесь еще полгода. Когда город взяли, узурпатор Шадаур Алом приказал его разрушить, а земли отдал Опоссумам. Город велел убить. Храм, однако, провалился сквозь землю, и некоторые поют, что в храмовом озере утонул истинный меч.

Марбод встал, встряхнулся, чтоб сошлись пластины на панцире.

Ванвейлен усмехнулся. В замке пели, что в мире сменяли друг друга века: золотой, яшмовый, хрустальный, железный, и не очень, видимо, ошибались. Не считая, конечно, того, что нынешнему, железному веку, не хватает железа даже на сплошные доспехи.

– Что же до здешних чудес, – сказал Марбод, – предки мои учили, что бог – это Свет, и что все прочие боги – его отражения и атрибуты, и они возводили залы и статуи из одного света, и свет открыл им о себе удивительные тайны, как вы это видите здесь.

– Почему же, – спросил Ванвейлен, – король Шадаур Алом не приказал меч выловить?

– Потому что этот меч испепелит руку любого самозванца, который до него дотронется, и Шадауру не очень-то хотелось разыскать меч, который сожжет ему руки.

Марбод помолчал.

– Мне, – сказал он, – давно нагадали, что в подземном храме я найду солнечный меч и помощника. А из предсказанного многое исполняется, особенно потому, что предсказано.

«Насчет солнечного меча можешь считать, что предсказание исполнилось», – подумал Ванвейлен, глядя на лазерный пистолет в руках Марбода.

– Помощника – в чем? – спросил Ванвейлен вслух.

Марбод испытующе глядел на него. Красивое, спокойное лицо, совсем не такое, как тогда, когда он на глазах Ванвейлена в Черной Деревне рубил пленников: «Ах вот не хотите, суки, выкупаться за двадцать ишевигов? А за десять мне вас кормить будет дороже...»

– Господин Арфарра, – сказал Марбод (а, это о том, кто поссорил его с королем), – очень сильный колдун. Чужеземный колдун. Люди, которые не боятся ни меча, ни виселицы, боятся чужеземных колдунов. Если бы, однако, нашелся другой чужеземный колдун, пусть даже и не очень искусный... Сила колдуна – в том, что думают о нем люди...

И замолчал. Он, Марбод, не будет торопить колдуна с ответом. Но и отказаться ему не даст. Прыгала саламандра на факелах, прыгали в мешке покойники из Золотого Улья, и души пластин панциря, крытые красным лаком, резвились в зеркалах, подобно маленьким драконам хрустального сада.

– Отдайте-ка мне эту штуку, – вдруг промолвил Ванвейлен, показывая на лазер.

– А что это?

– Не знаю, за тронем лежало.

– Положите это лучше на место, – сказал Марбод, – тут полно всяких вещей, которые были сделаны еще до времени людей, а когда люди начинают пользоваться силами, которые существовали еще для них, может выйти черт знает что.

На этом разговор их в пещере закончился, и Ванвейлен сходил за пустой трон, чтобы отставить там лазер, – но, конечно, не оставил, а сунул за отворот сапога, потому что не так-то много у него было с собой таких штучек, чтобы расставаться с ними без крайней необходимости.

«Черт побери, – думал Ванвейлен, – только этого мне и не хватало! Хорошо, что он не предложил это Бредшо, у того и так язык чешется проповедовать среди местных крестьян.

Стать истинным колдуном при истинном короле? Неужели этот мальчишка думает, что историю делают мечом, хотя бы и волшебным?

Но когда Ванвейлен вылез из пещеры, и увидел разрушенные стены, оплетенные павиликой, и стертую роспись на рассыпавшихся дверях, он вдруг вздрогнул и подумал: хотя похоже, что здесь триста лет историю делают именно мечом. Будто в этом мире закон исторического регресса вместо исторического прогресса.

* * *

Наверху было солнечно и шумно.

Лух Медведь нахмурился, увидев Кукушонка живым.

Развели костер, зажарили дичь, мешок с пчелами повесили над дымом. Марбод посадил Ванвейлена по одну руку, а Белого Эльсила, своего боевого друга, по другую. Еще дальше сел Бредшо: только эти двое чужеземцев и оказались среди охотников. Когда наелись, Ванвейлен стал расспрашивать о родословной солнечного меча, и Белый Эльсил рассказал ему следующую историю.

Когда аломы жили там, где ровно и песок, у короля их родились два сына: Ятун и Амар. Мать Ятуна и Амара принесла в приданое мужу драгоценный меч и яшмовое ожерелье. На свадьбе было сказано, что потомки меча и ожерелья покорят страну Великого Света.

Однако муж бросил женщину и детей, а драгоценные подарки отнял. Выросши, Ятун и Амар потребовали от отца вернуть приданое. Тот оказался. «Что делать? С одной стороны, надо отомстить похитителю родового имущества, а с другой – нельзя поднять руку на отца. Как ни решить – все зло, а откажешься выбирать – прослывешь трусом». В таких случаях гадают на постороннем, и посторонний нагадал: можно убить отца. Но прибавил: сделав это, вы завладеете страной Великого Света, но навлечете на нее проклятье и раздоры. Но так как ожерелье с мечом были очень красивые, то Ятун и Амар пошли и убили отца.

– А потом? – спросил Ванвейлен.

– Потом Амар забрал себе ожерелье, а Ятун – меч. Завоевали страну Великого Света, разделили ее и поссорились. Род Амара до сих пор правит на востоке, а дом Ятуна пресекался и меч сгинул.

– Не сгинул, – поправил Белый Эльсил, – а спит на дне озера и ждет истинного короля.

– Стало быть, – попытожил Ванвейлен, которому в свете недавнего предложения Марбода не терпелось узнать всю подноготную волшебного меча, – Страна Великого Света распалась на кусочки по причине родового проклятия. А отчего утонул меч? Новое проклятие?

Что-то хрустнуло. Это Кукушонок сломал двурогую стрелу и кинул обломки в огонь. Листья катальпы укоризненно зашумели. Один из дружинников всполошился, стал вылавливать из огня железный наконечник.

Белый Эльсил поднял голову с колен Марбода и посмотрел на Ванвейлена. Он был зол на чужеземца за то, что Марбод пощадил его и его золото, за то, что из-за чужеземца Марбод не взял Эльсила с собой в подземный храм, и особенно – за последний вопрос.

– Меч утонул не от проклятия, – сказал Эльсил, а от женского коварства. Дочь последнего Ятуна понесла от дворцового пажа. Король прелюбодея казнил, а дочь отдал рабу.

– Вольноотпущеннику, – поправили сзади.

Эльсил усмехнулся.

– Ну, вольноотпущеннику. Ведьмино отродье, приплыл в корзинке. Имя дали – просто Алом, как всем незаконнорожденным. Король, конечно, сделал потом зятя дворцовым управляющим.

«Гм, – подумал Ванвейлен, – интересно, король зятя сделал управляющим, или управляющего – зятем?»

– А женщина, чтобы отомстить за смерть возлюбленного, приказала мужу убить отца и братьев. Рабу самому на такое не решиться.

Тут один из дружинников поднял голову, и увидел, что прибежал лесной дух-щекотунчик с глазами как плошки и сел меж ветвей катальпы. Но дружинник был глупый, и подумал, что щекотунчик прибежал на запах бузы и жареной дичи.

А Лух Медведь вскричал:

– Что ты брешешь! Отец первого короля Алома – сам Шакуник! Всех великих королей вынимали из корзинок и птичьих клювов!

Белый Эльсил усмехнулся.

– Все равно престолом он завладел незаконно... Это-то вы не будете оспаривать?

– Почему? – спросил Бредшо. – Потому что захватил его убийством?

Белый Эльсил покачал головой.

– Нет. Когда Шадаур Алом получил королевство, все родственники его жены по мужской линии были мертвы, а имущество по закону при этом переходит к старшей дочери. Не считая, конечно, вдовьей части. И вот вдова убитого короля Ятуна затворилась, три года жгла свечи. Наконец покойник явился: совсем как при жизни, только голову держал под мышкой. «Боги, говорит, меня отпустили до утреннего прилива».

Теперешние Белые Кречеты – от ребенка, зачатого этой ночью. И с тех пор, как он зачат, род Аломов, стало быть, царствует незаконно.

Лух Медведь вскочил с места:

– Это позор, что тут рассказывают о короле! Знаем мы, от кого беременеют через три года после смерти мужа!

Надо сказать, что Лух Медведь не так давно захватил караван с шерстяной тканью из Кадума, и очень многие его за это попрекали, потому что он почти ничего не раздал дружинникам.

Марбод Кукушонок тоже встал, распустил шнурки у плаща, плащ кинул на землю, и ссадил на него с плеча белого кречета.

– Такие слова, – сказал Кукушонок, – не кадумская шерсть. За такие слова полагается платить.

Тут собачьи головы на ножнах мечей насторожились, а люди увидели, что сегодня случится две песни: про стеклянный дворец и про поединок. А щекотунчик в ветвях катальпы посинел и стал делать так: глаза у него остались неподвижными, а все остальное завертелось в шкурке, как жернов.

Марбод Кукушонок и Лух Медведь вынули мечи и велели людям рисовать круг, и тут сбоку вынырнул отец Адрамет, монах-шакуник:

– Сударь... Никто не сомневается в величии вашего рода. Но что будут говорить о сегодняшнем дне? Королю скажут: Марбод Кукушонок дрался, чтоб доказать, что монахи-ятуны способны творить чудеса.

Смысла замечания Ванвейлен не понял. А Кукушонок закусил губу, вбросил меч в ножны и молча сел. Его красивое лицо совершенно побледнело.

* * *

Возвращались, торопясь поспеть к вечерней трапезе. С крутой тропки из-под копыт лошадей сыпались камешки, и далеко справа в море плавало уходящее закатное солнце. Ванвейлен размышлял: «Пусть два брата покорили двести с лишним лет назад империю. Значит, и условия в одной ее части не могут сильно отличаться от условий в другой. С этой стороны огненной горы монахи продают зуб Шакуника, он же – швырковый топор на языке людей. С той стороны горы продают, видимо, чешую Шакуника, она же – черепаховый гребень...

Страна Великого Света – всегда по другую сторону огненной горы, но по ближайшем рассмотрении удивительно схожа. Ибо иначе что останется от исторической необходимости, которая все же существует? А что поймет местный крестьянин или Кукушонок в нашем корабле? Даже обшивки не одолеют. Крестьянин скажет: обвалился зубец Небесного Града, а Марбод решит: вот он, пропавший меч Ятуна увеличенных размеров...»

Марбод ехал рядом. Он ждал ответа от колдуна и очень жалел, что не смог подраться с Лухом Медведем. Потому что он победил бы Медведя и подарил бы ему жизнь и все остальное, и Медведю пришлось бы стать младшим братом Кукушонка. Вот они, монахи, такие: делают вид, что мешают поединку, а на самом деле мешают примирению после поединка.

– А скажите, – спросил Ванвейлен, – за Голубыми Горами – такие же порядки?

Марбод помолчал. Пятнадцать лун назад он побывал в соседней стране, но при всех говорить об этом не собирался. Об отсутствии его ходили удивительные слухи. Дружинники его рассказывали, что Марбод провалился в Золотую Гору и провел там один день, – а в среднем мире в это время прошло полгода.

– Я там не воевал, – ответил Марбод.

Ванвейлен фыркнул про себя. По-видимому, война была тут не только главным способом экономического обмена, но и главным способом обмена информацией.

– А кто воевал? – спросил он.

Марбод понял, что колдун не заметил нелжи, опечалился: плохой колдун. Ну да ничего. Колдуна делают слухи, а не заклинания. Поберегись, Арфарра, я такие слухи распушу про этого колдуна! Припомнится тебе неподаренная лошадь!

– Покойный король собирался воевать, да не успел. Господин Арфарра воевал, да и господин Даттам. Господин Даттам и его дядя два года воевали против императора, пока император не сделал дядю наместником провинции.

Ехавшие впереди охотники услышали имя Даттама и заволновались. Кто-то внезапно запел песню. Это была красивая песня о молодом рыцаре Даттаме. В ней говорилось, что меч Даттама сверкал над миром, как полумесяц, и что белый плащ его расстилался над полями, как иней, и что все, что он ни наградил, молодой Даттам отдавал войску. Это была хорошая песня с грустным концом, потому что она кончалась рассказом о том, как Даттама предал его собственный дядя, и как дядя получил звание наместника, а Даттам должен был постричься в монахи.

Ванвейлен перегнулся через седло к отцу Адрамету и сказал, улыбаясь:

– Сдается мне, отец Адрамет, что ваши слова о могуществе империи несколько преувеличены, если человек может поднять восстание против императора и заполучить через это титул наместника.

Отец Адрамет пожал плечами, видимо не желая ввязываться в неприятный политический разговор даже далеко от родины.

– Да, – сказал задумчиво Марбод, поправляя красивой рукой удила, – так всегда. При сильных правителях мятежнику полагается веревка, а при слабых правителях мятежнику полагается титул наместника. Вот и мы, Кречеты, – король хотел бы нас удавить, как давят блоху в миске, а мы из поколения в поколение – наместники Верхней Ламассы.

– По наследству?

– О, – сказал Марбод, – не то, чтобы по наследству, потому что где-то в законах королевства есть запись, что чиновники должны назначаться каждые три года. Каждые три года король нас утверждает в этой должности, но я не слышал, чтобы он кого-то не утвердил.

– А что будет, если король вас не утвердит?

Марбод улыбнулся.

– Вы видели, господин Ванвейлен, сегодня утром, как вертелся в деревне шаман, призывая весну? Что будет, если шаман откажется вертеться? Весна, я думаю, все равно наступит, а вот у шамана будут серьезные неприятности.

Ванвейлен усмехнулся. Когда дело шло об обычаях грязных крестьян, суеверный красавец Марбод выказывал себя чуть ли не атеистом.

– А храм Шакуника сильнее короля?

– Шакуники, – сказал Марбод, – просто торговцы. Не было еще такого, чтобы торговец в мире что-то значил.

Ванвейлен рассердился:

– Сдается мне, Марбод, что торговцы храма кое-что значат, раз вы охраняете их караван, да и грабите по их указке.

В мире что-то сломалось. Марбод помолчал, облизнул губы.

– Я – королевский инспектор, – сказал он. – Ежели торгаши просили у меня покровительства...

Хлестнул лошадь и ускакал.

Лух Второй Медведь погладил сапсана и громогласно заметил:

– Шакала называли шакалом, а он в ответ: у меня грамота, что я волк... А вот вы, господин Ванвейлен, сразу видно, знатный человек, – и по словам, и по осанке. И корабль ваш честный, а не купеческий...

Слева, задумчиво склонив голову, слушал медвежьих слова храмовый торговец. Он уже заметил, что заморские торговцы для торговцев держатся слишком гордо. Так и собирался доложить.

Монах-шакуник перегнулся через седло к Ванвейлену и, подмигнув, хитро спросил:

– Что же такого предложил вам Марбод в пещере, что вы так открыто разрываете с ним отношения?

– Я? Я не хотел...

– Бросьте, господин Ванвейлен, – или вы не знали, что нет худшего способа обидеть знатного человека, чем назвать его торговцем? Эти люди гордятся тем, что их прабабку изнасиловал горный дух, и что предки их жрут прохожих в своих могилах, и они считают, что совершили угодное небу дело, если застали на горной тропе торговца и, ограбив его, зарубили. Так что он вам предложил?

Ванвейлен густо покраснел. Предложение Марбода быть идейным наставником в государственном перевороте его не очень-то устраивало; но доносить он на Марбода не собирался. Не то чтобы Ванвейлен был против государственного переворота как такового, – но ему казалось, что если Марбод сядет на место короля, в этой стране ничего не изменится, да и вообще в ней ничего нельзя изменить.

– Что он вам предложил?

Ванвейлен нагло улыбнулся монаху и спросил:

– Так значит, Марбод – королевский инспектор! А что такое королевский инспектор?

– Королевский инспектор, – наставительно проговорил монах, – это глаз и око центральной власти; он собирает налоги и творит суд, он защищает сирых и слабых и утирает слезы вдов и сирот, бедняку он служит защитой, а богачу – карой...

– И много налогов собрал для короля Марбод в этой поездке?

– Видите ли, – сказал монах, – не все налоги собираются инспекторами. Бывает, что король милостиво дарует пожалованным землям иммунитет, и владельцы их сами собирают налоги и творят суд. И хотя никто не отменял звания инспектора, и не отнимал у короля право собирать налоги, эти милости королей продолжают больше двух веков, и...

– И Марбоду Кукушонку не пришлось в этой поездке судить сильных и оберегать слабых?

– О, – сказал монах, – на следующий день после того, как он получил от короля плащ и печать королевского инспектора, он рассек эту печать мечом, на спор, а иные говорят – проиграл в кости. Вы представьте себе, как бы Кукушонок уберег слабых... Уж лучше пусть граф судит свое имущество.

Монах покачался в седле и добавил:

– И он выпросил в столице плащ и печать инспектора для этой поездки, чтобы никто не мог сказать то, что вы только что сказали, потому что профессия торговца в этих местах не в чести.

– Я это заметил, – отозвался Ванвейлен.

Когда они выехали из заколдованного леса-города, уже вечерело, и Марбод с дружинниками был шагов на сто впереди. Слева от него показался деревянный храм ржаного королька, а перед храмом, на паровом поле, крестьяне по-своему праздновали весну: сложили по кругу сор и солому, зажгли костры, и прыгали через них, парами, как можно выше.

От бузы и огня крестьяне тоже были совсем пьяные, побросали шапки и кинулись к господам, а проповедник, ржаной корольек, схватил под уздцы лошадь Кукушонка и закричал на своем языке о короле умершем и воскресшем.

Лух Медведь и другие засмеялись. У Марбода на щеках вспыхнули два розовых пятна и сверху – два красных пятна, левый глаз закатился внутрь, а правый – выкатился наружу и налился кровью. На седле у Марбода висела боевая плетка, хорошая плетка, с рукоятью, отделанной посеребренными черепаховыми щитками, семь хвостов о семи когтях, всего сорок девять железных когтей и пятидесятый – золотой шарик.

Марбод снял эту плетку и ударил ей проповедника так, что содрал с него рогожный куль, в который тот был одет, и потом ударил еще раз. Проповедник, наверно, был очень огорчен, потому что упал и не шевелился.

А Марбод на коне перемахнул через канаву, и челядь за ним. Марбод закричал, чтоб не упускали крестьян, а те стали визжать и увертываться от копыт, потому что мечей господа не позорили.

Ванвейлен поскакал наперерез, схватил лошадь Кукушонка за узду и закричал:

– Как вы смеете!

Кукушонок, однако, перехватил руку, уперся ногой в брюхо его коня и выдернул Ванвейлена из седла, как редьку из грядки.

– А как они смеют позорить моего родового бога?

Ванвейлен посидел на земле и пошел к бродячему проповеднику. Тот лежал, как сломанная бамбуковина: мертв. Рядом монах-шакуник, в кафтане цвета морской ряби, с облаками и листьями, безмятежно глядел на продолжение охоты.

Тут только Ванвейлен сообразил, что бывший королевский род и нынешний простонародный бог зовутся одинаково – Ятун. Можно было и сообразить раньше, но дело в том, что словом «ятун» по-аломски и по-вейски назывались разные животные. На аломском «ятуном» называли Белого Кречета, великолепную господскую птицу, чья жизнь стоила дороже жизни раба. По-вейски «ятуном» называлась птичка из рода соколиных, но совсем другая: мелкая и пестрая; мутный рыжий глазок, ворох неопрятных перьев на красных ножках. Птичка ела червяков, падаль, снулую рыбку и чужих птенцов. В усадьбе ее называли «ржаным корольком». Говорили, что она бесчестит свой род, как шакал бесчестит род волков.

– Самая последняя птица, – сказал как-то Шодом Опоссум. – Я владею крестьянином, крестьянин владеет коровой, а ржаной корольек сидит на корове и выбирает из нее клещей.

А тем временем на поле мало кто из крестьян сумел убежать. Девки страшно кричали, а мужики, по приказу Марбода, сносили хворост для праздничных костров к подветренной стороне деревянного храма.

Марбод снял колпачок со своего кречета. Птица взлетела на колчан за спиной, была крыльями и следила за крестьянами, как за перепелами.

Не прошло столько времени, сколько нужно, чтобы сварить горшок каши, как все было готово. Марбод выбрал из колчана гудящую стрелу, зажег и пустил в вязанку. Крестьяне тоскливо заголосили.

– Так, собственно, почему убили последнего короля Ятуна? – спросил Ванвейлен монаха-шакуника, отца Адрамета.

Монах молча глядел, как в вечернем воздухе занимается огнем жилище чужого бога.

– Я мало что знаю, – сказал он. – А что знаю, знаю со слов господина Даттама. Здешние сеньоры соглашались, что вся земля – собственность короля. И дана в распоряжение не им, а божественным предкам. И вот последний Ятун долго думал и сообразил, что Бог – один, а все прочие боги суть его атрибуты и качества. Сеньоры было согласились, но вскоре выяснились некоторые богословские подробности. Оказалось, что есть боги истинные, а есть боги ложные, а стало быть, несуществующие. Список несуществующих богов совпал со списком непокорных родов. Это, конечно, было совершенно справедливо: согласитесь, что ложный бог должен внушать своим потомкам ложные мысли.

– А земли, – проговорил Ванвейлен, – которыми владеют несуществующие боги, должны, стало быть, воротиться к богу истинному...

– Несомненно, – кивнул монах. – Но заметьте, что и все прочие боги – лишь свойства и имущества великого Ятуна. Кто такой, например, Большой Хой? Просто топор в руке Ятуна, его атрибут и его раб. А все, чем пользуется раб, тоже принадлежит хозяину. Стало быть, богу-предку на небе принадлежат другие боги, а богу-внуку, королю, принадлежит вся земля.

– Понятно, – сказал Ванвейлен, – и тогда-то случилась эта история с женским коварством.

– Да, – кивнул монах, – тогда случилась история с женским коварством.

– И новый король поспешил вернуть богам все права свободных людей.

– А что же еще ему оставалось делать? – сказал монах. – Особенно, если учесть, что его попрекали рабским происхождением.

– Да еще сын кстати у покойника родился, – прибавил сквозь зубы Ванвейлен.

Монах-шакуник глядел на горящий храм. Да какой там храм! Стоило!

– Говорят, – сказал монах, – колдун после смерти становится втрое сильнее. Странное дело. У последнего короля Ятуна не хватило сил навязать веру в Единого Бога огнем и мечом. Его убили, и род истребили, и храмы ушли под землю. А теперь шляются оборванцы, и хотят убедить народ в том, в чем не смог его убедить сам король, вывернуть мир наизнанку, как шубу в праздник, и так его и оставить. Сеньор негоден Единому Богу, купец негоден Единому Богу, весь мир негоден Единому Богу, одни праведники угодны! Зачем же он его создал? Ходят странники и нищие и учат, что не спасешься, пока не раздашь все добро странникам и нищим...

– Да, – сказал Ванвейлен, поглядывая на расшитую золотом ферязь божьего служителя, на пальцы, унизанные перстнями, – вы исключительно по богословским причинам не любите ржанных корольков.

– Шакун, – сказал монах, – великая сила, разлитая в мире. Он предшествует субъекту и объекту, действию и состоянию. Он невидим, как свет, но делает видимым все остальное. Он различает вещи друг от друга и придает им значение и форму. И нет ничего в мире, что может быть чуждым ему. Почему же золото, или чаша с камнями, или меч, или земля должны быть ему чужды? Что за бешеная гордость – говорить: «Человек – образ и подобие божие, а в идолах и вещах божьего образа нет»?

Помолчал и спросил у Ванвейлена:

– А что, ваша вера похожа на веру ржанных корольков?

– Почему вы так думаете?

– А вам тоже не нравится все вокруг. Но вы глядите и не вмешиваетесь.

* * *

По дороге в замок Ванвейлен пытался представить себе, что изменится в здешнем мире, если корона окажется в руках такого человека, как Марбод Кукушонок, и решил, что ничего не изменится.

Наутро Ванвейлен сошел во двор храма: сеньоры собирались на охоту.

– Вы не едете с нами? – окликнул его Марбод, как ни в чем ни бывало.

– Нет, – сказал Ванвейлен, – я больше не буду ездить с вами, Марбод.

Вместо охоты Ванвейлен отправился к сожженному храму: там крестьяне повесили мертвого проповедника на дереве вверх ногами, а потом положили в кожаную лодку и пустили в море. Особенно они не горевали: «Он сам сказал, что его убьют, а на четвертый день он воскреснет».

* * *

Два дня не происходило ничего, достойного упоминания.

В третий день Шуют, благоприятный для начала путешествий, гости собирались покинуть замок, и поэтому накануне хозяин устроил пир для всей округи: приехало сорок три человека и больше двухсот челядинцев.

Залу переделали, расстелили скатерти с золотыми кистями. Выросли горы мяса, разлились озера вина. Предки могли съесть барана зараз: как отстать от предков?

Потом все соглашались, что пир кончился очень странно, и многие говорили, что это чужестранцы его сглазили.

Наверное, так оно и было. Конечно, чужестранцы молча сидели и слушали, однако же колдун не рыцарь, чтобы говорить громко. Бывает, просто взглянет, – а молоко уже прокисло...

Говорили о Весеннем Совете, который созывал король в городе Ламассе, а потом как-то заговорили о самом городе. Дело в том, что люди были Ламассой не совсем довольны.

– За год, – пожаловался хозяин, – от меня сбежало в Ламассу двадцать семь человек. И не кто-нибудь! Лучший шорник сбежал, кузнецы сбежали, шерстобиты. Король объявил, что всякая собака в стенах Ламассы свободна – вот они и бегут. А теперь что? Прикажете мне ехать в Ламассу и покупать у моего же шорника мое же добро? – обернулся он внезапно к Марбоду Кукушонку.

А на Марбоде Кукушонке, надо сказать, опять было древнее платье королевских посланцев: длинный малиновый паллий с жемчужным оплечьем, с мешочком для печати у пояса, такой пloyчатый, что даже меч не было видно в складках.

Марбод помолчал и сказал:

– Да, лавочников там много.

– Надо на Весеннем Совете объяснить королю, – сказал Той Росомаха, – что ему нет выгоды разорять своих верных. А выгода от этого только храму Шакуника: разве вы, сударь, продали бы давеча монахам кузнеца Луя, если бы он не пытался уже дважды сбежать в Ламассу?

Тут внесли новую перемену блюд и еще переменили факелы на стенах. Сидели, надо сказать, так: по правую руку от хозяина – Лух Медведь. Дальше, со стороны Кукушонка сидели Духон Полосатый, заморский гость Клайд Ванвейлен, монах-шакуник Адрамет, дальше – опять заморский гость Сайлас Бредшо, дальше Ичун Долгоглазый, Шомад Верещатик и Кадхун Черное Лицо. По левую руку тоже все сидели местные гости.

И вот Шомад Верещатик, Лухов побратим, опять спрашивает Марбода Кречета:

– А ведь если кузнец в Ламассе станет свободным, то он и воином станет? И получается, сударь, что ваша дружина – уже и не дружина, а просто городское ополчение, а вы – так, издольщик при чужом войске.

Марбод отвечает:

– Я на удачу короля не жалуюсь.

– А откуда известно, что эта удача – королевская? – говорит Верещатик. – Рассказывают, что у короля теперь не только торговцы привозные, из храма Шакуника, но и колдуны оттуда же.

Хозяйский сын, тоже королевский дружинник, сказал, однако:

– Господин Арфарра, – не колдун, а полководец.

– А зачем тогда, – возразил ему Верещатик, – он обещал королю восстановить старый бронзовый храм о семидесяти колоннах, каждая колонна которого извещает, кто и где дерется? Как раз в самом подлом вкусе ворожба, чтобы войну заменить соглядатайством.

Тут внесли третью перемену блюд.

На пиру был человек по имени Таннах Желтоглазый, хороший рассказчик. Шомад Верещатик заметил его и спросил:

– Сударь, а как же так вышло, что в позапрошлом году вы дрались за короля, а в этом – за герцога Нахии?

Таннах ответил:

– Потому что наши предки так не дрались, как король в это году.

Тут все стали уговаривать Таннаха рассказать о том, как в этом году воевали, потому что такие вещи каждый любит послушать много раз. Таннах стал рассказывать:

– Советники короля собрались и решили, что земли по западному берегу Рябьей реки весьма плодородны и населены, и приобрести их – большая выгода и честь. И вот, когда уже вырос новый урожай, дружины переправились через реку и оказались в области племени далянов. У вождя далянов дочь замужем за графом Нахии, по прозвищу Пекари Рубчатое Ухо. Рубчатое Ухо поспешил на помощь далянам, а королю послал учтивое письмо. В письме было сказано, что герцогство пожаловано было его роду родом Кречетов, а король – потомок вольноотпущенников, и что, стало быть, герцог не может быть связан узами верности с нынешним королем Варай Аломом. Дядя короля по материнской линии, Най Третий Енот, обрадовался, что, кроме далянов, придется драться еще и с герцогом, разорвал письмо и сказал: «Чем больше противников – тем больше славы». Но королевский советник Арфарра покачал головой: «Надо поссорить наших врагов и разбить их поодиночке». По совету Арфарры король написал герцогу ответное письмо и вымарал в нем несколько строк. Вождь далянов узнал о письме и тоже захотел его прочесть. Увидев зачеркнутые строки, он спросил: «А это что за исправления?» Герцог ответил на это: «Так было». Вождь далянов промолчал, но про себя подумал, что герцог решил скрыть от него правду о сношениях с королем и потому-то и зачеркнул строки. Они поссорились. Пекари Рубчатое Ухо увел свои войска, и король легко разгромил далянов. Меж тем герцог одумался и понял, что король не простит ему учтивого письма. Он заперся в своем замке и разослал письма друзьям. Марбод Кукушонок явился к нему с дружиной на помощь. Дядя короля, Най Третий Енот, узнав об этом, заявил: «Чем больше противников – тем больше славы. Большая честь – побить сразу и Пекари, и Кречета». Но королевский советник Арфарра возразил: «Надо поссорить врагов и разбить их поодиночке». По совету Арфарры король написал герцогу письмо, в котором напоминал, что старший сын герцога, Ахая Полый Рог – названный брат короля, и звал его к себе на пир перед битвой. Полый Рог обрадовался случаю познакомиться с воинами молодого короля. Король и Полый Рог веселились всю ночь и под утро легли спать в одной палатке. Перед сном Полый Рог заметил: пьяный король сгреб со стола какие-то бумаги и сунул их себе под подушку. Ночью Полый Рог неслышно встал, зажег светильник и вытащил бумаги из-под короля. Это было письмо от

Марбода Кукушонка. Тот писал королю, что не хочет сражаться против своего законного государя и ждет только случая, чтобы перекинуться.

Сын герцога, вернувшись в замок, обвинил перед всеми Марбода в измене. Марбод Кукушонок возмутился и потребовал божьего суда – поединка. Противники сразились, Марбод, понятное дело, убил герцогского сына...

Тут Шомад Верещатик сказал:

– Мир совсем испортился. Марбод написал изменническое письмо, а божий суд выиграл.

Таннах огорчился:

– Неужели я так плохо рассказываю? В том-то и дело, что никаких писем Марбод не писал. А письмо написал королевский советник, и подучил короля, как сделать так, чтобы оно попало в руки сыну герцога.

– Все оттого, – сказал старый Досон Ворчун, – что молодых людей учат читать и писать. Если бы сын герцога знал лишь то, что подобает рыцарю, то и никакой беды бы не было.

Таннах продолжал:

– Советник сказал королю: «Герцогский сын вызовет Марбода на божий суд. Марбод суд выиграет, но, конечно, не сможет служить герцогу, ставшему его кровником. Тогда он придет к вам и предложит свой меч. А вы ответите: Из замка есть подземный ход, и он тебе известен. Проведи по нему дружину ночью, и перебей людей герцога». И как Арфарра сказал, так оно и вышло.

Тут все посмотрели на Марбода Кукушонка, потому что хуже этого нет: убить и предать того, кому служил. Хуже этого бывает, только когда воин выпьет из колодца, куда ведьмы ночью бросили дохлого кролика.

Таннах тоже посмотрел и увидел, что тот берет свой плащ королевского инспектора и расправляет так, чтобы меч не путался в складках одежды.

Таннах смутился и молвил:

– Так оно и вышло, только в одном советник ошибся. Марбод о подземном ходе отказался говорить, и сказал, что негоже брать замок бесчестным путем. Король, конечно, встал на его сторону. И что же? Арфарра колдовал три ночи; на четвертую сделался дождь и град, вся земля бормотала. Утром пошли на приступ: в замке нет ни одного живого, одни развороченные покойники, и листья с деревьев облетели... Горожане радовались, а люди негодовали, потому что в этом штурме никто не добыл себе ни имени, ни славы, только мухи да стервятники поживились.

Тут внесли четвертую перемену блюд. Таннах продолжил.

– Герцог, однако, ушел за подмогой накануне штурма, и поскольку он проиграл битву, очень многие стали на его сторону, испугавшись короля. Герцог разбил лагерь у Рябьей Реки. Военачальники короля стали держать совет: каждый радовался случаю отличиться на глазах короля. Но королевский советник Арфарра сказал: «Лагерь герцога – в речной пойме. Я запружу реку, и мы переловим его воинов корзинами, как лещей». «Аломы воюют не заступами, а мечами», – возразил дядя короля, Най Третий Енот. Но король послушался не его, а своего чародея. Арфарра дал в руки воинам лопаты, и в четвертую ночь лагерь герцога был затоплен. Арфарра расставил засады в укромных местах и горных проходах, и благородных воинов ловили корзинами, как лещей, и силками, как зайцев, и знамена плавали в воде, как листья. Герцога Нахии стащили с коня и привели в королевский шатер. Его поставили на колени перед королем, и герцог не знал, куда девать от стыда глаза, потому что его платье было в грязи и тине. Най Третий Енот сказал королю: «Пощади его, ибо побежденный противник – верный вассал и лучший друг». Королевский советник Арфарра возразил: «Следует мириться только с сильным врагом, но разбитого врага не оставляют в живых».

А герцога в это время держали на коленях. Король решил послушаться дядиново совета и обратился к герцогу: «Признаешь ли ты себя вассалом короля?» – «Признаю», – ответил

герцог. Тогда король сам снял с герцога веревки, посадил за стол и устроил большой пир. Советник Арфарра был недоволен, и король, заметив это и страшась за судьбу герцога, велел им пить вино из одной чаши. Вот Арфарра налил из серебряного чайника вина себе и герцогу и выпил с ним за дружбу. Но у чайника было двойное дно, и себе Арфарра налил хорошее вино, а герцогу налил яду, тот выпил и упал замертво. Король рыдал от горя всю ночь – его пир был опозорен.

– Да, – сказал хозяин, – бывало и раньше, чтобы гостей убивали, спрятав воинов в двойных стенках шатра, но чтобы гостей убивали из чайника с двойными стенками...

– А как королевский советник хотел сгубить Ная Третьего Енота под Кадумом, знаете? – спросил Росомаха.

– Сделайте милость, расскажите, – отвечали ему.

– Король держал совет, – продолжал Таннах, – почему так медленно растет Ламасса? «Потому что, – говорит Арфарра, – окрестные сеньоры чинят разбой над торговцами, а городские цеха притесняют новых ремесленников». «Потому что, – возражает Най Третий Енот, – в семи переходах от столицы – вольный торговый город Кадум, и если разрушить город и ремесленников переселить в Ламассу, то и торговли в ней станет больше». Королю слова Ная пришились по душе, да и дружина требовала подарков. Он велел Арфарре взять Кадум.

Арфарра очень обиделся. Он сказал: «Конечно, сеньоров окоротить труднее, чем завоевать с их помощью свободный город, но только будь я проклят, если дам сеньорам усилиться из-за этого похода». Но делать было нечего, и Арфарра стал собирать войско для Кадума.

Третий Енот обрадовался, потому что стены Кадума были неприступны, и Арфарра провел бы под ними много времени. Но Арфарра сказал: «Если брать город снаружи, на это надо много людей, а если брать город изнутри, – надо гораздо меньше. Мой план таков: я наряжу часть дружинников торговцами, а часть посажу в бочки, якобы с бузой. Они пройдут за городские стены, а ночью перебьют стражу и откроют нам ворота». Тогда Най Третий Енот увидел, что дело и вправду сулит выгоду, и попросил поручить это ему. Арфарра согласился. Все удивились, но королевский советник сказал: «Этот человек мне все время мешает. Пускай его едет в Кадум. В Кадуме его дернут на базарной площади за бороду, он и зарубит обидчика. От Ная я избавлюсь, а Кадум все равно возьму». Эти слова передали Наю, и он только улыбнулся.

Арфарра сказал, что торговцы не ездят на боевых конях, и заставил Ная и его людей пересесть на заморенных кляч. А потом он велел ему снять боевой кафтан и надеть зеленый, суконный. Памятуя о словах Арфарры, Най все стерпел.

Вот подъехал Най с людьми и бочками к заставе перед городом, и начальник заставы окликнул его: «Эй, торговец! Это нечестно, что подлый мужик едет на таком коне!» Най Третий Енот закусил губу, но вспомнил о словах Арфарры и подарил начальнику коня.

Вот проезжает Най через городские ворота, и начальник стражи окликает его: «Эй, торговец! Ты, видать, немало обжулил народу, что собрал такой большой караван. А мои дети мерзнут с голоду!» Най Третий Енот закусил губу, но вспомнил о словах Арфарры и дал золота простолюдину.

Вот приехал Най на городскую площадь, а граф Кадума был в это время в городе и пришел посмотреть на новоприбывший караван. «Да ты как стоишь перед графом, мужлан!» – напустился на графа Ная граф Кадума. «Так стоит, – сказали в свите, – будто стоит втрое больше своего вергельда». «А коли так, – сказал граф, – так пусть он мне завтра пошлину заплатит втрое против обычной». «Я тебе прямо сейчас заплачу», – ответил граф Най, вытащил из сена меч и зарубил Кадума прямо на площади. Тут пошла веселая торговля: люди Третьего Енота стали отвешивать покупателям по полфунта хорошего удара, да отмерять по полвершка дубинного звона, а те платили им той же монетой. Горожане испугались, лишившись графа и видя доблесть нападающих, да и королевское войско было уже у стен. Так Най Третий Енот овладел Кадумом и поднес его королю. А Арфарра сказал, что тот не выполнил уговора, и

потому король не имеет права отдать Наю земли графа Кадума. И с тех пор Най Третий Енот возненавидел Арфарру, ибо понял, что тот посылал его на верную гибель.

А отец Адрамет слушал и улыбался. Он тоже хорошо знал, как обстояли дела, хотя и не воевал, потому что люди Даттама ходили за войском и скупали всю добычу, и он был среди них.

– А ведь земли герцога Нахии тоже остались у короля, – заметил хозяин.

– А почему ж нет? Завоеванная земля принадлежит королю, – возразил его сын.

– Может, оно и так, – заметил Росомаха, – но только земля принадлежит королю затем, чтобы он пожаловал ею тем, кто завоевал эту землю, а если король будет сидеть над своей землей, как ростовщик над кубышкой, так кто же будет за него воевать?

А Таннах Желтоглазый сказал:

– Земли остались королю, и он отдал их простолюдинам, которые на них сидели, а участники похода получили свою долю деньгами. А деньги отдали своим же бывшим рабам в Ламассе!

Тут Лух Медведь поглядел на хозяйского сына. А у того, надо сказать, на кафтане по червленому бархату шли накладки вроде хвоста ската – не очень искусной работы и серебряные.

– Да, – заметил Лух. – То ли король не доплатил своим воинам, то ли они переплатили ремесленникам.

– Вы меня не так поняли, сударь, – сказал Таннах. – Я сказал не «заплатили», а «отдали». И не оружейнику, а, скажем, красильщику, чтоб он себе на эти деньги завел новую красильню, а потом с красильни отдавал долю с дохода. Это все Арфарра придумал и назвал «планом обогащения народа посредством ссуд и паев».

Тут, однако, Кукушонок не выдержал и стал отгибать у плаща роговые застежки:

– Мои деньги, – говорит, – все ушли на виру. А что осталось – отдам вашей родне.

– Я о вас, сударь, не говорю, – возразил Таннах. – Кречеты – совсем другое дело. Кречеты – королевский род, и весь Мертвый город в Ламассе – принадлежит, слава Лахут, роду Кречетов. Не во всей Ламассе королевский колдун распоряжается.

Надобно сказать, что Таннах не знал, что старый Зомин, ленник Кречетов, владевший Мертвым городом, три луны как умер. И что по новым законам выморочный лен перешел к королю. Если бы он это заранее знал, то ничего бы не произошло. Но когда ему указали на ошибку прилюдно, он взял и уперся:

– Что за чепуха! Пусть король пользуется землей, владеют-то ей все равно Кречеты. Как король, Варай Алом, конечно, сеньор Кречетов, а как держатель Мертвого города – он теперь их вассал.

Тут все обомлели, потому что, действительно, получалось, что король теперь – вассал Кречетов.

А хозяйский сын заметил:

– Это по наущению Афарры король не приносит вассальной клятвы.

Тут языки у всех развязались, люди стали Арфарру поносить, как могли, потому что было за что.

Надо сказать, что всю эту ругань чужеземцы слушали, прямо-таки разинув рот... Но мы ее пересказывать не беремся, да и невозможно. Ведь даже о битве у Рачьей реки можно сложить песню, хотя бы и хулительную. А как сложить песню о том, как Арфарра-советник учредил при дворе новые должности, насажал туда простолюдинов, а старых титулов хоть и не отменил, но превратил в пустое место?

Шардаш Кривой Сучок даже так разошелся, что заявил:

– В конце концов, Кречеты не виноваты, что крестьяне молятся ржаному корольку, – однако понял, что сказал совсем не то, сконфузился и сунул палец в рот.

И вот, когда все наругались и перепились, встал Шодом Опоссум, хозяин, и сказал:

– Я так думаю, что если король хочет иметь верных воинов, по обычаю, то и сам должен обычаи соблюдать. И уж если мы все тут собрались, и те, кто будет на Весеннем Совете, и те, кто не будет, – нам надо составить грамоту, и сказать в этой грамоте: если король не принесет Кречетам вассальной клятвы – то и мы ему ничем не обязаны.

И если король принесет вассальную клятву – это значит, что он уважает обычаи королевства и свободу сеньоров, а если нет – то тогда сеньорам придется самим защищать свою свободу, и, клянусь божьим зобом, мы ее защитим, ибо свобода – эта такая штука, которая слаще, чем перепелка в шафранном соусе и девственница в брачную ночь!

Все были пьяны, составили грамоту и подписали.

Впоследствии, как только советник Арфарра узнал о пире, он кинулся доказывать королю, что это Марбод Кукушонок сговорился насчет грамоты с Опоссумом и подзуживал остальных. Но король только рассмеялся и заявил, что советник вечно считает: раз что-то произошло, значит, кто-то это замыслил.

Поскольку, однако, ничего случайного в мире не бывает, то и выходит, что пир сглазили чужестранцы.

Потому что бывает, что пир кончается поединком или кровной мстостью. Бывает также, что кто-то повздорит с королем и убьет его людей, а Шемка Алома, прадеда нынешнего короля, за обиду подстерег и убил на охоте Кашор Одноглазка. Бывает, что кто-то не повинуется королю и поэтому не едет на Весенний Совет: для отсутствующих решения совета как бы не обязательны.

Но чтобы благородные люди собрались и уговорились явиться на совет для неповиновения, да еще бумажку какую-то подписали, словно судейские крючки, – такого никто не помнит, и сколько же бед должно из таких вещей выйти!

* * *

Утром следующего дня, весьма благоприятного для начала путешествий, чужеземцы, снабженные письмом к начальнику храмовых торговцев господину Даттаму, отплыли в королевский город Ламассу. Сорок четыре дня оставалось до весенней ярмарки, и шестьдесят два – до Весеннего Совета.

Погадали на прощанье, и прутья легли так, что лучше бы, право, не гадать. Шодом Опоссум спросил у чужеземца, как ему вчерашний пир?

Ванвейлен сказал:

– Я был очень удивлен. Я думал – у вас ничего не происходит, и нет такого человека, который осмелится все исправить.

Таннах Желтоглазый удивился:

– Как ничего не происходит? Вон – дочь у хозяина выросла, вон – новый флигель построили. А вы надолго собираетесь оставаться в Ламассе?

– Нет, – сказал Ванвейлен, – я постаюсь убраться из нее до этого вашего Весеннего Совета, так как сдается мне, что не все, приехавшие на Весенний Совет, оттуда уедут.

А прутья у шамана легли скверно потому, что Марбод Кукушонок не пришел прощаться с чужеземцем и подарок его вернул. Сказал:

– За позавчерашнее оскорбление я с него ничего не возьму, потому что мало чести убивать человека, который дерется хуже хромой куропатки. Однако, сдается мне, пути наши еще встретятся, и, клянусь божьим зобом, я сыграю с ним не в «сто полей», а в игру свободных людей.

Все нашли, что Марбод Кукушонок говорил так с досады. Потому что Ванвейлен дрался не так плохо и даже делал «летающую ящерицу». А из лука стрелял совсем хорошо, если не считать того, что подстрелил однажды зайца в ста шагах. А в зайцев стрелять гнусно, потому что заяц – это крестьянская еда, а охота – господское искусство.

* * *

Марбод глядел со скал, как отплывает корабль с птичьим лицом и настланными друг на дружку ребрами. Ни один колдун, даже чужеземный, не захотел иметь дела с Арфаррой. Почему? Или есть в этом проклятом кашее что-то, кроме колдовства, и интриг, и неподаренного коня?

Какими зельями он заворачивает смердов, что они бегут в Ламассу, какими заклинаниями заморочил он короля, что тот поднимается против знати?

Дунул порыв сильного ветра, Марбод покрепче закутался в плащ, – Марбоду показалось, что это черная тень, шпион Арфарры, пролетела, спеша, с рассказом о вчерашнем пире.

Марбод схватил лук и выстрелил: черная тень пискнула, сгинула в море.

Ну, береги перышки, советник Арфарра!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, ***в которой рассказывается о том, как послушник*** ***Неревен рассердил бога в желтой парчовой куртке***

А теперь мы покинем поместье Золотой Улей и больше туда не вернемся, а расскажем о том, что происходило в королевском городе Ламассе. Не спутайте, однако: королевский город – это не столица, а город, чьи вольности подтверждены королем. А столицы в королевстве не было вообще, двор жил в замках и ездил по всей стране, так что нельзя было даже начертить правильную карту, непонятно, где у карты центр.

* * *

Утро в час малого прилива было хмурым.

За окном шел дождь, и в комнате тоже шел дождь: это капали секунды в водяных часах.

Водяные часы – вещь удобная для «ста полей». Играли двое – королевский побратим Даттам и королевский советник Арфарра, а часы были двойные, – розовая пирамидка отмечала время Даттама, а синяя – время Арфарры.

Высоко над головой советника, на спинке его кресла, сидела белая мангуста, а в углу, на циновке, занимался рукодельем его послушник Неревен.

Господин Даттам зябко потер руки, переставил фигурку и сказал:

– Сад.

Арфарра склонился над доской, и мангуста недовольно заурчала и спрыгнула со спинки кресла на игровой столик.

Господин Даттам рассказывал неторопливо о скандале, свидетелем которого стал вчера в городской ратуше один из храмовых экономов. Скандал устроили торговцы, приведшие корабль из Западной Земли. Городские магистраты очень удивились, потому что привыкли считать Западную Землю скверной выдумкой. Но быстро оправились, учуяли конкурента, осмотрели товар и назначили такую низкую цену, что даже зяблик, и тот бы возмутился, а торговцы подняли жуткий хай.

Им на это: «Жалуйтесь королю».

А они: «На что нам король? Нам барыш нужен. Не будем с вами торговать, и все. Мы в стране Великого Света за свои товары в пятьдесят раз больше выручим...»

Королевский советник внимательно разглядывал доску. О торговом скандале он не знал, зато знал о пире у Шодома Опоссума и о том, с кем Марбод Кукушонок лазил в подземный храм.

После этого – была ссора. Белого Кречета назвали наемником при торговце – демонстративно и беспричинно. Арфарра-советник не любил демонстративных и беспричинных ссор. Бойся друзей, бойся начальства, но более всего бойся беспричинных ссор, ибо беспричинные ссоры происходят по предварительному сговору.

Каков, однако, наглец Марбод! Знатный бандит отыскал себе дикаря из Западных Земель и думает, что дикарь этот может совладать со знаниями Храма!

– Да, – сказал рассеянно советник, – городские цеха только и знают, что охранять свою монополию. Сначала жгут у чужаков мастерские, а потому удивляются, отчего в империи ткани лучшего качества. Петицию вон недавно подали: мол, имперские шелка так заколдованы, что перетяжек на них не видно, запретите их ввозить...

– Да, – так же рассеянно сказал Даттам, которому упоминание об этой петиции было чрезвычайно неприятно, потому что он ввозил в королевство все шелка, кроме тех, которые

ввозились контрабандой, и даже некоторую часть последних, – так я их решил взять в империю с собой... Вопрос о монополии мы уладим. Сегодня обещали явиться, расспросить о договоре.

Арфарра-советник завозился в кресле, накинул поверх шелкового монашеского паллия меховую накидку, потом щелкнул пальцами:

– Неревен!

Из угла по знаку выбрался послушник Арфарры, поспешил к камину.

Неревену, послушнику Арфарры, было не больше семнадцати. Он был как-то недокормлен и хрупок, как фигурка на фарфоровых чайниках, расписанных травяным письмом. На нем был грубый синий балахон послушника, и на тонком запястье – железное кольцо ученика.

Мальчик покончил с дровами, собрал разноцветные клубки и коклюшки и пересел с рукодельем поближе к огню, прямо под тяжелое, обшитое желтой бахромой знамя бога Шакуника. От огня ему теплей не стало: камин грел комнату не больше, чем солнце на знамени.

Мальчик огляделся. Учитель Арфарра перестроил уже половину королевского дворца, господин Даттам, однако, поселился в неперестроенном крыле. Он ничего не менял, только на второй уровень вместо квадратной лестницы велел поставить винтовую, потому что варвары сильно мочились по углам.

Роспись на стенах была варварская, о времени, когда люди помрут, а боги, заскучав, вернутся на небо. Очень глупо, потому что земля и небо – как дом и крыша дома, и ясно, что крышу прежде дома не строят и если земля обвалится, то и небо не уцелеет. Роспись, однако, облупилась и пошла складками, как кожа старой женщины, в золоченых окнах – слюдяные бельма, на мраморном полу – солома для тепла. Пахло запахами, тяжелыми для человека ойкумены – нежилой плесенью, разрушенной канализацией и близким морем.

Неревен щурился, набирая петлю за петлей озябшими пальцами, косил глазами на окно.

Триста лет назад, когда королевский дворец был управой наместника, окон в нем было триста пятьдесят восемь, по числу дней в году, стекла в окнах были большие и прозрачные.

Варварам, однако, нужны были не окна, чтобы смотреть, а бойницы, чтобы стрелять. Они заложили окна камнем, укрепили в них решетки. Потом куда-то пропали стекольщики, и варвары стали вставлять в решетки вместо больших стекол маленькие и цветные. Свет померк и рассыпался на части, словно в призме в кабинете учителя.

Время тоже рассыпалось. А стертые рисунки на стене были как заброшенный сад за стеной: прогалина в мироздании, пустое место, опасное место. Через них-то в комнату и просачивалась вся нечисть: души военных чиновников, убитых при штурме, души лукавых засеченных рабов, души непокорных вассалов, зарубленных во дворце, и может быть, душа самого Ирвена Ятуна, последнего короля из рода Белых Кречетов, который считал, что лучше слушаться бога, нежели вассалов, сердилась и прыгала в очаге, – почему-то он не грел.

Неревен прислушивался к разговору между учителем и господином Даттамом.

Господин Даттам явился в Ламассу неделю назад с караваном и, как королевский побратим, расположился во дворце, дожидаясь короля.

А учитель прибыл в королевский город только сегодня утром, вперед короля, чтоб подготовить дворец к очистительной церемонии и прогнать нечисть и сырость.

Господин Даттам был самым богатым человеком королевства, а, может, и всей ойкумены. Господин Арфарра стал самым влиятельным человеком королевства.

Они знали друг друга двадцать лет, подружились в столичном лицее, и друг другу были обязаны жизнью. Много перемен произошло в королевстве с тех пор, как Арфарра стал королевским чародеем. Много перемен, говорят, происходит в империи, откуда приехал Даттам, умирает старый государь, наследник и государыня недовольны друг другом... Другим говорить и говорить, а они молчат и играют в «сто полей». Ох, как скверно! Ну при чем тут заморские торговцы? Хорошо, если эти двое не доверяют друг другу... А если Неревену?

Золотые искры от камина прыгали в больших кошачьих глазах Неревена, озябшие пальцы перебирали спицы.

Холодно.

Ой как холодно!

Страны за пределами ойкумены всегда хиреют от холода или жары, без благой государственной силы. Когда страна аломов была Горным Варнарайном, это был край винограда и оливок. А теперь растут ячмень и пшеница среди вырубленных оливковых плантаций. Лохматые козлы и собаки помыкают стриженными баранами, нечесанные рабы помыкают собаками, а нестриженные бароны помыкают нечесаными рабами.

Неревен тоже не стриг волос: но это потому, что человек за пределами ойкумены не должен ни стричься, ни умашаться, если хочет вернуться живым, а борода у Неревена еще не росла.

Неревен вздохнул и поглядел на людей за яшмовым столиком. Холодное, усталое лицо Арфарры с короткими темно-русыми волосами было тщательно выбрито, так что можно пересчитать каждую морщинку у рта. Зеленый монашеский паллий, простой, безо всякого шитья, однако столь тонкий, что можно было разглядеть под ним завитки кольчуги. Пальцы длинные, холеные, на среднем пальце яшмовый перстень-печать, похожий на третий глаз: Боги чародею не указ.

Но господин Даттам!

Рыжая борода короткая, как у знатного варвара, волосы в золотой сетке, пятицветный кафтан, шитый золотом в прикреп, конные сапоги выше колен: не подданный империи, а вассал короля. Он и ведет себя за чертой ойкумены, как варвар. «Как свободный человек», по здешнему.

И хотя глаза у обоих называются золотыми, очень удачливые глаза по здешним приметам, видно, что глаза все-таки разные: у Арфарры глаза, как у мангусты, с яшмовыми прожилками, а вот у Даттама, действительно, – золото.

Даттам, однако, не чародей – Даттам вор и бунтовщик, а теперь и того хуже – торговец.

Даттам шевельнулся над доской.

Левый купец его завладел седьмым зеленым полем. Ах, нет! Пешка учителя побывала там раньше. Стало быть, не завладел, а только получил право пользования.

Купец – странная фигура: трижды за игру ходит вкривь. Да и «сто полей», если призадуматься, странная игра. Говорят: в Небесном Городе зал приемов зовется «сто полей». Говорят: игре две тысячи лет, и принес ее с рисом и с тремя таблицами сам государь Иршахчан. А как, если подумать, мог государь Иршахчан принести игру с купцами, если он отменил «твое» и «мое»?

И еще при государе Меенуне купцов и торговцев не было, все в деревне говорили, что они завелись в Варнарайне только после восстания Белых Кузнецов, двенадцать лет назад.

Арфарра-советник перевернул одну из фигурок и нажал на планку в водяных часах.

Синяя пирамидка перестала плакать, а розовая, наоборот, заплакала. По уровням воды было видно, что Даттам играет гораздо быстрее, чем королевский советник, а по доске было видно, что Даттам играет, не давая себе труда подумать.

Тут мангуста насторожила уши и обернулась к окошку: где-то в перестроенных покоях началась суeta. Арфарра сделал знак Неревену, тот поднялся и побежал анфиладой пустых залов.

Король действительно въезжал во двор с верными, дамами и горожанами. Дождь перестал, как и предсказывал учитель, едва показался король, с крыши уже кто-то сбрасывал миску с зерном, солнце плясало на копейных значках и боевых веерах.

Кафтан на короле был белого государева цвета, однако намок под дождем, и под ним проступил бордовый лакированный панцирь. Дамы королевской свиты, распаренные и крепко

сбитые, били сапогами по конским ребрам, а мечи за спинами верных вовсе не походили на церемониальные.

Ах! Разве можно сравнить это с Государевым Дворцом! Государев Дворец – весь под серебряной сеткой, дождь над ним не идет, и по слову государя цветы склоняют свои головки, и звери приводят к нему своих детенышей!

И Неревену на мгновение представилось, как в Зале Ста Полей государь кивает ему головой и жалуется чиновничий кафтан, и Неревен покидает залу, пятится, пятится, потому что поворачиваться к государю спиной нельзя, – и идет от одной дворцовой управы к другой в платье, украшенном изображением единорога и феникса...

Тут грязь из-под чьих-то копыт облепила его с головы до ног, а всадник сказал:

– Простите.

Неревен удивился, что всадник извиняется, забрызгав пешего, поднял голову и увидел, что владеец голося сидит на лошади, как мешок с рисом. Неревен спросил по-вейски:

– Вы – веец?

Незнакомец задергал узду, понапрасну мучая коня, чтобы тот стоял на месте.

– Нет, – сказал он. – Наш корабль, – тут он запнулся, ища слово, – пришел из-за моря.

По-вейски человек говорил так же скверно, как по-аломски.

Тут король Варай Алом заметил послушника и закричал на весь двор, чтоб тот известил хозяина. ««Не хозяина, а учителя»», – обиделся Неревен. Поклонился, однако, отошел, пятясь и побежал обратно через сырые покои.

Вслед засмеялись, потому что перед королем не то что пятясь не ходили, – король во весь двор кричал, словно сова какая – однако Неревен ничего не мог с собой поделать.

* * *

На обратном пути, убедившись, что крыло пустынно, а учитель и Даттам сидят в гостиной, Неревен скользнул в комнату, занятую Даттамом, и принялся ее обыскивать.

Неревен осмотрел лестницу, пощупал за коврами, а потом завожился с замком у большого ларя. Ларь стерегла птица Цок. Чтобы она стерегла его целиком, резчик растянул крылья прямоугольником, голову и хвост завернул на брюшко, а когти и перья усеял десятками глаз. Поэтому-то Неревен и не боялся варварских богов на ларях: по рисунку было видно, что не бог – повелитель ларя, а ларь – владеец бога, ишь, растянули, как на дыбе.

Крышка подалась и растворилась, Неревен стал перебирать содержимое, потом насторожился.

Ага! Только варвары так шумно ходят по каменным полам. Неревен выскользнул из комнаты и изогнулся у косяка.

В дверях показался давешний торговец из-за моря, и с ним товарищ. Одеты оба были очень богато. Первый, главный, был широк в плечах, узок в поясе, темно-русый, нос прямой, глаза серые, вид надменный, потому что расстояние между верхней губой и носом чуть великовато, больше примет нет.

Второй был помельче, чуть сутуловат, рыжий, нос с горбинкой, губы углами вниз, как у людей мягких и суеверных. Для двух соплеменников они были решительно непохожи друг на друга. В лицах их, однако, одинаково недоставало ни решительности горца, ни воспитанности вейца. Русский огляделся, ступил к стене, и воткнул что-то в розовый пух ковра.

Неревен ослабил. Он внезапно понял, отчего Даттам не к месту просил за чужеземцев: у них был приворотный амулет! Точно, – ходили уже слухи на рынке, что эти люди заядлые колдуны!

Неревен, улыбаясь, показался в проеме. Варвар отскочил от ковра, будто обварившись кипятком, виновато глянул в глаза.

– Вот, господин Даттам звал нас к полудню... – повертел головой и добавил: – Глупое строение. Всякая комната – проходная, никакого понятия о личном уединении. Немудрено, что король от замка по всей стране бегают.

Неревен, склонив голову набок, очень странно смотрел на торговца.

– Это не замок, – сказал Неревен, – а бывшая управа. Ее строили для наместника провинции, когда страна была частью ойкумены. А когда король Ятун брал город, он поклялся, что не оставит в нем ни одной живой мангусты. Дом наместника они сожгли, а управу оставили, приняв ее за храм и испугавшись гнева богов.

Белая мангуста вышла из-под занавесей и уставилась на незнакомцев. Усики у розового носа вздрогнули, короткий толстый хвост часто застучал по полу.

Рыжий варвар в испуге отступил. Варвары видали, как мангуста всюду ходит с Арфаррой, и считали, что она-то и есть его бог. Неревен знал, что это не так: бог был один, а мангуст у Арфарры было две. И сейчас одна сидела в храме, а другая была с Арфаррой во дворце.

Мангуста подняла на Неревена желтые прозрачные глаза.

– Жителю ойкумены, – прочитал Неревен в глазах мангусты, – плохо жить в казенных анфиладах, он тоскует без своего угла. Но какое понятие об уединении имеют варвары? И еще – какой варвар скажет: «к полудню»? Он скажет: «когда солнце будет плавать над головой», а придет, когда солнце утонет.

И Неревен мысленно связал в уме первую петельку.

* * *

Мангуста пошла в соседний зал, и Неревен повел заморских гостей за ней. Там он усадил их и велел ждать, пока вернется.

– Как вас представить? – спросил он.

– Сайлас Бредшо, – сказал рыжий.

– Клайд Ванвейлен, – сказал русский.

Имена длинные – родовые имена. И ни титулов, ни должностей. Одно слово – торговцы.

Неревен вернулся в спальню и снова занялся ларями. Он искал письма, которые Даттам получил сегодня утром от Оско Стрепета. Стрепеты шли пятыми в золотых списках знати, земли графа обнимали весь северо-восток. Даттам получил письмо и стал рассказывать, что должен ехать к графу.

Это как понять? Явился к Весеннему Совету, а теперь бежит от греха подальше? И, стало быть, сам граф не хочет быть на совете?

Поставцы были пусты, а в ларе-подголовнике Неревен нашарил лишь сборник математических притч.

Послушник поднял глаза. Справа от кровати была ниша, а в нише стоял мраморный Бужва, страшный бог правосудия и пыток, покровитель сыщиков и шпионов. Неревен прищурился, и острые его глаза вдруг заметили крошечную и слишком ровную трещину за ухом великого бога: тайник!

Вскрыть? Бога?! Этого бога?!

На душе стало страшно, но Неревен вспомнил: учитель велит мыслить логически. Бужва – бог ойкумены. Боги ойкумены извинят все, совершенное на благо ойкумены. Следовательно, бог обысков и пыток должен извинить, если Неревен его обыщет.

Неревен поддел ногтем ухо бога, – оно отошло в сторону, обнажив латунный квадрат с дырочкой для ключа. Неревен выбрал из кармана подходящую отмычку, – и через минуту голова Бужвы откинулась, как крышка ларя. Неревен запустил руку внутрь и тут же выдернул ее. В ладони лежало две монеты-ишевика в спутанной паутине, а по рукаву бежал паук. Оскорбленный бог убегал из самого себя, а святотатство было напрасным. Ничего в этот тай-

ник Даттам не клал, и владелец монет, умер, небось, при штурме города, не успев забрать из тайника последнюю взятку!

Неревен сглотнул и впервые в жизни глянул вблизи в золотой лик государя Ишевика. Круглая монета, квадратная дырочка: квадратура круга! Голова закружилась. Соблазн и проклятье! В империи за эти монеты бог в парчовой куртке ссылает людей в каменоломни, а сам, – сам хранит их в зобу!

В гостиную снова послышались голоса – кто-то разыскивал Арфарру. Неревен выгреб из утробы страшного бога еще пять ишевиков и заторопился.

Как не прыгали, однако, мысли у него в голове, – он не забыл, проходя мимо розового ковра, нашарить и сунуть в рукав приворотный амулет чужестранцев.

* * *

Неревен покинул комнату, и Даттам спросил:

– Зачем вы разорили город Кадум?

Королевский советник скривился.

– Это подвиг графа Ная, а не мой. Об этом знают даже мальчишки-стремянные.

– Мальчишки-стремянные знают, что Небесный Океан стоит на четырех опорах, и вы, кстати, не торопитесь их разубеждать. Граф – просто глупец, которого вы дергаете за ниточки его глупости.

– Я поступаю так, как выгодно храму. Кадум мешал нашей торговле.

Даттам внимательно смотрел на собеседника.

– Человек стремится к выгоде, – сказал Даттам, – и здешний мир устроен так, что сеньоры искали выгоды на войне. Они строили замки, копали рвы и грабили торговцев на дорогах и перевозах. Они хватали тех, кого считали имущими, коптили мужчин над очагом и поджаривали в масле, и жгли тряпье, привязанное к пальцам их жен. А теперь, – не в последнюю очередь благодаря мне, выгодно стало строить города, а не замки... И сеньоры понимают: либо прибыль с войны, либо сбор от ярмарки. А вы навязываете им войну. Какая же торговля при войне? Где ж тут выгода храма? Вы, господин Арфарра, разорили Кадум и убили двух зайцев: уничтожили город, независимый от короля, и выставили на посмешище графа Ная.

Господин Арфарра передвинул пешку на золотое поле, перевернул водяные часы. Время потекло вспять.

– Ваш ход, – улыбаясь, указал он.

Даттам потерял интерес к игре.

– Сдаюсь, – махнул он рукой. – Вы слишком хорошо играете в сто полей. Это-то и опасно.

Арфарра ежился от холода и кутался в плащ, маленький по сравнению с громовой птицей на спинке кресла. Птица глядела на мир холодными глазами золотой яшмы, и глаза Арфарры были такими же.

– Сто полей, – продолжал Даттам, – это игра империи, игра умников. А здесь, в стране аломов, играют в кости. Если род Аманов за вас, то род Полосатой Иверры против. Шеввины за вас, – а Карнаки за ваших врагов. Чем ближе вы к победе, тем больше сеньоров, встревоженных вашими успехами, ополчается против вас. Чем чаще вы бросаете кости, тем равнее количество черных и белых очков.

Арфарра улыбнулся.

– Вы, однако, ладите и с Шеввинами, и с Карнаками.

– Я – торговец, – сказал Даттам. – Товары, как женщины или слова, – ими меняются и с врагами.

Арфарра расхохотался.

Глаза Даттама слегка сузились. Год назад опальный сановник Арфарра не хохотал ему в лицо. Год назад он рад был стать монахом и покинуть империю.

Год назад храм получил от торговли с Горным Варнарайном шесть миллионов. А в этом году вся страна готовится к войне, сеньоры собирают дружины, дружины хотят подарков... Только на переправах и перевозах Даттам раздал двадцать три мерки золота самозванным защитникам каравана, чтобы те не превратились в благородных разбойников... И ведь скажут же, скажут: «Это ваш был совет – исполнить просьбу короля, приставить к королю советника из храма? Это ваш был совет – упросить господина экзарха оставить Арфарру в живых? За сколько тогда господин экзарх согласился пощадить своего верного друга? За все доходы с Верхнелосских гончарен? А ведь вам и тогда говорили: не связывайтесь с сумасшедшим».

– Кстати, о торговле, – улыбнулся Арфарра. – Король недоволен поведением вашего помощника, отца Адрамета. Караван его вез из империи оружие для короля, – и вот, когда караван прибыл, оказалось, что отец Адрамет распродал половину этого оружия на северо-востоке.

– Я входил в его резоны, – сказал Даттам, – на северо-востоке за мечи давали вдвое – цена на оружие возросла.

– Именно этим король и недоволен, потому что он полагает, что ему придется драться с теми, кому вы продали оружие.

Даттам поднял брови.

– Господин Арфарра, – сказал он, – если в этой стране будет война, то виноваты в ней будут не торговцы оружием, а кое-кто другой. Зачем вы рассорили Марбода Кукушонка с королем? Что это за история с конем?

– Я? – сказал Арфарра – Я не ссорил Кукушонка ни с кем. Человек из рода Белых Кречетов не нуждается в моих услугах, чтобы поссориться с королем.

– Рад это слышать. В таком случае, вы не откажетесь исполнить то, что я обещал Кукушонку, – примириться с ним на сегодняшней церемонии. В обмен он возьмет назад эту хамскую петицию, на которую он подбил знать в Золотом Улье.

– Нет, – сказал Арфарра.

– Нет, – переспросил Даттам, – Нет!? И после этого вы еще будете обвинять меня в торговле войной?

Арфарра сделал следующий ход.

Даттам уже не обращал внимания на игру.

– Сто лет назад, – сказал Даттам, – последний король из рода Ятунов пытался укрепить королевскую власть и через единство бога добиться единства страны. Вам тоже хочется на съедение муренам?

Королевский советник молча улыбался Даттаму, не возражал и не сердился.

– Зачем вы отстраиваете Ламассу? Это мешает моей торговле. Здесь сильная коммуна. Городские цеха не любят конкурентов. Зато они обожают диктаторов. Вы надеетесь, что горожане помогут изменить вам правила игры в кости. Вы надеетесь уничтожить рыцарей руками горожан, а с горожанами потом справитесь десятком законов.

– Вы что, полагаете, будто я стремлюсь к власти? – вежливо справился Арфарра.

Даттам сощурился. «Ну что вы, – хотелось ему сказать. – Это просто случайность, что те вассалы храма, что готовы были для меня в ладонях жарить омлет, теперь жарят его для Арфарры».

– Гораздо хуже, – сказал Даттам, – вы стремитесь к общему благу.

Арфарра поджал губы, видимо недовольный цинизмом собеседника.

– И еще, – продолжал Даттам, – вы надеетесь на чудеса, не правда ли? На то, что здешней суеверной публике покажется чудесами... Вас давно бы зарезали, если б не помнили, что мертвый колдун гораздо хуже живого. На собственном опыте могу вас уверить: когда чудеса

вмешиваются в политику, это кончается мерзко. Вы думаете – король вам верит? Что ж. Вы ведь думали, что экзарх Харсома вам тоже верит! Вам не надоело быть воском в руках литейщика, чтобы вас выбрасывали, когда опока готова?

Арфарра молча кутался в плащ. На резных стенах рушилось мироздание, и резьба тоже рушилась, боги тосковали и плакали, а мечи и кони были по размеру втрое больше людей, потому что в этой стране мечи и кони были настолько же важнее героев, насколько герои – важнее богов.

– Хотите, я вам скажу, чего вы добьетесь? Король хочет одного – натравить знать на наш храм, потому что у знати слишком много вольностей, а у храма – слишком много денег. В этой стране неизвестно, что такое гражданская жизнь, зато известно, что такое гражданская война. После Весеннего Совета начнется всеобщая резня, вас зарежут, и храм распотрошат, и я покамест не вижу ни одной силы, способной резню предотвратить.

И тут Арфарра перестал улыбаться.

– Мне жаль, что вы ее не видите, – сказал Арфарра. – Но вообще-то она называется народ.

– Не прикидываетесь, вы не на городской площади. Я знаю вас двадцать лет! Я читал ваши школьные сочинения и ваш дурацкий доклад, и я помню, что вы вытворяли после мятежа Белых Кузнецов. Вам нет дела до народа, вы просто сумасшедший чиновник.

Арфарра помолчал и сказал:

– Все мы в молодости были глупцами. От чиновника во мне осталось ровно то же, что в вас – от повстанца.

– Вы неправы, – сказал Даттам, – кое-что во мне от повстанца осталось.

– Что же?

– Воля убивать врагов.

– Почему же не прав? Именно это осталось во мне от чиновника.

Даттам молча, побледнев, смотрел на игровой столик. Время вылилось из верхней чашки часов совершенно – высосал кто-то, невидимый и жадный. Вдруг в дверь опять прошла мангуста, и за стеною послышались веселые голоса, – король звал Арфарру-советника. Арфарра засмеялся, – смех его заплескал в ушах Даттама, дверь распахнулась, и тут Арфарра громко сказал, так, чтобы слышали вошедшие:

– Подпишите вот эту бумагу, Даттам, и я помирюсь с Кукушонком на сегодняшней церемонии.

* * *

Вместе с Арфаррой Даттам, невозмутимый и улыбающийся, отправился поприветствовать короля. По дороге развернул украдкой бумагу: бумага была довольно мелкая, – храм дарил гражданам жалкого городишки, Ларры, свою монополию на тамошний скверный соляной рудничок. Даттам так и думал. Арфарра никогда не устраивал грандиозных процессов: как паук, он плел свою сеть из паутины мелких уступок, которые, однако, доставляли много работы досужим языкам, и устраивался так, чтобы извлечь выгоду из любого поворота событий. Вот и сейчас. Многие знали, что Даттам пошел к Арфарре просить за Кукушонка. Теперь, если он не подпишет эту бумагу, все скажут, что проклятый торговец продал друга за горсть привилегий, а если подпишет, все скажут, что Арфарра так силен, что может отобрать у храма все, что заблагорассудится.

Даттам подумал и подписал бумагу, и Арфарра сказал: «Буду рад видеть Кукушонка на церемонии».

* * *

Попрощавшись с Арфаррой, Даттам вернулся в свою спальню, где маялся молоденький монах. Монах подал Даттаму бумагу об убыли товара: утоп тук с шерстью, да бросилась в пропасть молодая рабыня. Недоглядели.

– Возместишь из собственного кошелька, – сказал Даттам.

Лицо монашка посерело. Как из кошелька? Рядовые члены ордена не имели ничего своего. Если возместит, – значит, имел, значит, – украл у братьев?

– Но... – пискнул монашек.

Даттам молча, почти без замаха, ударил юношу. Тот повалился, как пестрая птица, подбитая стрелой. Кровь изо рта испачкала дорогой ковер.

Мальчишка!

Ничего! Пусть! Афарру бы так, – носом об стенку.

* * *

Через час Даттам, невозмутимый и улыбающийся, вернулся в свои покои, где маялся чужеземец, Ванвейлен, – рыжий его товарищ возмущен ожиданием и ушел.

Даттам внимательно оглядел темно-русого и сероглазого чужеземца: Ванвейлен с любопытством глазел по сторонам, видно, подавленный невиданной красотой, – вон как настороженно озирается, на диван сел, словно боится испачкать копытом, – а потом зацепился взглядом за столик для игры в «сто полей» – Даттам с Арфаррой не окончили партию, и больше от столика не отцеплялся.

Даттам перебрал в уме все, что ему было известно об этом человеке: Ванвейлен был человек удачно построенный, и характер у него был, такой же видно, как его ни брось, упадет на четыре лапы.

Этот Ванвейлен приплыл два месяца назад в южные районы с целым кораблем золота и повел себя как человек проницательный, но самодовольный. Почувяв, как в этих местах делают деньги, тут же навязался Марбоду в товарищи и приобрел изрядное-таки добро. Добро это он сгрузил себе на корабль, а не сжег и не раздал новым друзьям, отчего, конечно, дружинники Марбода на него сильно обиделись, и именно их пьяным жалобам он был обязан теперь своей нелестной репутацией торговца.

И поделом! Даже Даттам не мог позволить себе не раздавать подарков, хотя каждый раз, когда он заглядывал в графу, где учитывал подарки, у него болело сердце. Но что самое интересное, – как только Ванвейлен понял, что Марбод не в чести у правительства и что в городе Ламассе порядки не такие, как в глубинных поместьях – как он тут же от Марбода отлепился...

Затем Ванвейлен, как деловой человек, отказался продавать меха и золото здесь, в королевстве, и стал искать тропинки в империю, и очень быстро понял, что без позволения Даттама он в империю не проедет... Что ж! Можно и взять его в империю, – господин экзарх будет доволен.

Было удивительно, что на западном берегу еще остались люди, – вероятно, маленькие городские республички, судя по повадкам этого Ванвейлена, – да-да именно такие республички обыкновенно существуют в заброшенных и неразвитых местах. Жители их в точности как Ванвейлен хвалят свою свободу, несмотря на вечные свои выборы и перевороты, от которых совершенно иссякает всякая стабильность в денежных делах и которые производят массу изгнанников, только и думающих, как бы вернуться и изгнать победителей. Как бы и этот Ванвейлен не был таким изгнанником.

Сероглазый варвар с любопытством приподнял фигурку, как дите – мышь за хвостик.

– Хотите научиться?

– Да, – сказал Ванвейлен, – как я понимаю, – тут четыре разряда фигур, и каждая сильнее предыдущей.

– Все нет, – сказал Даттам, – полей сто, разрядов четыре, Крестьянин, он же повстанец, воин, он же варвар, торговец, он же пират, и наместник, он же князь. Воин сильнее крестьянина, торговец сильнее воина, наместник сильнее торговца, Золотое дерево сильнее всех, а крестьянин сильнее Золотого Дерева. Золотое дерево еще называют Императором.

– А где второй император? – немедленно спросил Ванвейлен.

Даттам даже изумился.

– Второй император? – переспросил всец, – но так не бывает, чтобы на одной доске были два императора. Император один и стоит в центре доски, и цель всей игры, чтобы одна из ваших фигур – или повстанец, или варвар, или князь – и стали императором. И проследить, чтобы этого не сделал противник. Да еще видите, каждый разряд двойной. Если вы переворачиваете крестьянина в повстанца, он бьет на два поля дальше, но вы теряете скорость, с которой разворачиваете фигуры.

Даттам усмехнулся и добавил:

– И тем не менее, сколько я ни играл, никогда не видел, чтобы крестьянин или наместник стал императором, не превратившись прежде в повстанца или князя.

Сели играть, и через час Даттам сказал:

– Ого, да из вас будет толк!

На третьей партии Даттам зевнул двух крестьян. А Ванвейлен вынул из-за пазухи и положил на стол крупный, плохо ограненный розовый камень. Это был осколок линзы оптического генератора, а линза была сделана из искусственного циркония.

– Ставлю этот камень, – сказал Ванвейлен, – что следующую партию я выиграю. – Сколько такой камень у вас стоит?

Даттам улыбнулся и сказал:

– Однако, не очень дорого, – и положил рядом с камнем кольцо из желтого камня гелиодора.

Ванвейлен осклабился.

Даттам выиграл партию и положил камень в карман.

– Так сколько я за такой камень выручу в империи?

– Если знать нужных людей, – осторожно сказал Даттам, – можно выручить сотню золотых государей, – а нет – так и задаром будешь рад избавиться.

– Я и задаром не отдам и за сто ишевигов, – посмотрю, – сказал Ванвейлен, выяснивший еще вчера, что изумруд такой величины стоит в пять раз дороже.

Даттам помолчал.

– Я пересек море не для того, чтобы струсить перед горами, хотя бы и очень высокими. Я намерен везти свои товары в империю, и мне сказали, что вы могли бы мне помочь.

– Это довольно сложно, – сказал Даттам. – Империя – цивилизованное государство, в отличие от здешних мест, а цивилизованные государства не очень любят торговцев.

Ванвейлен хотел сказать, что меньше, чем тут, торговцев нигде не любят, но промолчал, ожидая, что будет дальше.

– Существуют старые законы и новые обычаи, – продолжал Даттам, – которые делают вашу поездку совершенно безнадежной. Во-первых, по нашим законам выходит, что все люди в мире – подданные империи, а за пределами империи обитают лишь оборотни, варвары и покойники, которые суть три разновидности нечисти. А с нечистью сами знаете, какое обращение. Внешняя торговля в ойкумене запрещена, и все чужеземные торговцы считаются шпионами. Во-вторых, без подорожных по ойкумене не ходят, и купить их неизвестному человеку

труднее, чем утиную икру. В-третьих, золотом на рынке не торгуют – это вам не капуста. Кто-то должен вам указать на богатых людей.

– А сами мы не разберем, кто богат, а кто беден?

– Это будет труднее, чем свить веревку из песка, – сказал Даттам, – потому что самый богатый человек, которого я знаю, живет в доме, удивительно напоминающем собачью будку, и он не доверяет незнакомым людям по той же самой причине, по которой он живет в собачьей конуре. Есть такой закон – о высоте балок и количестве блюд в частных домах, и высокие балки бывают только в домах чиновников.

– А чиновники – не богатые люди?

– Иногда – очень. Поскольку они больше отбирают, чем покупают.

– Это не называется цивилизованным государством, – это называется уголовники вместо властей.

Даттам от изумления чуть не выронил фигурку. «Забавно, – подумал он, – в первый раз вижу варваров, которые не восхищены империей».

– Ну что вы, – сказал он вслух. – Наши власти справедливы, законы нерушимы, а пограничные заставы – надежны. И каждый обязан, к примеру, на этих заставах свой товар сдавать государству. Не сдал – по закону выходит, что ты его украл.

– А если мы его сдадим?

– Тогда чиновник заберет предъявленное, оформит вас лазутчиками и забьет палками на месте. А золото возьмет себе.

Ванвейлен засмеялся и положил руку на меч.

– Пусть попробует.

– Не советую вам ходить по ойкумене с мечом на поясе. С тех пор, как государь Меенун искоренил войско, частным людям запрещено носить оружие.

– А если ваши хорошие люди тоже решат нами попользоваться?

Даттам усмехнулся:

– Это только чиновник получит там больше, чем отнимет. Мне не на один раз нужно ваше золото, вам не на один раз нужны ваши товары. Ваши меха выделаны не лучше, чем меха Одона и Сукко, через которые вы плыли. Ваши камни огранены хуже, чем они гранились четыре века назад в империи. Вы не привыкли к хорошим украшениям и тонким тканям. Вас стесняют ковры и гобелены, раздражает запах благовоний и поражает работа наших ремесленников.

Даттам сделал паузу и добавил:

– И так как только храм имеет право ввозить золото в империю, то я советую вам либо продать золото здесь, либо заключить с нами договор на продажу. Если, конечно, вы тот, за кого вы себя выдаете.

У Ванвелена нехорошо стукнуло в сердце, и он выронил фигурку.

– Что значит, – не тот, за кого я себя выдаю?

– Ходят слухи, – сказал Даттам, – что вы сбежали из родного города, и что вы не прочь вернуться туда с оружием в руках. Согласитесь, когда выбираешь союзников, которые тебя водворят обратно, лучше выбирать союзников далеких, а не близких, потому что слишком близкие союзники сожрут тебя с потрохами. В этом смысле вам правильней просить помощи у экзарха Харсомы, чем у здешнего короля.

– Хорошо, – сказал Ванвейлен, – положим, я соглашусь ехать с вами. У вас есть проект соглашения?

Даттам был поражен. Он не помнил чиновника или горожанина, который бы с первой встречи заводил разговор о торговом договоре, а не о дружбе.

– Я его сейчас напишу, – сказал Даттам.

Он подсел к столику и довольно быстро написал договор об обычном торговом поручительстве: Ванвейлен и его товарищи поручали храму Шакуника отвести принадлежащие им

товары в империю, и так как капитал данного предприятия вносили одни чужеземцы, им полагалась половина прибыли, будет таковая случится, а храму – другая половина.

– Ну и аппетиты у вас, господин Даттам! – изумился Ванвейлен, вникнув в написанное, – пятьдесят процентов за транспортные расходы!

– Транспорт вы нанимаете сами, – возразил Даттам, – пятьдесят процентов за то, что золото оформлено как принадлежащее храму. Это наилучший и единственный вариант, господин Ванвейлен.

– Есть еще контрабандисты.

– Здешние контрабандисты, – глупые и маленькие люди, господин Ванвейлен. Вы слышали о печальной истории некоего Шадды? Он пробирался в империю с мешочком, набитым изумрудами. Крестьяне-контрабандисты, которым он доверился, убили его. Вы думаете, ради камней? Они даже не знали, что такое изумруды и выкинули мешочек в пропасть. Они убили его ради мяса и продали его в горной харчевне на пирожки.

– Хорошо, – сказал Ванвейлен, поднимаясь и заграбастывая бумагу, – если вы не возражаете, я пойду с этой бумагой к нотариусу, и как только я узнаю, что это единственный вариант, я тут же ее подпишу.

И Ванвейлен поднялся, прощаясь.

– Друзья не расстаются без подарка, – улыбаясь, промолвил Даттам. – Мне бы хотелось, чтоб у вас осталась память об этой встрече и об искусстве наших ремесленников.

С этими словами Даттам подошел к одному из поставцов и снял оттуда красивую птичку, с гранатовыми глазками и брюшком из синей эмали. Похожих птичек Ванвейлен уже видел при городских храмах, так изображались гонцы пернатого Вея, и поэтому, рассматривая залу, Ванвейлен не обратил внимания на крошечное отверстие в брюшке.

Даттам поставил птичку на стол, рядом с водяными часами, завел ее особым ключом. Птичка вдруг завертела головкой, распушила медные крылышки и напоследок чирикнула.

Ванвейлен вытаращил глаза. Что в империи знают больше, чем в королевстве, он это давно понял: но какого черта, если они делают механические игрушки, они не могут сделать механические часы?

– А, – начал он, смутился и замолчал.

– А что? – вежливо спросил Даттам.

– А это игрушка или бог? – выпалил Ванвейлен.

– Это – товар, – поклонился Даттам.

Даттаму показалось... Глупости! Где мог видеть варвар пружинные часы?

* * *

Даттам проводил чужеземцев и поднялся по витой лестнице, мрачнее тучи. Отогнул занавеску у окна и стал глядеть вниз. Внизу, во дворе, начиналась очистительная церемония: били барабаны, плясали девицы, Арфарра шел впереди с золотым треножником. Даттам усмехнулся, потому, что в империи танцы вроде этих, на церемониях, конечно, давно запрещены, как и мальчишки для любви при храмах, и такому человеку, как Арфарра, нелегко участвовать в подобных вещах.

И вновь Даттама кольнула страшная ревность: год назад он был самым влиятельным вейцем королевства. Теперь самым влиятельным вейцем королевства была Арфарра.

Впрочем, Даттам оставался богатейшим человеком по эту сторону гор. Размеры его состояния могли поразить кого угодно: одни земли, принадлежавшие лично Даттаму (а не храму Шакуника) занимали по крайней мере четверть земель Верхнего Варнарайна. Сколько заводов, фабрик и полей являлись его собственностью в империи, посчитать и вовсе было

нельзя, ибо такие вещи считались только на показательных процессах, когда искореняли богачей, выпивших кровь народа и выевших его мозг.

Но одно было достоверно: Даттам получал гигантские прибыли, пользуясь уникальной позицией человека, обладающего монопольным правом торговли в обеих странах и разнице уровня цивилизаций. Железный гвоздь, изготовленный в мастерских Даттама в империи, можно было поменять в иных горных районах королевства на пять-шесть шкурок соболя. А в империи шесть шкурок соболей из страны варваров были достаточной взяткой чиновнику, который перепродавал Даттаму за бесценок сто тысяч гвоздей. За штуку изготовленного в империи шелка в королевстве можно было купить троих крепких рабов или одну аломскую лошадь. Чистокровная аломская лошадь была достаточным подарком первому министру империи. За такой подарок первый министр мог даровать своему дорогому другу Даттаму монополию на торговлю солью, скажем, в провинции Инисса.

Два года назад, чтобы облегчить расчеты между странами, Даттам придумал употреблять вместо бумажных денег империи и золотых монет королевства кожаные векселя – платежные поручительства храма, подписанные его рукой. Иначе говоря, выпуская эти кредитные билеты, Даттам выполнял роль центрального банка, причем сразу для обоих правительств – провинции Варнарайн и варварского королевства.

Кстати, это была единственная официально занимаемая им должность в храме – начальник канцелярии платежей. Даттам мог занять и любую другую, но зачем? Быть Даттамом и стать настоятелем – какое падение!

Даттам обладал монополией на вывоз из империи шелка, железа, пяти или шести сортов вина, пальмового масла, парчи, бархата и бронзы. Он обладал монополией на ввоз в империю черепаший кости, меха песца, горностая, выдры, бобра, игл редкого ежа-пуховика, возбуждающих мужскую силу, золота, изумрудов, гелиодоров, оникса, соли, шерсти лам и овец. Так как контрабанда была хронической приграничной болезнью, а всякие попытки придать приграничным чиновникам большие полномочия для борьбы с ней лишь увеличивали объемы ввоза, которые требовали чиновники за пропуск контрабанды, и никак не сказывались на объеме самой контрабанды, Даттам вытребовал у экзарха право завести свою собственную полицию с чрезвычайно широкими полномочиями.

Хотя полицейские отряды Даттама не раз и не два сжигали деревни контрабандистов, вешая без разбору и взрослых, и детей, скептики поговаривали, что отряды эти нерентабельны. В конце концов, крестьяне промышляли мелочью, контрабандой соли или бобра, и им просто некуда было сбыть золото или дорогую морскую черепаху... Такие скептики утверждали, что Даттам не для борьбы с жалкими торговцами солью держит в империи пять тысяч безукоризненно вышколенных и полудиких всадников, которые представляют собой огромную военную силу в стране, почти лишенной войска.

Но более того. Как дверь бывает заперта на один-единственный замок, так и система, превращающая один железный гвоздь в монополию на торговлю железом по всей Иниссе, была заперта на одном-единственном человеке – Даттаме. Только Даттам обладал и необходимыми знакомствами среди чиновников империи, и необходимым весом среди знати гор. Только благодаря Даттаму знатный сеньор мог погнать тычками своих крестьян за соболями, дабы обменять эти варварские шкурки на штуку шелка из самой империи, чтобы было чем хвастаться перед окрестными родами, – Даттам приучил их восхищаться империей, это восхищение приносило ему миллионы. Только от Даттама чиновник империи брал в подарок красавицу-дикарку, – от другого он был побоялся подставы, а тут знал, девица чистосортная, сам же Даттам со своих же варварских земель себе же за долги продал.

За свои фантастические прибыли Даттаму приходилось платить. Он не возражал, когда приходилось платить в столице – красивыми девицами, чистопордными скакунами, иглами

ежа-пуховика, возбуждающими мужскую силу и дарующими бессмертие, золотом, камнями, и прочей дребеденью.

Но экзарх Харсома, правитель Варнарайна и наследник империи, не покупался за иглы ежа-пуховика. Человек, сумевший упечь в монастырь законного сына государя, человек, заводивший друзей только затем, чтобы дороже их продать, человек, которому Даттам был обязан жизнью, только потому, что Харсома в тот миг оказалось прибыльней помиловать Даттама, чем повесить, – Харсома был совершенно непонятен Даттаму. То виделся ему человек, меняющий убеждения чаще, чем храмовая танцовщица – штанишки, не стремящийся ни к чему, кроме собственной власти, то виделся ему фанатик, мечтающий о славе и единстве империи – разумеется, под его, Харсомы, руководством.

Да, именно Харсома даровал частному лицу беспрецедентные для империи (в которой не то что внешняя, но и внутренняя торговля была государственной монополией) торговые права. И сделано это было не за подарки, не за дружбу, – а потому, что Харсома понимал: опутанное сетью торговых связей с империей, ставшее ее сырьевым придатком, – королевство Варнарайн, как перезрелый плод, упадет в его руки и станет частью империи. Империя вновь получит выход к Западному Морю. А дикие и способные воины королевства превратятся в личную армию Харсомы, которую можно будет бросить на завоевание столицы – или новых земель, смотря по обстоятельствам.

Даттам не мог не видеть, что его торговая деятельность волей-неволей кончится именно так, как хотел Харсома, – и это не могло его радовать. Что, если королевство станет частью империи? А это вряд ли было уже за горами, иные города уже сейчас слали послов к Харсоме, с просьбой принять их в подданство, и Харсома был очень недоволен, когда Даттам, якобы обознавшись, приказал одного такого посла сварить в масле, как контрабандиста. Так вот, стоило королевству стать частью империи, как те самые шальные торговые прибыли, проистекавшие из разниц законов и неизведанности путей, сводились – если не к нулю, то уж, конечно, к величинам, которые не могли устроить Даттама.

Год назад наследник Харсома вздумал убить Арфарру, – тут ходили разные слухи о причинах, и чаще всего говорили, что Харсома хотел угодить государыне Касие, но Даттам знал, что это было не совсем так. Просто бывший наместник Иниссы, со своим феноменальным нюхом ищейки, собрал материалы, изобличающие ближайшее окружение Харсомы в таких вещах, что даже у Даттама, когда он познакомился с доносом, язык высунулся от изумления, – и устроил Харсоме дикий скандал, с требованием покарать негодяев. Харсома донос с благодарностью принял, но избавиться предпочел не от негодяев, а от самого Арфарры.

Тогда Даттам помог Арфарре бежать, выпросил ему жизнь, – что выпросил, купил, купил за доходы с верхнелосских гончарен, дурак этакий – и утвердил при короле. Не за то, что Арфарра был ему другом. Нет. Даттам рассчитывал: уж чего-чего, а воссоединения с империей трижды преданный экзархом Арфарра не допустит.

И, действительно, какое-то время расчеты Даттама оправдывались. Оправдывались так точно, что Даттам, издавелека, из империи, упустил новую опасность – со стороны самого Арфарры. Тот стал строить города, прижимать знать, поощрять торговлю внутри самого королевства, заводить городские армии, словом, делать страну единой.

А если к глухому горному селу мог добраться не только Даттам с караваном, окруженным двумя сотнями вооруженных до зубов всадников, но любой городской торговец на груженом муле, – это означало, что ни в каком глухом селе за один железный гвоздь больше не дадут шесть соболиных шкурок, спасибо, в городах тоже кузницы есть, гвоздей навалом.

А если сеньоры больше не будут иметь право драть со своих крепостных восемь кож, то это значит, в свою очередь, что им не на что будет покупать роскошные шелка и парчу, привозимые Даттамом.

А если в королевстве армии горожан заменят рыцарские дружины, то это значит, что люди Даттама больше не смогут, следуя за войском, скупать за бесценок награбленное, горожане сами знают, что сколько стоит.

А если запретить продавать людей за долги, если отобрать у хозяев земель (а Даттам, как уже упоминалось, владел пятой частью хороших земель королевства) – нет-нет, не сами земли, а право суда и сбора налогов с земли, – а если городские цеха осмелеют до того, чтобы жаловаться королю на Даттама, а если... а если.... тысяча бесов, тогда еще надо посмотреть, может, лучше этой земле быть под экзархом Харсомой, чем под советником Арфаррой...

* * *

Покинув Даттама, Ванвейлен прошел на наружную галлерею, опоясывавшую здание на уровне второго этажа, сел на лавку с вырезанной на ней сценой охоты на упыря, ноги положил на каменный бортик балюстрады, и задумался.

Нельзя сказать, что Ванвейлен был так уж поражен разговором с Даттамом, потому что он уже два дня был в городе и кое-что слышал об империи, – но подавлен он был. Все свои планы он строил на том, что за Голубыми Горами царит такая же наразбериха, как в горных деревнях и господских поместьях Варнарайна, – и планы эти летели к черту. Ванвейлен теперь понимал, что его подвело, – непростительное стремление здешних сеньоров рассказывать мир по-своему и видеть даже в своих противниках копию самих себя.

Всякий заграничный чиновник выходил у них «князь», и не то чтобы это делалось со злым умыслом. Песня о молодом рыцаре Даттаме, который поссорился с императором из-за прекрасной девы и воевал с ним два года и два месяца, явно к настоящему Даттаму не имела отношения. Как бы не обстояло все на самом деле, – торговец Даттам попросту был неспособен действовать так, как подобает герою песни, – в отличие, кстати, от Марбода Кукушонка.

Однако в чем-то господин Даттам был Ванвейлену очень приятен, потому что это был первый человек, встреченный им в этом мире, который уважал Ванвейлена за сам факт наличия золота. Вот есть золото – и все, значит, с Ванвейленом стоит разговаривать. А слава, подвиги, и то, что Ванвейлен не мог непосредственно похвастаться тем, что его бабка произошла от горного дракона, а тетка по вечерам обращалась в летучую мышь, – все это не имело значения.

Да, Бредшо был прав, они влипли с этим золотом. В этой стране можно безнаказанно торговать свободой и талисманами, а в империи, пожалуй, торговать нельзя ничем. Вот, например, Западный Берег – ну какое государство в здравом уме покинет собственные города... Значит – не в здравом уме.

Из-за поворота послышались шаги и голоса, – и на галерею вышел высокий худой человек в зеленом плаще монаха-шакуника, вокруг которого теснилась вооруженная и разодетая свита.

Кто-то в свите остолбенело прыснул. Ванвейлен поспешно убрал ноги с балюстрады, запоздало вспомнив, что, наверняка, даже самые глупые варвары с собачьими головами не кладут ног на балюстраду в королевском замке.

Перед Ванвейленом стоял преувеличенно просто одетый монах с усталым лицом и глазами цвета расплавленного золота.

– Господин Ванвейлен? Буду рад видеть вас на сегодняшней церемонии.

И Арфарра-советник, не задерживаясь, прошел дальше. Один из его спутников, тощий монах с мечом на боку, оглянулся, взял Ванвейлена за руки и прошептал:

– Вы не думайте, что это городской совет решил измываться наш вашим товаром. Это господину Даттаму с самого начала захотелось, чтобы вы продали товар храму. Даттам так живет: мир пусть будет кашей, а я – ложкой. Вы Даттама берегитесь – с империей помимо храма не торгуют, а Даттам разбойником был, разбойником и остался...

– Что значит – разбойником?

– Разбойником и мятежником. Он возглавил самый страшный мятеж в Нижних провинциях за последние двадцать лет: мятеж Белых Кузнецов. Соблазнял крестьян заклинаниями и чужим добром, обещал, что после его победы в империи не будет ни богатых, ни бедных, а будут только избранные и неизбранные, и что все избранные повесят неизбранных вверх ногами.

Ванвейлен вытаращил глаза. Это была новая деталь в биографии удачливого стяжателя Даттама.

– А, – монах досадливо махнул рукой, – от иных деревень остался только пепел в локоть толщиной, всех чиновников утопили, раздали народу все, что им не принадлежало, уверяли, что если всем все роздать, будет как раз поровну, – спрашивается, всем все роздали, и пол-провинции перемерло с голоду...

Хрустнула стеклянная дверь, и на галерее появился еще один вооруженный монах. Стрелы в его колчане были белые с зеленым и синим хвостиком, обозначая тем самым его принадлежность к свите Даттама. Лицо ванвейленового собеседника слегка изменилось.

– Конечно, – сказал он задумчиво, – народ восстает не сам, а от злодейства чиновников. Много ведь и справедливого было в требованиях повстанцев, и не хотели они ничего, как возродить и очистить древние законы государя Иршахчана.

Монах с зелено-синими стрелами взял собеседника Ванвейлена за грудки и сказал:

– Ты не трожь Белых Кузнецов, соглядатай. Мы вам всем, стяжателям, яйца повыдергиваем.

– Клайд! – заорал кто-то снизу.

Ванвейлен подошел к балюстраде. Во дворе, подле колоды для пойки лошадей, размахивал руками Бредшо.

– Клайд, иди вниз! Нас на церемонию позвали, слышишь?

Ванвейлен побежал вниз, оставив этих двоих разбираться, кто из них больше не любит стяжания.

Перед глазами его стояло лицо – лицо изможденного человека с золотыми глазами, в зеленом монашеском плаще, столь тонком, что под ним можно было разглядеть завитки кольчуги.

Советник Арфарра!

Бывший чиновник империи, в которой простому народу запрещено носить оружие, критиковать власти и иметь частную собственность! Что он задумал здесь, в этом королевстве, где знать готова выщипать ему жилку за жилкой?

ГЛАВА ПЯТАЯ,
в которой повествуется о том, как сестра короля
глядела на Марбода Кукушонка, а послушник
Неревен глядел на свои башмаки; а также о том,
как советник Арфарра очистил дворец от нежити

Арфарра пошел в королевские покои, и на повороте лестницы к нему подошел Хаммар Кобчик, начальник тайной стражи, недавно учрежденной королем. Неревен глянул вниз, во двор: церемония уже начиналась, люди копали грязь и клали туда решетчатые башенки для заточения нежити, а над башенками потом плясали девушки в синем, зеленом, красном и серебряном, а иногда без синего, зеленого, красного и серебряного. Неревен засмотрелся на девушек и сердце его сильно забилося, а когда он повернулся, услышал, как Арфарра говорит:

– А все же я бы его просто арестовал. Много народу – много случайностей.

Арфарра улыбнулся и сказал:

– От случайностей зависит лишь победа, а непоражение – дело ваших рук. – Помолчал и добавил: – Вы, однако, арестуете чужеземца: этого Ванвейлена. Пусть признается, к чему его склонял Марбод Кукушонок.

Потом Арфарра поднялся в королевские покои. Стены, перестроенные советником, были покрыты узором из листьев винограда, а в промежутках между листьями были размещены с величайшим искусством птицы и звери. Пол был усыпан для церемонии четырьмя видами злаков и пятым – бобом, и много бобов было раздавлено. Горячая вода булькала под полом и гнала сырость.

– А что осталось, прогонит сегодняшняя церемония, – проговорил король, потирая руки и пританцовывая, по обычаю варваров.

Многие нахмурились, потому что варвары были просто помешаны на правах собственности. Очистительные обряды были собственностью рода Ятунов. Так что, возглавляя церемонии, Арфарра разевал рот на чужое имущество. Короли потому и не жили в ламасском дворце, что старые женщины из рода Кречетов на церемонии всегда так произносили заклятье, чтоб пощадить и не прогнать своих предков.

Сегодня, конечно, ни один из Ятунов не явился на церемонию, не считая Марбода Кукушонка. Этого позвал сам Даттам, чтобы помирить с Арфаррой, и ходили слухи, что Кукушонок сам об этом просил, однако Кукушонок на то и Кукушонок в родовом гнезде.

Король почтительно прощался с Арфаррой:

– Мне сказали, вы выбрали себе покои слуг. Зачем?

– Все мы – слуги короля, – ответил Арфарра.

Королевский советник отправился в свои покои по широкой наружной галерее, но на полпути загляделся на город.

Свита у Арфарры была небольшая: несколько послушников, Неревен и еще эконом Шавия, лицо как вареная тыква, глаза курицы, приехал с Даттамом из ойкумены. Неревену этот эконом ужасно не нравился: чего крутится?

Неревен вытянул голову, выглядывая из-за плеча учителя.

Утренний туман сошел, с холма бывшей управы было видно все целиком: замок, мертвый город, Козью гавань, нижний город, складки береговых скал. Когда-то Козья гавань разрезала город посередине: изначальный здешний грех, непростительная уступка морю.

Сейчас на южной стороне гавани качались рыбацьи лодки, увеселительные баржи, и в глубине – корабль заморских торговцев. Нижний город на южной стороне гавани ссохся, как

виноградина на солнце, но уцелел. Крыши напозли друг на друга. Садов не было. Стены снаружи защищали город от господ, а стены внутри кварталов – от воров и грабителей.

Верхний город, на северной стороне гавани, с управами, храмами и садами, пропал.

Он, впрочем, оживал весной, как поле, когда крестьяне собирались на ярмарку, а войско – на Весенний Совет. Верхний город у варваров жил не в пространстве, а во времени, а Дворец и вовсе не имел своего места, а бродил по всей стране на ста повозках и тысяче лошадей.

Из старых храмов уцелел только храм Золотого Государя. Между ним и управой лежала бывшая указная площадь, превращенная в ярмарочную. На ней рабы обкашивали траву, и торговая палатка уже уцепилась за корешок от столба для объявлений.

Неревен ведь давеча соврал варварам: король Ятун хоть и поклялся не оставить в городе ни одной живой мангусты, но, пораженный красотой города, велел исполнить приказ буквально. Мангуст – истребить, а зданий не трогать. Но разве можно было спасти Ламассу в заколдованном мире, где чиновники оборотились сеньорами, а каналы – рвами? Одно наводнение, потом второе. Сеньоры строили башни из обломков управ, а, отправляясь на войну, разрушали их, чтоб доказать преданность господину. А чужие дома убивали из кровной мести, и еще пользовались ими вместо факелов в ночных сражениях.

Еще бывало: дома разрушали, чтоб избежать суда. По городскому закону вызов в суд должен быть вручен непременно «в собственном жилище».

Правда, теперь, когда король объявил свободу всем желающим селиться в Ламассе, предместья разрослись необычайно. Селились всякие, съезжались со всей страны и ото всех кланов, называли себя на тысяче наречий: горожане, бюргеры, буржуа, граждане.

– А правду говорят, – робко спросил Неревен, – что наместник Ламассы, перед тем, как отравиться, бросил в реку казенную печать и заклил город: быть городу пусту, и грызться вам меж собой, как собаки, – пока не выловят яшмовой печати из Козьей реки?

– Это последний государь Ятун бросил, – тихо удивился молоденький послушник-алом. И не печать, а меч «Лунный путь». Вонзил себе в горло и прыгнул с коня прямо в реку. А последний наместник как раз поклялся Ятунам в верности и положил начало славному роду Чибисов...

А эконоом Шавия, приехавший с Даттамом из ойкумены, потыкал пальцем вниз и сказал:

– Проклятый мир, а имя проклятию – частная собственность. Правда, господин Арфарра?

Арфарра, бывший чиновник империи, посмотрел на него, усмехаясь.

– О да, – сказал он, – разумеется. Имя проклятию – частная собственность. Частная собственность на налоги, на правосудие, и на войско.

Кивнул бывшим в его свите горожанам и ушел с галереи.

* * *

Меж тем, как Арфарра беседовал с эконоом Шавией, Марбод Кукушонок, пригнувшись, спустился вслед за монахом по винтовой лестнице в спальню Даттама. На молодом рыцаре был белый, шитый алыми цветами плащ и высокие сапоги с красными каблуками.

Даттам сидел перед зеркалом, и высокий сутулый монах укутывал его волосы в золотую сетку. Марбод взгляделся с опаской: Даттам был тот еще колдун, почище Арфарры! Вон на туалетном столике стоит ларчик, а что в ларчике: деньги? Душа мертвеца? Сушеный щекотунчик?

Тут, словно угадав марбодово любопытство, Даттам раскрыл ларчик, но вынул из него никакую не душу мертвеца, а обыкновенный перстень с крупным бериллом, отделанный в стиле «летающей цапли».

– Ну вот, мой друг, Арфарра готов помириться с вами и вновь пригласить вас в дружину, – проговорил Даттам, надевая перстень на палец.

– Сколько вам это стоило?

– Пустяки, – проговорил Даттам, – чего не сделаешь ради друзей. К тому же и вас просят о кое-чем: отозвать петицию Золотого Улья.

– Помилуйте, господин Даттам, – усмехнулся Марбод, – петиция знати – это не королевский указ. Не я ее сочинил, не мне ее и отзывать.

Даттам, поморщившись, снял перстень в стиле «летающей цапли» и надел другой, «розовик».

– Но Арфарра согласен на мир только на этом условии.

– Ба! – рассмеялся Марбод, – сдается мне, что он только и дожидается, чтобы я попросил отозвать петицию. Он выставит меня негодяем перед знатными людьми, а потом найдет предлог вышвырнуть из королевской свиты! Разве не то же он проделал с Шоном Забиякой?

– Или ты не веришь в мое поручительство? – спросил Даттам.

– Тебе-то я верю, а что это такого сделал Арфарра, чтобы я ему верил? Этот пес натравливает простонародье на господ, одевает лавочников в шелк и бархат, хочет сделать у нас, как в империи!

– У него ничего не выйдет, – сказал Даттам.

– Почему это? – подозрительно осведомился Марбод.

– Потому что у вас поля орошают дожди, а не каналы.

– При чем здесь дожди? – искренне изумился Марбод.

– При том, друг мой, что если поля орошают каналами, то нужны чиновники, чтобы следить за ними и их проектировать, и без чиновников такая страна погибнет от засухи и недородов. А у вас поля орошают дожди, и вам чиновники совершенно не нужны, вам достаточно шаманов и рыцарей.

– Э-э! – сказал Марбод, – так дело не пойдет! Это ты хочешь сказать, Даттам, что если бы я жил по ту сторону гор, так я бы сейчас служил в управе, а не скакал на коне? Вздор! Дело не в каналах, а в душе народа, и каждому, кто попытается превратить алома в раба, придется сначала держать ответ перед моим мечом!

– Я боюсь, – улыбнулся Даттам, – что аломов уже превратили в рабов. Ведь аломы пришли в эту землю свободными, а теперь девяносто аломов из ста ходят в рабах у знати. В твоих рабах, Марбод. И вот Арфарре очень хочется их освободить.

– Ты как будто не заодно с ним, торговец! А ведь это ты притащил сюда эту колодку на наши шеи!

Тут откуда-то сверху раздался мелодичный свист. Марбод вздрогнул, а Даттам стукнул в тарелочку. Дверь кабинета раскрылась, и на ее пороге возник храмовый монах с бумагами на подносике.

– Скоро солнце покажется у пятой черты, – известил он, – до начала церемонии весеннего очищения дворца осталось четверть часа.

Было слышно, как за дверьми поют серебряные раковины, и крик их походил на крик испуганных цапель.

Даттам обернулся, чтобы попрощаться с Марбодом: но бывший королевский дружинник уже исчез. «Что-то он затеял?» – мелькнуло в голове Даттама.

А Марбод, выйдя на балкон, обхватил руками резной столб и задумался. Слова Даттама о дождях и каналах поразили его. Вот этим-то и пугали люди империи: уменьем сказать такое, от чего дворянская честь превращалась в труху, – в производное от природных условий! А ведь он, Марбод, был в империи, и, точно, видел каналы: так почему же он сам о них не подумал? Неужели, если бы он, Марбод, жил по другую сторону гор, он бы сейчас кормился не мечом, а докладными?

Или помириться? Действительно помириться? Позволить этому старику с мангустой безнаказанно провести церемонию, принадлежащую роду Кречета?!

Кто-то тронул Марбода за плечо. Марбод обернулся: перед ним стоял Гин, его вольноотпущенник, торговец птицами.

– Так как, господин? – искательно спросил Гин, заглядывая в лицо рыцарю. Веснушчатая рожа его запотела от страха, как чашка – от холодного вина.

– Я тебе где сказал стоять? – усмехнулся Марбод. – Вон там и стой. И помни, что кто не исполнит приказа господина, тот в следующей жизни родится лягушкой.

Было хорошо видно, что Гин это помнил. И ему не хотелось родиться в будущей жизни лягушкой, хотя у лягушек не было господ и рабов.

* * *

В кабинете Арфарры толпились монахи и верные. Верные, которые из аломов, уже приплясывали, снаружи стоял сильный крик. Эконом Шавия закутился возле учителя, искательно глядя в лицо:

– Будьте осторожны, – лепетал он. – Там, внизу, у каждого оружие. Здесь ведь как? Если убили, так и неправ. Божий суд, особенно на глазах у короля. Отчего зимой Марбод Белый Кречет зарубил Ферла Зимородка прямо у ступеней трона?

Арфарра погладил мангусту и сказал:

– Меня бы давно убили, да только мертвый колдун сильнее живого. Нет, сегодня убьют другого.

Шавия затрясся, как корзинка, в которой веют рис:

– Кого?

Арфарра, не отвечая, выпустил мангусту из рук. Умный зверек побежал вниз, в серединную залу.

* * *

В серединной зале Неревен недолго выбирал, за кем ему ходить, за чужеземцами или Даттамом. Он видел, что Даттам идет на женскую половину, и прилепился к нему, как минога.

Там уже сидел эконом Шавия. Даттам поцеловал подол старой женщины, вдовствующей королевы, и попросил принять его после молебна.

Королевская сестра, прекрасная Айлиль, увидела Неревена и велела ему явиться завтра вечером и лютню с собой взять. Тут Неревен улыбнулся, впервые за два дня, и небо ему стало мило и земля хороша.

Серединную Залу после штурма замка восстанавливали три раза, и все три раза не могли свести купол. Теперь зала была почти такой же, как в настоящих управах, и небо на куполе было настоящее, а не голубое, видимое: яшма, серебро, каменная кисея; чертоги Ста Полей, Облачная Зала. Колонны Облачной залы на росписи превращались в яблони Небесного Сада. Сад был также Океаном, а края у Океана заворачивались, как у шелкового свитка с указом, и люди видели все мироздание целиком и тут же видели, что оно безгранично.

Неревен сам помогал расписывать купол, и один раз, казалось, потонул в Небесном Океане, но ухватился за ветку в Саду и vyplыл.

Неревен подумал, что учитель никогда в Небесном Океане не утонет, потому что купол он приказал расписывать по традиции, а сам считал, что небо – черное, безумное и пустое, и боги перед числами бессильнее, чем перед шаманами.

Неревен подумал, что Сад и Океан живут дружно, как при Иршахчане крестьяне, связанные порукой, и не мешают друг другу, и умножение символов способствует полноте толкования, потому что каждый значит не себя, а что-то иное. Числа, однако, ничего, кроме себя,

не значат и сражаются за место в уме, как сеньоры, растаскивают мироздание на части: ««Я прав!» – «Нет, я прав!» Нехороший мир.

Пол был разделен на сто полей, и у стен из сочленений плит к потолку поднимались мраморные полуколонны, а в промежутках полуколонн – зеркала, увенчанные этакой разбросанной листвой. Неревен всегда завидовал зеркалам за умение рисовать, а сейчас глядел через них за людьми.

Людей в зале было, как мальков в верше. Знатные были одеты пестро, а горожане в черных костюмах. Неревен прислушался: знатные возбужденно шушукались. Откуда-то пошел слух, что господин Даттам уговорил Арфарру-советника примириться с Кукушонком. Добрый знак, – значит, господин Даттам сильнее беженца из империи, а знать, видать, сильнее Даттама, что он на ее стороне!

Арфарра спускался вслед за королем, в золотом паллии, за его спиной несли треножники в форме крыльев, из треножников шел голубой дым, перед Арфаррой бежала белая мангуста.

Горожане закричали, увидев Арфарру, а одному из горожан сел на плечи щекотунчик, и тот заплясал совсем хорошо. Неревену тоже хотелось поглядеть щекотунчика, однако учитель велел ему смотреть за всеми приглашенными, особенно за Марбодом Кукушонком, а для этого нужны совсем другие глаза, чем те, которыми видят щекотунчиков.

Соседи горожанина, однако, щекотунчика увидели и засуетились руками и ногами.

Неревен заметил, что чужеземцы, Ванвейлен и Бредшо, не суетились ничуть, а брезгливо, как Даттам, поджимали губы. Многие на них оборачивались. Тут за спинами чужеземцев подошли и встали четыре стражника в зеленых с серебром кафтанах, с красными пальмовыми луками и секирами за поясом. В руках они держали короткие стрелы-громотушки. На стрелах было королевское оперение, белое с двумя черными перьями, такие стрелы страшно визжали в воздухе, распугивая духов, а еще их можно было использовать вместо кинжалов.

Надо сказать, что стражники тоже слегка подсакивали.

Итак, Неревен смотрел на Кукушонка и на всех остальных, а королевская сестра глядела только на Кукушонка.

– Ах, как он красив, – сказала она. – Кафтан на нем белее снега, ворот оплетен серебряным шнуром с жемчугами, и в распахнутом плаще видны жемчужные грозди на подоле. Даже Белый Эльсил рядом с ним – как луна рядом с солнцем и мне жалко, что этот малиновый плащ скрывает его стан и меч Остролист, так что мне не виден цвет сапог, видно только, что каблуки красные и высокие.

Неревен покраснел и поглядел на свои башмаки: на них-то были не высокие каблуки, чтоб удобнее вдевать ногу в стремя, а высокие подошвы, чтоб сподручней ступать по грязи.

Неревен глядел на свои башмаки и ничего не видел сквозь слезы, и думал: «Неужели она любит Кукушонка?» И решил, что не любит, потому что совсем не ревнует к Белому Эльсилу. Это, вообще, удивительно, что такие вещи здесь не оскорбляли ни богов, ни людей. А в империи такие вещи оскорбляют богов страшно, потому что когда государь Ирпахчан восстанавливал справедливость, стоило одного боевого друга казнить за непочтительность, как другой непременно покушался на государя, и стало ясно, что такая вещь противостоит природе.

Размышления его прервал общий крик: Неревен очнулся и увидел в зеркале: белая мангуста мечется по яшмовому квадрату, а над ней, неизвестно откуда, белый кречет. Вцепился в загривок, замотал головой, мангуста закричала и забила лапкой, – а родовая птица Белых Кречетов уже летела вверх, вверх, в Облачную Залу. Щекотунчик совсем насел на горожанина, тот сомлел и свалился вниз. Все оцепенели. Чужеземец, Ванвейлен, обернулся, выхватил у стражника за спиной лук, наложил стрелу и выстрелил. Стрела заорала диким голосом, зашпешила за кречетом, кречет нанизался на нее и упал.

Не так трудно было подстрелить птицу; кто, однако, будет ввязываться в божьи распри?

Мангуста на полу затихла и вывалила язычок наружу. Все немножко окаменели. Паж протянул стрелу с убитой птицей королю.

– Кто стрелял? – спросил король.

Чужеземец, Ванвейлен, вышел к королю, стал перед ним на одно колено. Под мышкой у него все еще торчал красный лаковый лук стражника.

– Как же ты не побоялся? – спросил король Алом с восхищением.

Чужеземец улыбнулся нагло:

– Я решил, что если это божий вестник, с ним все равно ничего не случится, а если кречета науськал человек – боги не попустят, чтобы он улетел живым.

Король улыбнулся.

– Это ваш корабль, – сказал он, – пришел из Западной Земли? Я приму вас завтра в полдень.

Король снял с правой руки золотое запястье, чужеземец поклонился и принял подарок.

Арфарра стоял рядом с королем, в золотом паллии и накидке из перьев, и лицо его было совершенно бесстрастно. Он только чуть повернул голову к Хаммару Кобчику и сложил руку на руку: «Не надо».

И тут Марбод вышел вперед и сказал:

– Дрянь из-за моря! Кто ты такой, чтобы вмешиваться в распри богов?

Даттам тихо охнул, – теперь о примирении не могло быть и речи. А чужеземец поднял убитого кречета за лапку и сказал:

– Ваше величество! Разрешите, я скормлю этого волосатого бога своей кошке?

Двое товарищей схватили побелевшего Марбода, а тот стал пускать пузыри и рыть сапогом пол.

– А чужеземец, – сказала рядом прекрасная Айлиль, – тоже достойно одет и отважен. Если бы он промахнулся на глазах короля, – что б ему оставалось, как не покончить с собой от стыда?

Сердце у Неревена застучало, как тогда, когда он глядел на башмаки. «Святотатец он, вот кто! Чужие боги ему не страшны, зато он понял, что учитель – первый человек в королевстве, и решил оказать ему услугу».

– Давеча, – сказал Неревен вслух, – городской совет обидел его товары. А потом его надоумили искать защиты у короля. Вот алчность и сделала торговца храбрым!

– Ах, нет, – возразила королевская дочь. – Никакие эти люди не торговцы. И держится он свободно, и стреляет дивно.

Эконом Шавия оправил паллий и сказал:

– И сами они торговцы, и страна у них – страна торговцев. Выборный от ювелирного цеха назначил ему цену за камни ниже, чем вода в пересохшем колодце, и пригрозил арестовать судно, если он будет торговать камнями помимо цеха. Если б вы видели, прекрасная госпожа, как он обиделся! Выборный ему говорит: «Ламасса – свободный торговый город, вы здесь не в империи, где всякий чиновник цехом помыкает, у нас цех сам следит за справедливой ценой». А тот в ответ: «А у нас, говорит, в городе есть такое место, где сходятся покупатели и продавцы, так что на одного продавца – сто покупателей, и на одного покупателя – сто продавцов. И тогда товар назначает себе цену сам, без чиновников и выборных. Вот такая цена, говорит, – справедливая». И если бы вы видели, госпожа, как гордо он говорил и как всем кругом было неловко.

Глаза королевской дочери потухли, и она уже не так внимательно глядела на чужеземца.

– Однако, – сказала она, – я тоже хочу видеть его завтра у себя.

– Да, забавно он говорил, – механически сказал Даттам. – И притом заметьте, госпожа, если утром в таком месте купить по низкой цене, а вечером продать по высокой... Или запла-

тить за товар, которого еще нет, а который будет через три месяца, когда цена на него возрастет. Деньги в таком месте можно делать прямо из воздуха. Кто ж такое допустит...

По правде говоря, Даттаму было сейчас не до торговли, но он изо всех сил старался показать, что происшедшее его не расстроило.

– Вот-вот... – поддакнул эконоом Шавия. – И причем же тут справедливая цена? Разве количество труда, вложенного в вещь, через три месяца изменится?

Меж тем не все в зале были так спокойны, как женщины за занавеской и люди из империи. Горожане плакали над убитой мангустой, потому что она была удачей Арфарры, а знатные в пестром усмехались.

Арфарра подобрал мангусту на руки и подошел с ней к алтарю. Монахи запели на языке богов, из курильниц пошел дым, дым стал тучами, а тучи – Облачной Залой. Тут многие увидели щекотунчиков и страшных тварей там, где их не было, и золотые сады.

Неревен увидел, как Арфарра идет переходами облачного дворца, и дворец был, действительно, устроен совершенно так, как нарисовал его Неревен. Стражники в парчовых куртках стали бить и колоть всякую нечисть, а, пока Небесному Государю передавали доклад об убитой мангусте, старец Бужва, бог в парчовой куртке, мстительно улыбаясь, поманил учителя пальцем и ткнул вниз, в Неревена. Лицо у Бужвы было в точности как у того монаха, что приехал с Даттамом, проговорил с учителем, а после этого учитель стал рассеян с Неревеном.

Тут Неревен так ужаснулся, что колонны небесного зала присели и рассыпались, а Арфарра выступил из дыма вновь. Вместо золотых узоров по платью ходили языки пламени, перья накидки превратились в голубые мечи, заплясали в воздухе, а с плеча Арфарры прыгнула и побежала живая мангуста.

Перья вновь стали перьями, люди ловили их по всей зале, и даже знатные кричали так, как девки в весеннюю Дикую ночь, а король упал к ногам Арфарры.

Айлиль рядом лежала без сознания, Даттам тер слезящиеся глаза и ругался сквозь зубы, а чужеземец рядом с королем тарасил глаза, и судя по виду, тоже ругался.

Даттам ругался потому, что увиденное в дыму бывает ложью, и даже на этом основании заключал, что богов нет. Очень глупо: люди лгут еще чаще, чем предсказания, но никто ж отсюда не выводит, что людей нет?

Арфарра поднял руки вверх и закричал, что триста лет как длятся здесь преступления, и он, Арфарра, человек с мангустой, приказывает покойникам убираться вон из залы, вон из дворца, вон из города.

Раскрыли двери, все стали гнать духов вениками, рукавами и полами и выбегать во двор. Церемония кончалась.

Неревен увидел: у курильницы с ушком стояли чужеземцы. Ванвейлен скребся пальцем о курильницу, а младший то ли ругал Ванвейлена за то, что тот подстрелил кречета, то ли доказывал ему, что тот не так видел облачный дворец.

Неревен заторопился к ним: это очень важно – узнать, как человек видел облачный дворец. Это очень много говорит о человеке. А потом будет поздно, потому что окажется, что все видели одно и то же.

Чья-то рука коснулась плеча Неревена, и тихий-тихий голос произнес:

– Передайте Арфарре, что эконоом Шавия – шпион государыни.

– Учителю известно, – шепнул Неревен в спину одного из прибывших с Даттамом монахов.

А когда Неревен повернулся, чужеземцы уже вышли из залы. Неревен бросился за ними вслед.

* * *

Бредшо скакнул куда-то в сторону, а Клайд Ванвейлен тоже выбежал во двор. Там стояли люди с котлами и жаровнями, готовили четыре вида злаков и пятый – бобы, на кожаных блюдах лежало все, что бегают, прыгает, летает и плавает, и знатные садились уже вперемешку со слугами и даже с горожанами на циновки и к кострам.

В горле у Ванвейлена першило, глаза вздулись. То ли та дрянь, которую жгли во время церемонии очищения, – а Ванвейлен не сомневался, что речь шла о каком-то сильном галлюциногене, – действовал на него по-другому, чем на тутошнее население, то ли он не разделял местных воззрений на устройство мироздания, – а только никаких небесных садов он не видел.

– Эй!

Ванвейлен оглянулся. Перед ним стоял Марбод. Красивого парня было трудно узнать: глаза Марбода страшно вытаращились и налились красным. Он шатался.

– Ты зачем, утиное отродье, суешься в божьи распри?

Ванвейлен с трудом выпрямился:

– Во-первых, – уточнил он, – я родился не от утки и даже не от кречета, как ваш прадедушка. А во-вторых, при чем тут божьи распри? У советника Арфарры был любимый зверек, эта мангуста, и вдруг, откуда ни возьмись, кречет. Кто же это осмелится напустить выдрессированного кречета на мангусту советника, да еще прямо во время священной церемонии, а, Марбод?

Марбод молча и быстро бросился на Ванвейлена с мечом. Ванвейлен отступил и потащил свой собственный меч, от волнения ухватившись за рубчатый его эфес, как баба – за хвостик морковки, которую тащат из грядки. Сверкающая полоса описала круг над головой Ванвейлена.

Ванвейлен прыгнул в сторону. Марбод промахнулся, сделал еще шажок, и залетел мечом в каменное перильце, украшенное резьбой из морских волн с завитками и рыбками. Перильце взвизгнуло, каменные осколки так и брызнули во все стороны. Марбод пошатнулся, нехорошо крикнул и сверзился вниз по лестнице.

Вокруг набежали дружинники и горожане, – Марбод стоял на коленях под лестницей и блевал. Тут только Ванвейлен сообразил, что, как ни плохо ему после курильниц, – Марбоду, видно, еще хуже. Ванвейлен стоял, растерянно сжимая меч, который зацепился гардой за пояс и так и не вылез наружу. Кто-то схватил Ванвейлена за плечо, – это был начальник тайной стражи, Хаммар Кобчик:

– Ну, чего вы стоите? – сказал Кобчик. – Мало вам будет славы, если вы убьете человека в таком состоянии.

Ванвейлен изумился и поскорей отошел.

* * *

Даттам выскочил из зала, совершенно взбешенный. Он ни минуты не сомневался, что вся проделка с ожившей мангустой принадлежала Арфарре от начала и до конца.

Чиновника империи можно было поздравить: какое чутье к культуре! Год назад господин Арфарра, желая убедить собеседника, представил бы оному доклад о семидесяти трех аргументах; сейчас Арфарра-советник доклада не представлял, а представил, как он может оживить убитую мангусту, что, по мнению местного населения, с неизбежностью свидетельствует о правильности его политических взглядов.

А какие слухи распускают о нем его шпионы, особенно этот, Неревен, и, мало того, верят в них сами! Не бойся человека, у которого много шпионов, бойся человека, шпионы которого верят в то, что говорят!

Самое же паскудное заключалось в том, что наркотик, сгоревший в курильницах, был редкий и дорогой, гриб, из которого его делали, рос в только в провинции Чахар, а сам наркотик получил сравнительно недавно один из молодых алхимиков храма, и Даттам полагал, что никто об этой штуке не знает. Сам Даттам воспользовался веществом раза три, для кое-каких высокопоставленных чиновников, верящих в подобные фокусы, – одному показал умершую наложницу, а другой хотел, видите ли, проконсультироваться у чиновников подземного царства, стоит ли ему вносить необходимые Даттаму изменения в годовой бюджет столицы. Вышло, разумеется, что стоит.

И подумать только, что молодой химик как-то переслал свое зелье Арфарре, и что Арфарра выманил у Даттама отказ от монополии ни за что ни про что!

Даттам закашлялся. Он чувствовал себя довольно плохо и был неприятно возбужден, – кажется, после этой дряни хорошо выпить горячего молока, или иметь женщину...

– Господин Даттам!

Даттам оглянулся.

Позади него стоял один из самых ненавистных ему людей, – дядя короля, граф Най Третий Енот, один из чистокровных представителей местной фауны, убежденный вполне, что простолудин родится едой знатного, а торговля суть занятие постыдное, в отличие от грабежа. Даттама граф никогда не жаловал, – особенно с тех пор, как Даттам позарился на принадлежащие графу заброшенные серебряные рудники близ Винды. Вместо рудников Даттам получил обратно своего посланца – с обрубленными ушами и словами о том, что-де Еноты не собираются продавать рудники, хотя бы и не используемые, всякому мужичью из империи.

– Это что же такое делается, – спросил Най, – вы видели, господин Даттам, как ваш друг шлялся по небесам? Так мало того, что он ездил по небесам, он ездил точно на той каурой кобыле, которая у меня сдохла третьего дни! Я за нее двух рабов отдал.

– Да какая вам разница, на чем он ездил по небесам, – закричал Даттам, – мало ли какая дрянь ездит по небесам, каждый деревенский шаман там шастает. Если бы всех, кого пускают на небеса, пускали в приличные дома, так в приличных домах жили бы одни деревенские шаманы!

Най удивился. Аналогия с деревенским шаманом видимо не приходила ему в голову.

– Гм, – проговорил Най, – однако мой домашний шаман не решится под такое дело сгубить мою лучшую кобылу.

Даттам сухо сказал:

– Вы дождетесь того, что у него все королевство сдохнет, как ваша кобыла, чтобы Арфарре было удобней ездить по небесам.

Най безмерно удивился:

– Значит, вы с ним не заодно? – спросил он.

Даттам молчал, выжидающе глядя на Ная.

– Я, – сказал Най, – все думаю о тех серебряных рудниках, – пожалуй, их стоит сдать вам в аренду.

Даттам молчал.

– Пожалуй, их стоит подарить вам, – сказал Най.

Даттам усмехнулся и промолвил:

– Если с Арфаррой что-нибудь случится, граф, на небе или на земле, мои люди не станут в это вмешиваться.

* * *

Через полчаса Неревен прибежал к Арфарре:

– Датгам и граф Най беседовали между собой! – выпалил он.

– О чем?

– Я не знаю, – потупился мальчик, – я заметил их из двора, они стояли у синего окна, но слишком далеко, чтобы можно было прочитать по губам.

Арфарра погладил мальчика по голове.

– А что эти двое, Ванвейлен и Бредшо, – дружны между собой или лаются?

– Лаются, – сказал Неревен, – а почему вы спрашиваете, учитель?

– Если двое человек, которые тебе понадобились, дружны между собой, следует арестовать их и заставить одного служить тебе, пугая гибелью другого. А если они враждуют, то лучше оставить их на свободе, и, рассорив, использовать друг против друга.

Неревен наморщил лобик:

– Тогда, пожалуй, они дружны между собой, – сказал он.

– Иди, поговори с ними, – сказал Арфарра.

– О чем?

– Если ты не знаешь человека, говори с ним ни о чем, и он сам начнет говорить о самом важном.

* * *

Неревен отыскал Ванвейлена близ конюшен. Заморский торговец сидел у огромного восьмиугольного костра вместе с конюхами и дружинниками, жадно жевали баранину, завернутую в лепешки, и смеялись.

Неревен подошел к костру.

– А кто это такой тощий? – спросили справа по-аломски.

– А это раб королевского чародея.

Неревен возразил:

– В ойкумене нет рабов, я не раб, я – ученик.

– А почему кольцо рабье на руке?

У варваров железные кольца на левой руке были у рабов, и послушники храма обычно колец не носили, но Неревен знал, что учителю приятно, когда не нарушают традиции, и не снимал кольца.

– Да дайте вы ему поесть, – сказал нежно один из королевских конюхов. – Хозяин его, что ли, совсем не кормит.

Неревен прислушивался. Конюх возбужденно рассказывал, как сегодня Арфарра ездил с мангустой к Небесному Кузнецу:

– Конь его бежал быстрее ветра, а потом перекинулся орлом и полетел в небо...

Неревен вздохнул. Конюх уже, конечно, рассказывал, не про то, что было видно в дыму, а про то, что было нарисовано на стенах. И даже в зале он, судя по всему, не был. Потому что если бы он сам видел рисунки, он бы говорил не «конь бежал быстро», а «восьминогий конь». И не «конь обернулся птицей», а «с одной стороны то был конь, а с другой – птица».

Неревен глядел искоса на заморского стрелка, Ванвейлена. Тот слушал рассказчика. Лицо – как протухшего угря съел.

– А вы, господин, чего видели? – тихо спросил он.

– Ничего, – буркнул Ванвейлен.

– Ну, хоть небо-то видели? Какое оно?

– Никакое. Черное. И не видел я никаких чудес.

Неревен даже поперхнулся! Он и сам, пожалуй, знает наяву, что небо черное, потому что так учитель говорит. Но это что ж за черная душа увидит черное небо во сне?

– Правильно, сударь, говорите, – заметил сбоку пожилой лучник. – На небо лазить – это и деревенский колдун умеет. А королевский советник... У нас перед битвой в Шаддуне кончились стрелы. Так Арфарра велел принести соломы, помолился, набрал в рот воды, попрыскал на солому, и к утру было сорок тысяч штук.

– Эка врет! – сказал кто-то и засмеялся.

Неревен внимательно вгляделся: смеялся коренастый плотный дружинник. Потертый его боевой кафтан был расстегнут, и поверх ворота висело ожерелье из человеческих зубов: не один зуб, где-нибудь в укромном месте, а прямо как воротник. Шлем дружинник привесил на шнурах через плечо, и защитные пластины и гребень были белые-белые: из дружины Кукушонка. Волосы у него были совсем короткие. Раньше аломы стригли волосы, только если убьют кого-то, и Кукушонок любил, чтобы его дружинники делали, как раньше.

– Я сам был в Шаддуне, – обиженно сказал дружинник, – и никакого колдовства там не было. Просто королю донесли, что советник похваляется: могу, мол, за одну ночь добыть двадцать тысяч стрел. Король призвал советника и говорит ему: «Так добудь!» Тот на это: «Дайте мне соломенные тюки и лодки на целую ночь». Хорошо, дали ему и то и другое. Так что он сделал? Обвязал борта лодок тюками, вывел их на середину реки, прямо напротив вражеского лагеря, и велел бить в колотушки и кричать. Ночь была темная и спокойная, в лагере герцога решили, что королевские войска переправляются через реку, и стали стрелять. Утыкали солому стрелами, как репьями... Но где же тут колдовство?

– А погода нужная по-твоему, сама собой сделалась? – насмешливо возразили скептику. – Сама собой и каша не варится.

– Все равно – чародей.

– Махнул мечом – и сшиб герцогский замок.

– Скачет на железной лошади.

– Ну и что? У короля Ятуна тоже железная лошадь была: так вынули затычку и убили.

– Давайте я расскажу, – вмешался Неревен.

А Неревен многое мог рассказать!

Однажды король явился в замок графа Нойона, а Нойон еще на его отца имел зуб. В нижних палатах уже наточили оружие и ждали ночи.

Тогда Арфарра, словно забавляя хозяев, взял листок бумаги и одним движением кисти изобразил на нем тигра. Махнул рукавом – тигр ожил и спрыгнул с листа. Хозяин было бросился на него с мечом, но Арфарра засмеялся и остановил его: путники устали, хотят спать и часовых ставить не будут: пусть их охраняет этот тигр.

Другой раз король во время охоты заблудился в лесу, и еда кончилась. Арфарра вытряхнул из рукава финиковую косточку и бросил ее в землю. Пальма выросла быстро, немного не до небес, расцвела и созрела ячменными лепешками.

– Ой, как мы наелись! – сказал Неревен, грустно вздохнув (лепешки тогда пахли домом, – в точности как мать пекла, далеким домом за стеклянными горами). – Взять-то с собой ничего было нельзя, как на поминках.

– Да, запастись нельзя, – засмеялся кто-то сзади. – И продать тоже нельзя. Так?

Неревен оглянулся. Говорил Ванвейлен, говорил и смотрел неприязненно, как жрец на зерно, нетронутое священным хомяком, расстройство в мироздании. Торговец полез за пазуху и достал оттуда золотой ишевик. Неревен стиснул зубы. Он по опыту знал: если здесь человек держит золотой в руках, то его слушают так, словно он казенный указ читает.

– Вот, – сказал Ванвейлен, – я, к примеру, крестьянин. Я беру золотой, покупаю семена, лошадь и плуг. Пашу, бороню, сею ячмень, собираю урожай, продаю его. Получаю два золотых.

Или, к примеру, я пекарь. Покупаю зерно, мелю, замешиваю тесто, ставлю его в печь, пеку лепешки. Продаю их, получаю четыре золотых. Или, к примеру, я торговец. Я знаю, что вскоре будет большая ярмарка, покупаю у пекаря лепешки, везу их на свой страх и риск по дурной дороге. Продаю их, получаю шесть золотых.

Итак, зерно превратилось в лепешку, а из одного золотого стало шесть, и все шесть опять можно вложить в дело. Но зерно не просто превратилось в лепешку. Оно обросло плугом, бороной, мельницей, печью, повозкой, дорогой, ярмаркой, договорами и обментами.

Среди всех этих вещей лепешка – самое неважное. Ее съешь, а мельницы и договора останутся. Так вот, положим, волшебник может вырастить лепешку из ничего. Но ведь она и останется ничем. Ее съешь, – и не останется ни мельницы, ни договора, и общество, которое верит в волшебную лепешку, никогда не разбогатеет. Оно никогда не сможет получить из одного золотого – шесть золотых. Вам кажется: это лепешка заколдована, а на самом деле заколдовано общество. Волшебство размножается слухами, а деньги – нет.

Торговец оглянулся на слушателей. Те морщили лбы, стараясь понять ошибку в рассуждениях.

Неревен мягко взял ишевик из руки Ванвейлена.

– Я, конечно, не учитель, – сказал он.

Неревен раскопал в горячем песке ямку, сунул монету. Заровнял ямку, пошептал, разрыл – вышло два золотых.

Зрители заволновались.

Неревен накрыл золотые платком, сдернул его – их стало четыре.

Зрители зашептались.

Неревену было жалко золотых, вынутых давеча из тайника-Бога. Но если учесть, что случайностей в мире не бывает, – то, наверное, за этим их Парчовый Старец и послал. Ведь варвары мыслить связно не умели. Их убеждала не истинность слов, а ложность фактов.

«Торговец! – думал Неревен. – Тоже мне, труженик! Сулит молоко, продает сыворотку... Если он купил за четыре монеты, а сбыл за шесть – то откуда ему взять недостающие две, не надув покупателя?»

Неревен махнул платком третий раз: золотых стало шесть.

– Заберите, – сказал Неревен.

Ванвейлен замотал головой.

– Это – твое.

– Зачем? – удивился Неревен. – Люди меняют на деньги то, чего у них нет. А зачем чародею деньги, если он может вырастить сразу лепешку?

Монеты в конце концов расхватили лучники. Не без опаски: с одной стороны, у мальчишки золота не могло быть. С другой стороны, – кто его знает, может оно из заколдованного клада, только что сгинуло, и вернется обратно. Или угольями станет.

Тут подошел певец, и все стали слушать песню.

Неревен глядел на Ванвейлена, озадаченно пересыпавшего монеты, и думал о том, что было самое странное в его словах. Пусть торговец считает себя тружеником – всякие установления бывают у варваров. Но кто, скажите, слышал, чтобы крестьянин *продавал урожай и покупал семена*? В ойкумене государство выдает семена и сохраняет урожай, у варваров крестьянин хранит семена сам, а урожай отбирают сеньоры, – но ни государство, ни крестьянин, ни сеньор зерна не покупают и не продают иначе, как во время великих несчастий. Что ж, в этой стране – каждый день по несчастью?

А Ванвейлен уже повернулся к горожанину, и они заговорили о чем-то... Великий Вей, никак о налогах на шерсть!

* * *

Через час, когда Ванвейлен, сведя несколько полезных знакомств среди горожан, спулся в нижний двор, его окликнули. Ванвейлен обернулся: это был Бредшо.

– Привет, – сказал бывший (или не бывший? или ему еще где-то капает зарплата?) федеральный агент, сходя вниз, – вы мне, помнится, яйца грозились открутить, если я во что-то буду вмешиваться. А сами чего делаете?

– Я ни во что не вмешивался, – сказал Ванвейлен. – Я старался завоевать расположение Арфарры.

– А, вот оно что! Тогда пойдемте, я вам кое-что покажу.

И Бредшо поволок Ванвейлена обратно во дворец.

Где-то, не доходя главной залы, Бредшо свернул в тупичок, украшенный фигурой леца, перед которой горел светильник в форме пиона, и пихнулся в стену. Стена приоткрыла рот. Бредшо отобрал у леца светильник и стал подниматься по черным крутым ступеням, от которых пахло недавней стройкой и светильным маслом. Через несколько пролетов Ванвейлен стал задыхаться. Бредшо летел вверх, словно лист в аэродинамической трубе, – экий стал проворный!

Наконец бесконечный подъем кончился и Ванвейлен кочаном сел на ступеньку. Он в полной мере ощущал то обстоятельство, что легче на ракете подняться в стратосферу, чем собственными ногами влезть на небоскреб.

А Бредшо поманил его пальцем и, приладившись к стене, отвел один из покрывавших ее щитков. Ванвейлен сунулся глазом в щиток и увидел, далеко под собой, залу Ста Полей.

– Сегодняшнее представление, – сказал Бредшо. – проходило по сценарию Арфарры. Арфарра строил этот дворец, Арфарра его и набил всякими ходами. Он все спланировал заранее, – и мангусту вторую принес, и лучника тут поставил сшибить птичку: видишь, лучник стоял и для развлечения царапал по стенке? Совсем свежие царапины.

– Я точно знаю, что кречета выпустил Марбод. У него мозги так устроены. Он мне сам сказал, что кречет – его душа, а мангуста – душа Арфарры!

– Чушь собачья! Афарра сам знает, что все решат, что кречета выпустил Марбод, а Марбод решит, что кречета выпустил бог! Думаешь, он тебе благодарен? Думаешь, он стремится к прогрессу? Да если бы он стремился к прогрессу, он бы лучше канализацию во дворце построил, чем тайные ходы!

– Федеральной разведке значит, можно строить тайные ходы вместо канализации, а аборигенам нельзя? – осведомился Ванвейлен.

– Тише!

По лестнице, действительно, кто-то шел. Земляне поспешно задули фонарь и заматались в поисках укрытия. Но камень вокруг был гладкий, как кожа лягушки. Человек поднимался медленно и с одышкой. Когда он достиг соседнего пролета, стало видно, что это один из утренних спутников Арфарры. Ванвейлен даже вспомнил его имя – эконо Шавия. За экономом кто-то бежал, легко, по-мальчишески.

– Господин эконо! Господин эконо!

Шавия остановился и посветил фонарем вниз. Его нагонял послушник Арфарры – Неревен.

– Ты чего кричишь, постреленок, – напустился на него Шавия.

– Ах, господин эконо, – я только хотел спросить вас об одной вещи.

– Ну?

– А правда, господин эконо, что у государыни Касии козлиные ноги?

Эконом ахнул и замахнулся на мальчишку фонарем. Тот, хохоча, покатился вниз. «Ну, все, подумал Ванвейлен, – сейчас этот дурак поднимется к нам, и надо бы прикрыть лицо плащом да и отключить его тихонечко на полчаса».

Но эконом, внизу, поставил фонарь на пол и стал шарить по стене. Что-то скрипнуло, – эконом подобрал фонарь и сгинул в камне.

Бредшо нашарил в кармане черную коробочку, вытащил из коробочки стальной ус, и нажал на кнопку. Коробочка тихо запищала, а потом из нее послышался голос Неревена, напевавшего какую-то дурацкую песенку.

– Вот еще одна твоя заслуга, – ядовито сказал Бредшо. – Кто хотел запихнуть «жучок» в комнаты Даттама? Что нам теперь делать? Слушать шуточки пацана?

– Сдается мне, что шуточки этого пацана можно и послушать, – сказал задумчиво Ванвейлен. А что до «жучка», – так он его сам выбросит, или выменяет на горсть арбузных семечек.

Помолчал и добавил:

– Я пошел. Я хочу еще сходить в город и кое-что там узнать. А ты?

– Останусь здесь, – сказал Бредшо. – Видишь ли, эти ходы есть и во дворце, и вне дворца, и я бы очень желал иметь их карту, – так сказать, карту либеральных намерений советника Арфарры.

* * *

Через два часа, когда Неревен пробирался задами королевского дворца, кто-то ухватил Неревена за плечо и повернул как створку ширмы. За спиной стоял Марбод Кукушонок, бледный и какой-то холодный. Он уже переделался: подол палевого, более темного кнizu кафтана усеян узлами и листьями, панцирь в золотых шнурах, через плечо хохлатый шлем с лаковыми пластинами. Верх кафтана, как всегда, был расстегнут, и в прорези рубахи-голошейки был виден длинный, узкий рубец у подбородка.

В одной руке Кукушонок держал Неревена, в другой – красивый обнаженный меч с золотой насечкой. Неревен почувствовал, как душа истекает из него желтой змейкой.

– Я слышал, что сегодня ты вырастил золото, маленький чародей, – сказал Кукушонок, – а можешь ли ты вылечить железо? Голубые его глаза были грустны, и маленький рубчик на верхней губе делал улыбку совсем неуверенной.

– Остролист был очень хороший меч, – продолжал Марбод, – но однажды я убил им женщину, она успела испортить его перед смертью, и удача ушла от меня.

Марбод держал меч обеими руками, бережно, как больного ребенка. Края его были чуть зазубрены, можно было различить, где один слой стали покрывает другой. Молочные облака отражались в клинке. Посередине шел желобок для стока крови.

– Знаете старый храм Виноградного Лу в Мертвом городе? Будьте там с восходом первой луны и белого куренка принесите.

Неревен повернулся и тихонько пошел прочь. Конюхи, катавшие неподалеку коня в песке, не обратили на разговор никакого внимания.

Неревен миновал хозяйственные постройки, вошел во дворец через сенной ход и бросился разыскивать учителя. Но тот затворился в королевских покоях вместе с королем, а король строго-настрога приказал их до утра не беспокоить.

Неревен тяжело вздохнул, прошел в заброшенный зал и взобрался на ветку яблони. Там он уселся, болтая ногами и рассматривая амулет заморских торговцев, вытасенный давеча из ковра. Но амулет был совсем глупый – без узлов и букв, – просто белая стальная чешуйка.

«А Марбод Ятун не так глуп, – думал Неревен. – Ведь он пришел мириться с Арфаррой, а кречета выпустили те, кто этого не хотел... И вот Марбод по вспыльчивости учинил скандал, а теперь его взяла досада, и он хочет тайно снестись с королевским советником...»

Яблоня уже цвела, но коряво и скудно. Неревен вспомнил, как прививал он черенки в родном селе, и вздохнул. Потом расковырял один из гиблых цветков: так и есть – в чашечке, свернувшись, дремал маленький бурый червяк. Яблоня была поражена цветоедом. Яблоне было лет сорок. Неревен удивился, что гусеницы так объели дичок. Неревен спрыгнул, уперся носом в землю, оглядел штаб. Так и есть: не дичок, а привитое дерево, может быть, то же самое, что растет в родной деревне... Ибо все деревья одного сорта, в сущности, – то же самое дерево.

Рождаются новые люди и рождаются новые законы, умирают и воскресают боги и государства, а культурный сорт не рождается и не умирает, а размножается черенками, которые, как талисман, сохраняют свойства и признаки целого. И растет тысячи лет по всей земле, от океана до океана, огромное дерево, и крона его покрывает небосвод как серебряная сетка, и растут из разных корней одинаковые яблони. И сажал это дерево кто-то в Варнараине лет сорок назад – но пошло оно в пищу не садовнику, а цветоеду.

ГЛАВА ШЕСТАЯ, ***в которой король навещает Золотого Государя, а*** ***Арфарра-советник рассказывает, отчего погибла империя***

Ванвейлен спустился в город, чтобы навестить нужных ему людей и посоветоваться по поводу контракта с Даттамом, но куда там!

В городе в этот день королевский декрет запретил работу, трудились лишь шуты и актеры; ворота каждого дома, как губы, лоснились от жертвенного масла. Народ, уже знал о происшествии во дворце. Столяры, получившие в этом году невиданные деньги на строительстве дворца, затащили Ванвейлена на цеховую пирушку и стали качать на кожаном блюде.

– А в стране Великого Света бесплатные пироги каждый день, – сказал один мастер другому.

Тот ответил:

– Представляешь, сколько бы мы огребли в Небесном Городе, если бы строили дворец государыни Касии!

Через два часа Ванвейлен отклонялся, еле живой и полный по горлышко, но не тут-то было: его перехватили оружейники. У этих все было еще обжорливей: король полгода назад издал указ: всем свободным людям иметь вооружение сообразно имеющемуся имуществу, а не сообразно имеющейся земле, – вот цех и победил сегодня в шествиях с барабанами и богами.

Пожилой мастер, охромевший в битве у замка герцога Нахии, подошел к Ванвейлену и сказал:

– Однако, мог ли я думать, что моя стрела сразит самого бога Ятуна?

– Что ты врешь! – сказала его жена.

– А вот и не вру, – сказал мастер, – а в каждую стрелу пишу свое имя.

– Что ты врешь! – повторила женщина. – Настоящий Ятун без образа и вида. Ему вся вселенная мала; не то что меховая тварь. А погиб сегодня кровавой идол, бог сеньоров.

Старик опростал кружку доброй бузы, вытер губы, кружку разбил о козлы и согласился:

– Можно и так.

Ванвейлен вернулся на корабль пьяный в стельку и донельзя веселый. Бредшо на корабле еще не было.

* * *

А Бредшо в это время сидел в развалинах Мертвого Города, вдали от праздника живых. Неподалеку от него в небе торчал острый клюв Золотой Горы, и звезды рассыпались по небу, как серебряная пыль, поднятая колесом луны, и ни одна из небесных звезд не украсилась ярче от праздника живых.

Дырка, из которой Бредшо вылез наружу, темнела совсем неподалеку, – Бредшо прополз и прошел под землей не меньше десятка километров. Хитрые ходы, проложенные Арфаррой, смыкались со старой, полуобвалившейся подземной системой орошения. Поземные каналы и срубы простирались от королевского дворца до самой гавани, весь город стоял как на губке, и если Арфарра, как бывший чиновник империи, имел при себе карты этой системы, заброшенной совершенно и населенной одними упырями и мертвецами, – то он располагал великолепным ноу-хау для производства чудес, к которым был, повидимому, равнодушен.

Бредшо был смущен и напуган поведением Ванвейлена, – того самого Ванвейлена, который был таким противником битв с драконами и прочего вмешательства во внутренние дела... «Ведь Ванвейлену плевать на то, что хорошо и что плохо, – думал Бредшо. – Ведь он за себя

обиделся, а не за здешний народ. Он приплыл сюда с тонной золота и думал, что за золото ему будет почет и уважение, а на него за это самое золото смотрят, как на вошь. И вот людей, которые смотрят на золотовладельца как на вошь, Ванвейлен не может вынести. Он ведь видит не дальше своего носа. Он за что на меня взъелся: за то, что ему не доплатили за перевоз. А то, что если бы нас накрыли с оружием, меня бы поставили к стенке, а его бы отпустили, как неосведомленного, это его не колышет. Ему кажется: он платит пятнадцать процентов налогов, а если бы не расходы на содержание спецслужб, он бы платил четырнадцать с половиной. А что при этом галактика бы провоняла террористами и диктаторами, ему до этого дела нет... Досада сделала торговца храбрым».

* * *

Храм Виноградного Лу был заброшен, а сам Лу выродился, рос вокруг в диком виде и крошил колонны.

Марбод Кукушонок, сидел скорчившись на алтарном камне и упершись подбородком в рукоятку меча. У ног его плавала в луже луна. Неревен шагнул за порог, курица в мешке за плечами завохтала.

– Надо быть очень плохим колдуном, – сказал Марбод, поднимаясь, – чтобы считать, будто я буду лечить свой меч у соглядатая из вонючей империи.

Неревен попятился. Его подхватили и бросили в лужу, к ногам Кукушонка. Тот встал, носком сапога поддел подбородок послушника, перевернул его на спину.

– Многое можно простить Арфарре, – сказал Марбод, – но одну вещь я ему простить не могу.

Неревен глядел вверх, туда, где вместо купола над храмом было небо, – не настоящее, с облачной залой, а видимое, черное, с двумя яркими лунами. Неревен хотел ведь рассказать о встрече учителю, но не посмел: тот заперся с королем... Несомненно, месть Старца в Парчовой Куртке за утреннее святотатство. О боги! Вы толкаете нас на преступление, и сами же за него караете!

– Три месяца назад, – продолжал Марбод, – Арфарра взял замок герцога Нахии, и с тех пор он распускает слухи, которые состоят из двух половинок: он говорит, что это я предал герцога и указал подземный ход в его замок. И еще он говорит, что, вместо того, чтобы пустить сквозь подземный ход воинов, он пустил через него бесов.

Дружинники зашевелились. Многие помнили страшную картину, представшую их глазам в упомянутом замке: люди валялись повсюду с синими лицами и распухшими языками, ни одного живого человека в замке не было, и ни одной колотой раны, – только распухшие языки.

– Так оно и было, – сказал Неревен, – или ты не видел мертвецов?

– Мало ли чего я вижу, – сказал Марбод, – я и сегодня видел, как Арфарра достал мангусту с неба, а на самом деле это был морок и чушь. Не было еще такого случая, чтобы духи пере душили шестьсот воинов! Я осмотрел весь замок, и на заднем дворе я увидел телегу, полную черепков. Я подумал-подумал, и узнал телегу, которую за три дня до того видел на подворье Арфарры, – один из моих дружинников еще хотел выпить вина, а монахи накинудились на него и отогнали от телеги. «Что за притча, – подумал я, – отчего это все кувшины разлетелись зараз, да еще так, что иные из черепков валялись на крыше конюшни». Я стал складывать черепки, и увидел, что дно их помечено красным крестом.

Я лизнул черепок, и, клянусь божьим зобом, стал блевать и чуть не отдал богу душу; и еще кое-кто в тот день умер, из тех, что сдуру поперлись в подземелья замка за сокровищами.

И вот я хочу тебя спросить, что это за духи сидели в кувшинах, потому что мне очень не нравится война, в которой люди воюют с кувшинами. Но если уж оно так случилось, мне приятней, чтобы кувшины воевали на моей стороне.

Неревен прилип к полу, как мокрый осенний лист к донышку лужи.

– Я знаю, – продолжал Кукушонок, – что вчера господин Даттам привез в город такие же кувшины с крестом. Ты покажешь мне подземный ход в ваш дьявольский храм и покажешь, где стоят кувшины.

– Зачем?

Марбод коротко хохотнул.

– А вот я выпущу из кувшина бесов и посмотрю, что после этого останется от вашего храма. Ну, так как мне добраться до кувшинов?

– Не скажу, – ответил Неревен.

Марбод ослабился и снова ткнул в подбородок носком сапога.

– Скажешь. Меня называют удачливым воином. Ты думаешь, удачливый воин – тот, кто умеет брать замки? Это тот, кто умеет узнавать у обитателей, куда они дели добро.

Неревен завел глаза вправо. На разожженном костре палили принесенную им курицу, и еще наливался вишневым цветом кинжал. На стене, в пламени костра, прыгал облупившийся виноградный Лу. Голова и тело были еще человеческое, а руки уже пошли листвой с усиками. Художник чувствовал дух времени и орды варваров с юга. Ему полагалось представить рождение виноградной лозы, а он нарисовал гибель человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.